

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Folia 1-2

1134

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

3р 80
05
Р22

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

издано в 1887 году в Санкт-Петербурге в типографии В. В. Комарова

І Ю Л Ъ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ 3574 ж.ф.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ И ЛИТОГРАФІЯ В. В. КОМАРОВА, ФОНТАНКА, 74.

1887.

4
P Slav 620.5 ($\frac{1887}{7}$)
1887

61*2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 іюля 1887 года.

ДНЕВНИКЪ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

30-го сентября 1884 г. Вотъ я и въ Петровскѣ, новомъ мѣстѣ своего назначенія. Что-то будетъ!

Чтобы узнать, гдѣ будетъ мое помѣщеніе, мнѣ пришлось заѣхать въ господскую усадьбу, которая стоитъ совсѣмъ отдѣльно отъ слободы и раздѣляется большимъ яромъ, покрытымъ лѣсомъ. Меня встрѣтила экономка и сказала, что господъ нѣтъ дома, еще въ Крыму, но что они приказали принять меня. Я очень рада была этому, потому что не могла тотчасъ перейти въ свое помѣщеніе, — вещи мои должны придти только завтра. Но я все же стала спрашивать ее о хатѣ, которая мнѣ предназначается. Она вздохнула и сказала:

— Охъ, помѣщеніе-то очень плохое, не станете вы въ немъ жить, да и не идетъ оно вамъ.

— Отчего?—говорю.

— Да оно и хатенка-то плоха, и стоитъ какъ-то на отшибѣ совсѣмъ. Да вотъ вы чайку напьетесь, такъ васъ проводятъ посмотреть.

За чаемъ мы разговаривали, и она все восхваляла своихъ господъ. Она ужасно благоговѣетъ передъ всѣми господами, а передъ своими въ особенности, весь же простой народъ состоитъ изъ хамовъ, и человѣческихъ отношеній къ «этимъ хамамъ» она не допускаетъ и не понимаетъ. Я спросила о семьѣ Николаева (помѣщика), изъ кого она

состоить, и какъ всѣхъ зовуть. Семья состоитъ изъ жены, Марьи Алексѣевны, и 3-хъ дѣтей съ гувернанткою.

Послѣ чаю я отправилась къ своей хатѣ съ дѣвушкой, которую мнѣ дали въ провожатые. Мы прошли черезъ большой яръ и вошли въ слободу. На концѣ слободы, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, стоитъ церковь, откуда видно всю слободу, состоящую всего изъ 40 дворовъ. Мы пошли къ ней. Подойдя ближе, я увидѣла въ сторонѣ, около лѣса, одиноко стоящую маленькую хатку, безъ всякихъ пристроекъ, загоронокъ. Вотъ это и есть мое будущее обиталище. Мнѣ какъ-то неприятно стало, что я такъ далеко буду отъ всякаго жилья, и сосѣдями моими будутъ только поле, да лѣсъ. Внутренность хаты мы не могли посмотрѣть—замокъ былъ испорченъ и не поддавался нашимъ усиліямъ. Становилось уже темно. Мы возвратились обратно, отложивъ дальнѣйшій осмотръ на завтра.

Жду, когда можно будетъ лечь спать; чувствуется утомленіе, и кажется, что сладко засну. Экономка не умолкаетъ. Тяжело слушать подобострастную ея болтовню. Это типъ, выработанный крѣпостнымъ правомъ, который теперь совсѣмъ почти вырождается, и уже не можетъ всецѣло воскреснуть. И дай Богъ, чтобы не воскресаль.

1-го октября. Проснулась я очень рано, и, какъ только окружающіе зашевелились и начали вставать, я встала. Навившись чаю, я попросила позвать кузнеца, чтобы отпереть замокъ у моей хаты. Наконецъ, хату отперли. Я вошла, меня такъ и обдало сыростью. Хата вся бѣленькая, чистенькая, видно только, что страшно сырая. Кузнецъ, сдѣлавъ свое дѣло, ушелъ. Я осталась одна въ пустой хатѣ. Въ ней было такъ холодно, что пришлось остаться въ шубѣ. Мрачно, холодно. Сѣла на лежанку и мысли стали бродить отъ одного предмета къ другому, безсвязно, безцѣльно. Долго я оставалась въ такомъ положеніи. Вдругъ слышу, что кто-то подѣхалъ къ моей хатѣ, смотрю, это мои друзья изъ Ольгиной, фельдшерица и учительница съ

своею сестрой. Войдя въ хату, онѣ возмущались, какъ можно предлагать такое помѣщеніе, и стали говорить, что въ немъ нельзя оставаться, что если въ немъ жить, то нужно гробъ заранѣе приготовить. Я отвѣчала имъ, что живутъ же люди и въ такихъ помѣщеніяхъ, и жили же до меня въ этой самой хатѣ; можетъ быть, не такъ страшно будетъ, какъ кажется. Мнѣ и самой сразу страшно показалось, и я распрашивала, нельзя-ли у кого-нибудь нанять хату, но ни одной не оказалось.

— А что, можетъ быть, мы будемъ счастливыѣ, и найдемъ,—сказали мои гости.

Съ этою цѣлью мы отправились по слободѣ, но результатъ получился тотъ же самый — никто не пускаетъ. Мы возвратились опять въ пустую, холодную хату. Тутъ обѣжались хлопцы, дѣвчата. Мы спросили ихъ, нельзя-ли гдѣ-нибудь достать хворосту или кизяку, немножко протопить хату. Они притащили хворосту, и мы затопили печку. Вскорѣ и мои вещи прибыли, а съ ними и мой рояль. Мы принялись общими силами стаскивать, устанавливать ихъ. Докопались до самовара и горячими углями поставили его. Потомъ стали пить чай, разговаривать. А послѣ чаю друзья мои уѣхали, и я осталась одна одинешенька. Пусто какъ-то стало, то былъ шумъ, говоръ, а то вдругъ тихо.

Сейчасъ кончила только разбираться и успокоилась. Комната очень уютный видъ приняла, и совсѣмъ была бы хороша, если бы какая-нибудь живая душа была со мною. Но все же пріятнѣе быть одной въ маленькой, чѣмъ въ большой хатѣ, тутъ и муху слышно. Какая сильная, однако, потребность видѣть и чувствовать около себя жизнь — жужжащая муха и та обращаетъ на себя вниманіе и пріятна, между тѣмъ, какъ при другихъ обстоятельствахъ она или непріятна, или незамѣтна. Часы тикаютъ. Тишина. Каждое мое движеніе такъ слышно самой себѣ. А настроеніе самое хорошее, какое только можетъ быть: весь міръ

обнялъ бы, но въ хатѣ никого нѣтъ, кромѣ меня, а внѣ хаты все незнакомые люди. Сейчасъ еще разъ истопила печку. Свѣтло, тепло. Къ окну кто-то подошелъ и хочетъ испугать меня, издавая какіе-то неестественные звуки. Но, авось, въ хату не будутъ ломиться, а такъ—пускай пугаетъ.

2-го октября. Весь день ужасно тоскливо прошелъ. Съ самаго утра до 12 часовъ пришлось возиться около печки, съ самоваромъ, съ глетчиками ¹ и т. д. И все это только для себя. Прошло два часа, снова надо возиться, потому что надо ѣсть. Самоваръ полѣнилась поставить и чай замѣнила молокомъ. И все одна, одна и одна. Тоскливо. Ничего не хочется дѣлать, приходится принуждать себя.

Сегодня я была у нашего батюшки. Онъ меня встрѣтилъ чуть не съ распростертыми объятіями, и все время сокрушался, какъ это я буду жить одна, да еще въ такой хатѣ. У него были въ это время два мужика, съ которыми до моего прихода онъ велъ разговоръ по этому же поводу. Они сговорились предложить мнѣ поселиться въ церковной сторожкѣ, а въ моей хатѣ устроить школу. Эта комбинація мнѣ не совсѣмъ понравилась и я сказала, что мнѣ и въ хатѣ хорошо будетъ. Семья батюшки небольшая—онъ да жена, только всего. Самъ онъ худой, болѣзненный человѣкъ. Безпрерывно кашляетъ, говоритъ, что едва-ли здоровье позволить ему заниматься въ школѣ. Послѣ чаю я пошла домой. Вслѣдъ за мной пришла какая-то баба, уже старуха. Ее прислала экономка Николаевыхъ. Она спросила меня, не нужна-ли мнѣ какая-нибудь услуга, и если нужна, просила нанять ее. Я сказала, что мнѣ нужно будетъ носить воду и дрова, и если она желаетъ это дѣлать, пусть сама оцѣнитъ свой трудъ.

— Та що жъ бы съ васъ взяты?—сказала она.—Рублевку (въ мѣсяць) дадите, такъ и довольно буде.

¹ Глиняные горшки для молока.

Я согласилась и спросила, какъ ее звать.

— Меня кличутъ баба Фекла слѣпа. Прощайте, николи. Пиду за водой, а тоді ажъ завтра приду до васъ.

И ушла. Слѣпою ее называютъ потому, что она крива на одинъ глазъ. По уходѣ ея мнѣ невольно подумалось: «а все-таки я буду одна».

3-го октября. Сегодня пріобрѣла новое знакомство— была въ гостяхъ у столяра. Семья состоитъ изъ старика и старухи, ихъ сына съ женой,—и дочери, дѣвушки лѣтъ 16-ти. Сынъ-то и есть столяръ. Его зовутъ Митрофаномъ Антоновичемъ, а жену его— Натальей Михайловною. Когда они узнали, что я была въ Петербургѣ, начали вспоминать стараго государя. Старикъ началъ потомъ рассказывать мнѣ про подвиги Петра I, про Екатерину II, словомъ, сталъ гулять по всей русской исторіи. А я, къ стыду своему, должна признаться, что мелкихъ подробностей русской исторіи совсѣмъ не знаю, а старикъ на все требуетъ отъ меня подтвержденія, такъ что мнѣ сегодня былъ нѣкотораго рода экзамень. Завтра намѣрена пополнить хоть немножко свои знанія, а то старикъ меня загоняетъ. При мнѣ они получили письмо отъ сына, котораго только-что постригли въ какомъ-то монастырѣ въ іеромонахи. Я прочла имъ письмо. Они такъ довольны были, и столько я похвалъ получила за чтеніе. Іеромонахъ чѣмъ-то недоволенъ семьей, кромѣ матери.

Дочь грамотная. Я спросила, что она читаетъ. Оказывается, что у нихъ ни одной книги, даже Евангелія нѣтъ. А зажиточная семья: перины, подушки, занавѣски и пр. есть; къ чаю подали бѣлые сухари, варенье, сливки. Я невольно выразила удивленіе, и они вспомнили про какую-то книжку, которая гдѣ-то когда-то была. Жена сына, между прочимъ, курить; есть желаніе придать манерамъ и внѣшнему виду то, что называется на ихъ языкѣ «благородствомъ». Я обѣщала старику прочитать «Чѣмъ люди живы», онъ, навѣрное, въ умиленіе придетъ; ему до сихъ поръ чи-

тали всякую ерунду, а онъ съ удовольствіемъ вспоминаеть даже и эту ерунду и при этомъ вздыхаетъ и повторяеть умильно: «Боже, Боже мой, какъ гадно тамъ написано!»

4-го октября. Какъ нехорошо жить одной. Какъ надоѣдаетъ дѣлать только для себя. Заботиться только о себѣ. Нужно будетъ устроиться иначе, взять къ себѣ хоть хлопца какого съ хутора; и мнѣ будетъ лучше — не буду одна, и ему — потому что не нужно будетъ ходить каждый день за три версты въ школу.

Сегодня съ самага утра возилась по хозяйству. Оекла про меня забыла — пришлось идти по дрова для печки. В хатѣ стало холодно, что очень содѣйствуетъ мрачному настроенію. Приходила Наталья Михайловна, жена столяра, принесла мнѣ молока. Очень сокрушается, что я одна. Семья мѣ согласилась принять меня обѣдать. Завтра пойду. Потомъ пришла и Оекла; она увидила меня неожиданнымъ дождуетъ ни за что, ни про что. Вообще меня окружили здѣсь любовнымъ отношеніемъ, безъ всякихъ еще заслугъ съ моей стороны. Истинные христіане такъ и должны бы всегда поступать безкорыстно, тогда и не было бы понятія нужды людей, и вновь прибывшій чувствовалъ бы себя какъ дома у своихъ.

6-го октября. Утромъ была Наталья Михайловна (жена столяра) съ работой. Говорили о школѣ. Она очень хочетъ учиться. Я предложила ей заниматься по вечерамъ. Согласилась. Потомъ мы вмѣстѣ пошли обѣдать. Обѣдать подали мнѣ отдѣльно; курицу, борщъ и кисель съ молокомъ. Все очень вкусно и очень чисто.

Пришла домой — у меня въ хатѣ холодно, вѣтеръ вездѣ такъ и ходитъ. Принялась за печь — не растоплю, да и только вѣтеръ задуетъ. Наконецъ, умудрилась — закрыла трубу и разожгла. Скоро стало тепло, хорошо. Самоваръ поспѣлъ. Пришла Фроловна (старуха, приживалка деревенская) стали чай пить. Она мнѣ много чего-то рассказываетъ, но у меня только и осталось въ памяти, какъ она

начала пересчитывать по пальцамъ, сколько у нея торбинокъ: торбинка ¹ съ яблоками, торбинка съ дулями, торбинка съ грушами, торбинка съ насінічкомъ ² крупнымъ, торбинка съ насінічкомъ дрібнымъ... и такъ она штукъ 10—15 насчитала. Я на нее смотрѣла и подумала—какъ бы хорошо ее нарисовать. Нашу бесѣду прервали столяръ, Митрофанъ Антоновичъ, съ женой. Тутъ у насъ очень оживленная бесѣда пошла о различныхъ предметахъ. У него симпатичное лицо, что-то теплое, сердечное проглядываетъ въ выраженіи лица и въ обращеніи. Фроловна почувствовала себя какъ дома до такой степени, что легла на мою кровать и нашла, что очень неудобно спать—и низко, и жестко.

Какъ хорошо, когда съ людьми побудешь, какъ весело на душѣ и совсѣмъ другія мысли въ головѣ зароятся, хорошія, здоровыя. Нѣтъ, книги не замѣняютъ людей!

7-го октября. Первый разъ пошла къ обѣднѣ. Появленіе мое обратило всеобщее вниманіе, хотя я старалась насколько возможно ступешаться. Церковь очень пріятное впечатлѣніе производитъ чистотой и миниатюрностью. Пѣніе же такое залихватское, особенно въ главныхъ духовныхъ пѣсняхъ, что нарушаетъ всякое молитвенное настроеніе, и хочется уйти изъ церкви. Я не могу молиться при такомъ пѣніи и когда, притомъ, на меня упорно смотрятъ и оглядываютъ. Я могу молиться искренно, совсѣмъ отдаться молитвѣ только дома, наединѣ съ Богомъ, или же въ такой церкви, гдѣ на меня не обращаютъ вниманія, и гдѣ пѣніе благоговѣйное, тихое, стройное, возвышающее душу. Чаще всего у меня молитва вырывается не въ урочное время, и не въ каменныхъ стѣнахъ, а тогда, когда я бываю окружена природой, и когда природа не бушуетъ, а спокойна.

¹ Мѣшочекъ.

² Съ сѣмячкомъ.

Вечеромъ прислали отъ батюшки звать меня чай пить. Тамъ были: Наталья Михайловна и писмоводитель помѣщика Николаева. Писмоводитель—молодой человекъ, чрезвычайно предупредительный и любезный; очень интересовался мной и старался быть какъ можно развязнѣе и умнѣе, но у него очень плохо выходило. Потомъ пришелъ столяръ, Митрофанъ Антоновичъ, и дьячокъ. Тутъ произошла маленькая сценка, которой мое присутствіе помѣшало разыгратъ во всей силѣ, и въ которой батюшка мнѣ очень понравился. Вотъ въ чемъ дѣло: земля батюшки по сосѣдству съ землей Митрофана Антоновича и дьячка. Дьячокъ считаетъ, что Митрофанъ Антоновичъ захватилъ часть земли его и батюшки (5 сажени онъ считаетъ). Онъ вошелъ сильно раздраженный, весь трясется, выраженіе лица нахальное, грубое и злое, такъ и кажется, что онъ готовъ сейчасъ всѣхъ съѣсть. Матушка спокойнымъ голосомъ осадила его. На лицѣ батюшки выразилось страданіе и онъ закаплялся. Но онъ хотѣлъ договориться и рѣшить это дѣло, а потому не замаялъ его, а сталъ выяснять. Дьячокъ продолжалъ кричать, говорилъ, что если при провѣркѣ окажется, что Митрофанъ Антоновичъ запахалъ его землю, онъ не будетъ ему отпахивать, такъ какъ онъ его не просилъ пахать. А когда онъ коснулся интересовъ батюшки и сказалъ, что Митрофанъ Антоновичъ и батюшкину землю захватилъ, батюшка ему отвѣтилъ:

— Ну, такъ что жь! Это не ваше дѣло, я ему уступаю ее.

Дьячекъ, очевидно, не ожидалъ такого отвѣта и замолчалъ. Послѣ этого крупнаго разговора, батюшка сильно усталъ, грудь его заколыхалась и онъ едва могъ говорить, отдыхая послѣ каждаго слова. Не знаю, чѣмъ рѣшится у нихъ это дѣло, думаю, что дьячекъ окажется не правъ. Какъ тяжело смотрѣть на человекъ, котораго дни уже сочтены. У священника не зачатки, а въ сильной степени развившаяся чахотка. Теперь не помогутъ доктора. Онъ и

попадья мнѣ нравятся оба. Откровенные, не желающіе показать себя лучше, чѣмъ они есть, простые и сердечные. Еще нравится мнѣ въ нихъ, что на внѣшность они не обращаютъ никакого вниманія.

8-го октября. Была у Оеклы въ хатѣ. Бѣдность ужасная. Хата совсѣмъ покривилась, крыша сквозная. Взойдя въ хату можно видѣть, что такое творится въ ней во время дождя. Скамейки кривыя, едва стоятъ, все кривое. Стоитъ мѣшокъ сухарей. Хлѣба не видать. У нея два сына (одинъ въ солдатахъ) и дочь 13 лѣтъ. Я спросила, сколько собрали хлѣба,—44 мѣры пшеницы и 24 мѣры ячменя. Довольны.

10-го октября. Утромъ пришелъ ко мнѣ старикъ Нестеровичъ (отецъ столяра Митрофана Антоновича), засталъ меня за пересматриваніемъ книгъ. Онъ вспомнилъ, что я ему обѣщала прочитать «Чѣмъ люди живы». Я начала. Онъ со вниманіемъ слушалъ, но до конца еще не дочитали, а ужъ онъ мнѣ задалъ вопросъ, правда-ли это, или нѣтъ? Мнѣ пришлось только второй разъ читать этотъ рассказъ для другихъ и второй разъ приходится встрѣчаться съ этимъ вопросомъ. Я просмотрѣла внимательно всѣ вопросы и отвѣты, относящіеся до этого рассказа въ книгѣ: «Что читать народу», и ничего подобнаго, даже намека на этотъ вопросъ, не встрѣтила.

Послѣ обѣда застала трехъ дѣвочекъ, заглядывающихъ въ мои окошки. Онѣ испугались, но я ихъ ободрила и зазвала къ себѣ въ хату. Одна изъ нихъ, лѣтъ 6, держала ребенка на рукахъ. Сестра ея, съ бойкими голубыми глазками, жалась къ ней. Всѣ онѣ были въ лохмотьяхъ, которыя едва держались на нихъ. Дѣвочка съ бойкими глазами была въ одной рубашenkѣ, которая спереди расплывалась, а сзади сверху до низу была разорвана и, такимъ образомъ, открывалась вся задняя часть ея посинѣвшаго тѣла. Ребенокъ на рукахъ ея сестры (одѣтой не лучше) также въ одной рубашenkѣ и весь посинѣлъ.

Я съ ними поговорила, узнала немножко ихъ семейное положеніе; онѣ перестали бояться, стали уже безъ распросовъ рассказывать про своихъ. Старшая изъ нихъ, безъ всякаго съ моей стороны намека, стала помогать мнѣ выгребать золу изъ печки и топить ее. Завтра обѣщалась придти. Мнѣ хочется посмотреть хаты ихъ родителей; судя по дѣтямъ, они должны быть очень, очень бѣдны. Увидя ихъ, я мысленно вскрикнула: «Боже, Боже мой, какъ бѣдны!» Сопоставила себя. Вспомнила Л. Н. Толстого. Его статью о переписи и т. д.

11-го октября. Была у батюшки. Впечатлѣніе получилось хуже. Я его идеализировала. Дѣло съ землей получило другую окраску. Онъ ничего не уступалъ.

13-го октября. Я все еще живу келейнымъ образомъ, какъ отшельница. Скучаю безъ людей. Хочется жить съ ними. Одиночество скверно дѣйствуетъ на меня—много думаю о себѣ. А мнѣ живетъ хорошо только тогда, когда совсѣмъ не думаю о себѣ. И всякому вѣрно такъ. Школа же еще не скоро откроется.

17-го октября. Какъ давно я не принималась за эту тетрадку и не знаю почему? Вѣдь, я собиралась сюда заносить не только факты, но и свои думы, а между тѣмъ тѣ думы, которыя дѣйствительно занимаютъ мою голову, я откладываю, пока эта тетрадь у меня подъ руками. И сегодня также намѣрена поступить. Сегодня я хочу занести сюда очень радостный для меня фактъ: побѣду разума надъ предрасудками и суевѣріями. Вчера я была въ семействѣ столяра. Всѣ были дома. Разговаривали о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, потомъ перешли на почву суевѣрій, предрасудковъ и т. д. Стали меня спрашивать, вѣрю-ли я въ то и другое (вѣдьмъ, лѣшихъ, домовыхъ). Я категорически отвѣчала, что не вѣрю. Всѣ же приводимые примѣры объясняла просто. Вся семья всѣми силами старалась убѣдить меня въ существованіи вѣдьмъ, оборотней и т. д., но напрасно. Въ концѣ нашихъ преній старикъ

стала склоняться на мою сторону, но еще не совсѣмъ отрѣшился отъ своей вѣры. Сегодня я прихожу къ нимъ обѣдать, онъ меня первыми словами встрѣчаетъ: «А, вѣдь, я, Даниловна, теперь понялъ, что вѣдьмъ, оборотней и другого такого нѣтъ». Мнѣ было чрезвычайно пріятно это слышать и тѣмъ болѣе пріятно, что онъ самъ обдумалъ, а не сразу повѣрилъ. Вечеромъ я имъ прочла «Сорочинскую ярмарку». Всѣ отъ души смѣялись.

18-го октября. Старикъ съ 8-ми часовъ утра пришелъ ко мнѣ. Бесѣдовали, читали Евангеліе. Потомъ онъ попросилъ подарить ему «Чѣмъ люди живы». Былъ очень доволенъ, когда я исполнила его желаніе. Какъ много хорошихъ мыслей и чувствъ возбуждаетъ эта книжечка! Уходя домой, онъ просилъ не говорить домашнимъ о своемъ посѣщеніи. Я спросила, почему? Оказывается, что они ему не позволяютъ. «А я, говоритъ, только у васъ хорошее и слышу». Но онъ столько мнѣ вопросовъ задаетъ и требуетъ моего разрѣшенія, что я не успѣваю сообразить, что на одинъ отвѣтить, а онъ уже задаетъ другой. Вечеромъ была у бабушки, онъ совсѣмъ боленъ, вслухъ читаетъ въ постели «Ивана Царевича», изданіе Манухина, смѣется отъ души, а мнѣ непріятно было слышать—плоско, скучно и не смѣшно. Здоровье его все хуже и хуже. Сегодня все время лежалъ и кашлялъ. Блескъ глазъ, румянецъ и худоба—признаки зловѣщія. Мнѣ тяжело у нихъ бывать; я смотрю на него, какъ на живаго мертвеца. А онъ не сознаетъ.

26-го октября. Приѣхали Николаевы; обѣдала у нихъ. Первое впечатлѣніе семьи хорошее, только барства много и въ дѣтяхъ даже. Послѣ обѣда всѣмъ дѣтямъ дали конфетъ; дѣвочка всѣ почти свои конфеты раздала братьямъ, за что получила отъ матери поцѣлуй и похвалу. Старшій изъ мальчиковъ раньше отдалъ отцу двѣ конфеты и послѣ поступка сестры сказалъ: «А я такъ не изъ доброты отдалъ папѣ, а просто потому, что они мнѣ не понравились». Хотя его поступокъ и нельзя похвалить, но мнѣ

понравилась его откровенность, отсутствіе заботы, какъ о немъ подумаютъ и не желаніе казаться (хотя, можетъ быть, и бессознательно) лучше, чѣмъ онъ есть. Дѣти совершенно свободно себя держать, что мнѣ очень понравилось. Но не понравилось отношеніе къ нимъ гувернантки, которое пока выразилось только въ томъ, что она имъ не даетъ сидѣть такъ, какъ имъ хочется, не позволяетъ руки положить на столъ и т. д. И какъ досадно на нее! Дѣти же совсѣмъ мало обращаютъ вниманія на ея замѣчанія и сейчасъ же позабываютъ ихъ, такъ что ей приходится употреблять нѣкотораго рода насиліе, т.-е. взять ихъ руки и снять со стола, или подойти и посадить его или ее такъ, какъ ей хочется, что тоже не дѣйствуетъ. Все это говорить не въ пользу педагогическихъ ея приемовъ, которые Евгенийъ Анатольевичъ (помѣщикъ) мнѣ хвалилъ. Это первое впечатлѣніе. Можетъ быть, второе будетъ лучше, а третье и совсѣмъ хорошо. Посмотримъ!

У меня нѣтъ хлѣба, Фекла принесла мнѣ краюшечку. Я спросила, сколько ей за нее. Она говоритъ:

— И не надо ничѣго. Оце, я вамъ кажу, житымо такъ: коли у мене нехватка буде—я у васъ позычу, а то такъ и вы у мене.

— Хорошо, говорю, будемъ такъ жить.

Когда она приходитъ и если никого нѣтъ у меня, то возьметъ меня предварительно обѣими руками за щеки и поцѣлуетъ три раза. И всегда такъ.

Съ какою радостью и волненіемъ я прочла статью въ «Новостяхъ» противъ войны, противъ этой варварской рѣзни, на которую столько молодыхъ силъ уходитъ и столько матеріальныхъ затратъ, во время мира и войны одинаково; а употребивъ все это на мирное, полезное дѣло, сколько добра прибудетъ! Сколько сердець смягчится! Авторъ статьи говоритъ, что войны не должно быть и не будетъ тогда, когда будетъ признана территориальная нейтрализація всѣхъ странъ и областей. Онъ говоритъ: вое-

вали же прежде между собою города Кіевъ, Москва, Новгородъ и др.—теперь всё они едино. То же самое, говорить, должно произойти и съ Россіей, Франціей, Германией и др. государствами. Хотя это время еще и далеко, но и то хорошо, что громко заговорили объ этомъ. Заговорятъ еще громче и всё—тогда долженъ наступить кризисъ. Дай Богъ!

Давно я не испытывала бессонныхъ ночей, сегодня не спится. 2 часа ночи, а мнѣ спать не хочется, и скверно, и не ложится, читать уже не хочется. Что же дѣлать? Думать, строить волшебные замки! Не спится, вотъ бѣда, а спать хорошо бы!

28-го октября. Сегодня вечеромъ были у меня Митрофанъ Антоновичъ и Наталья Михайловна. Оказывается, что она любитъ фельдшера и выискиваетъ случаи видѣться съ нимъ. Мужъ же прежде вполне довѣрялъ ей и спокойно работала цѣлые дни, съ утра до вечера. Но вотъ до него стали доходить различные слухи о поведеніи жены и, конечно, съ прибавленіемъ отъ себя. Онъ сталъ слѣдить за ней и ревность все болѣе и болѣе завладѣваетъ имъ. И теперь во всякой мелочи онъ видитъ признаки, подтверждающіе подозрѣніе. Кольцо, на примѣръ, она давно носитъ, а онъ только сегодня увидалъ и видитъ въ этомъ залогъ преступной любви. Ея чувство оскорбляется при каждомъ намекѣ, и нужно видѣть, съ какою злобой и пренебреженіемъ она отвѣчаетъ ему. Она ужасно самолюбива и свое нравна и никогда никому не спуститъ. Я, на сколько могла, старалась и стараюсь ихъ умиротворить. Она хочетъ у меня учиться, но онъ не позволяетъ ей учиться писать, такъ какъ боится, что она будетъ переписываться съ любимымъ человѣкомъ. На это я ему сказала, что чѣмъ больше онъ будетъ противодѣйствовать ей, тѣмъ больше будетъ подливать масла въ огонь. Но я сегодня точно въ театрѣ была и видѣла часть какой-нибудь драмы и именно сцену ревности. Развязка впереди. Фельдшеръ уѣзжаетъ и надо на-

дѣяться, что ея любовь къ нему потухнет и все уладится. Во всей ихъ семьѣ полнѣйшій разладъ, и не знаютъ кто правъ; кто виноватъ. Я счастлива, что никто не стесняется своимъ присутствіемъ. Всѣ являются передо мной тѣмъ, что они есть. Это преимущество «мелкой сонитки», которое для меня очень цѣнно.

30-го октября. Писала отвѣтъ монаху, сыну старушки, воспользовалась тѣмъ, что писала отъ имени матери, и написала ему длинное наставленіе объ отношеніяхъ къ людямъ и въ особенности духовныхъ лицъ, какъ онъ. Мать осталась довольна, что я могла войти въ ея роль и написать сыну, вразумленіе.

10 час. вечера. Сажу одна съ страшнымъ хаосомъ въ головѣ и на душѣ; тутъ все — тоска, что бездѣйствую, горечь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проблески свѣта, надежды; стремленіе, мечты, фантазіи о новой жизни, которая рисуется въ воображеніи въ самыхъ радужныхъ цвѣтахъ.

14-го ноября. Во время вечерняго чая. Отецъ и мать говорили, между прочимъ, потому, навѣрное не скучно и не страшно одной жить. Я ей сказала, что мнѣ очень скучно такъ жить; но что между, когда откроется школа и тогда предложу кому-нибудь изъ хлопцевъ или дѣвчатъ поселиться у меня. Многие, поворю, будутъ ходить съ кузторовъ, такъ имъ удобнѣе будетъ жить у меня, чѣмъ каждый день ходить за 3 версты. И мнѣ веселѣе будетъ.

— Жива ли мать? И въ мене же, дочка, удачно ли зашла и чи возьмется ни щ, чи. никтоно он урочен видова и жива и нем. Отчего же, говорю, не вѣдьтъ. А большаго нона? Лѣтъ еѣ сколько? Да ма быть четырнадцатый или полтъ, да нона. Вотъ, говорю, это самая подходящая мѣ, сажительница и не маленькая и не большая. А какъ же поведутъ, вѣтъ. Душкой. Она и дічого бы дѣвочка, только трети хибалована.

— Это, говорю, ничего, лишь бы мы полюбили другъ

друга. Пускай приходитъ ко мнѣ, мы познакоимся пока.

— Вона и сама охотится до васъ пидти, да не сміеть. Сегодня каже: піду, мамо, я до ихъ жить, а потімъ заразъ не смію.

— Ну вотъ еще «не смію», пускай смѣло приходитъ ко мнѣ. Завтра я собираюсь на два дня въ Ольгино, а какъ прійду, мы и заживемъ вмѣстѣ, какъ двѣ сестры.

Поговоривъ еще кой о чемъ, она ушла. Я очень рада, что ея дочь будетъ со мной жить, хотя и съ другой я точно также могла бы жить, но мнѣ пріятнѣе, что я постоянно могу видѣть мать и дочь и всю ихъ семью, и такимъ образомъ, жить какъ бы въ ихъ семьѣ.

16-го ноября. Уѣзжала на нѣсколько дней къ своимъ друзьямъ въ Ольгино и смотрѣла, какъ они занимаются въ своихъ школахъ.

Возвращенію моему домой всѣ обрадовались и высказываютъ, что я вношу въ ихъ жизнь нѣкоторое оживленіе. Барыня для нихъ не доступна и поэтому ея присутствіе или отсутствіе для нихъ не имѣетъ никакого значенія. Сегодня первый день, что я не одна въ хатѣ. Фекилина дочь, Дуня, пришла жить со мной.

18-го ноября. Дуня выросла среди страшной нужды (она мнѣ рассказывала о своей жизни) и потому чрезвычайно невзыскательна. Такъ, напримѣръ, къ обѣду довольствуется сухимъ хлѣбомъ, спитъ на чемъ и гдѣ придется. Она рано начала работать по настоящему, питаніе никогда не было достаточно и, конечно, силы истощились и истощаются. Она блѣдна, какъ смерть, худа, и у нея постоянно синіе круги подъ глазами. Но какъ мало нужно этимъ людямъ, чтобы дѣлать ихъ довольными. Днемъ она прядеть пряжу, а по вечерамъ будетъ учиться грамотѣ. Сегодня я занялась съ ней немножко. Во время занятій я замѣтила, что она чего-то трясется, и говорю:

— Дуня, чего ты трясешься?

№ 3574 ж.ф.

Она поглядѣла на меня изподлобья и чуть слышно сказала:

— Васъ боюсь.

— Чего же ты боишься меня?

— Боюсь, якъ лясните вы меня.

Я успокоила ее на этотъ счетъ, но волненіе ее не сразу улеглось.

Школа моя открывается завтра. Хочется скорѣй, скорѣй начать жить съ дѣтьми, учить и учиться самой.

19-го ноября. Сегодня былъ приемъ въ школь. Она не далеко отъ моей хаты. Приводили дѣтей отцы и матери. Набралось 26 человекъ. Одинъ мальчикъ при появленіи своемъ произвелъ дружный смѣхъ, и я не могла удержать невольной улыбки. Онъ влетѣлъ въ школу съ разлету, красный, бойкій, веселый, — прямо съ панской работы. Хлопцы закричали: Бобрикъ, Бобрикъ! и разразились смѣхомъ. Эта необыкновенная бойкость и веселье, игравшее во всемъ его существѣ передалось и всѣмъ намъ. Всегда, когда приводятъ учениковъ, приносятъ хлѣбъ, но мнѣ сегодня никто не принесъ, а принесъ одинъ изъ родителей денегъ 1 руб., который я наотрѣзъ отказалась принять.

20-го ноября. Я сегодня до того растерялась передъ учениками, что не знала, что и дѣлать — съ чего и какъ начать. Чувствую себя несостоятельною передъ ними, а они такъ доврчиво отдаются мнѣ. Вчера я сказала, чтобы раньше собрались утромъ. Прихожу сегодня въ 8 часовъ утра, они всѣ до одного сидятъ на мѣстахъ и ждутъ меня. Видно что всѣ они жаждутъ учиться. Одинъ изъ нихъ убѣждалъ тайкомъ отъ отца въ школу, чѣмъ и заставилъ его не противодѣйствовать своему желанію. Но какіе отчаянные у насъ столы — столъ и сидѣнье почти наравнѣ. Извольте писать! Ноги же болтаются. А кромѣ того, столъ до того покать, что ни доска, ни книга не держатся, и никакихъ приспособленій нѣтъ, чтобы можно

было положить грифель или карандашъ—все на полу очутится, если руками не держать. Со временемъ надѣюсь, что можно будетъ помочь этому горю.

Въ Городищахъ ¹⁾ совсѣмъ иное отношеніе ребятъ къ школѣ, тамъ они не дорожатъ ею совсѣмъ, здѣсь же, напротивъ, они боятся потерять ее опять.

21-го ноября. Сегодня у насъ въ школѣ былъ молебенъ. Служилъ старичекъ-священникъ сосѣдней слободы, тихо, просто. Я теперь все сопоставляю съ тѣмъ, что видѣла въ Городищахъ. Тамъ, во время молебна никто не купилъ свѣчку къ образу, здѣсь же каждый ученикъ принесъ по свѣчкѣ, такъ что дьячекъ не зналъ, что съ ними дѣлать. Мнѣ нравится не то, что они свѣчъ накупили, а ихъ сочувствіе, которое выразилось въ этомъ.

Вечеромъ я пошла къ Николаевымъ, чтобы сообщить имъ свою радость. Они оба, онъ и жена его, Марья Алексѣевна, чрезвычайно радушно меня встрѣчаютъ. У нихъ былъ въ этотъ вечеръ земскій врачъ, человекъ въ высшей степени простой, добродушный и умный. Съ перваго раза чувствуешь себя съ нимъ просто и хорошо. Къ такимъ людямъ у меня всегда душа и сердце лежатъ, и я очень обрадовалась, когда онъ пригласилъ меня къ себѣ—значитъ обоюдная симпатія.

22-го ноября. Сегодня у меня 32 ученика. Я предложила тѣмъ, кто желаетъ, послѣ обѣда приходить ко мнѣ пѣть. Желавшихъ нашлось много, такъ что моя хата полнехонька была. Сначала имъ смѣшно было, когда я въ одиночку пробовала у нихъ слухъ и голоса, но я сохраняла серьезность и, такимъ образомъ, привела ихъ къ тому же. За все это я неумѣло берусь, совсѣмъ неопытными руками и не знаю какъ и что, совершенно ощупью иду—авось что-нибудь выйдетъ! А можетъ быть и выйдетъ, почему знать. Послѣ пѣнія прочла имъ стихотвореніе Некрасова «Дядюшку Якова». Они пришли въ та-

1) Слобода, гдѣ я передъ переселеніемъ сюда была учительницей.

кой восторгъ и такъ много смѣху было неудержимаго, что мѣшали немножко чтенію, и въ концѣ концовъ всѣ стали просить эту книжку, такъ что я принуждена была кинуть жребій кому дать. Одному изъ старшихъ учениковъ я давала читать «Чѣмъ люди живы». Сегодня, отдавая книгу, я попросила его рассказать мнѣ. И онъ разсказалъ съ такими подробностями, которыя ускользнули даже отъ меня и когда я ему хотѣла, подсказать и напомнить, онъ сказалъ: «ні, постойте ще»... и продолжалъ по своему, не упуская мелочей.

Вечеромъ пошла навѣстить священника. У нихъ былъ въ гостяхъ священникъ же сосѣдней слободы. Нашъ священникъ возбуждаетъ во мнѣ и жалость и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то непріятное чувство, особенно когда бранится. Онъ очень прозаиченъ и идейнаго ничего не допускаетъ ни въ себѣ, ни въ другихъ. Священникъ-гость произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Онъ живо интересуется своею школой, которая только-что открывается и, судя по виду, кротокъ и миролюбивъ. Пригласилъ меня къ себѣ. Сестра его—учительница. Разговоръ коснулся Марьи Алексѣевны (жены помѣщика), что она скучаетъ, живя въ деревнѣ. Онъ сказалъ, что совѣтовалъ ей, чтобы не скучать, сблизиться съ крестьянами, заняться какимъ-нибудь дѣломъ, касающимся ихъ. Мнѣ очень понравился его совѣтъ и я подержала его.

23-го ноября. Послѣ обѣдни у меня собрались мальчишки на пѣніе. Старшіе все еще не могутъ удержаться отъ смѣха, имъ «чудно». Одинъ изъ отцовъ пришелъ «подивиться», и когда я отпустила ихъ, остался «побалакать».

— Вотъ вы учены,—говорить,—и бачъ усе знаете, якъ ви міні скажете, можно віріть планидѣ, чи ни.

Я сначала не поняла что такое «планида», оказывается, что это книга, употребляемая гадальщицами. Я ему отвѣтила на это такъ, какъ думаю, т.-е. что ни одна гадальщица не можетъ знать, что съ нами будетъ не только

черезъ нѣсколько лѣтъ, но даже черезъ нѣсколько минутъ и что жизнь наша въ рукахъ Божьихъ, и Богъ одинъ знаетъ, что съ нами будетъ. Онъ согласился со мною, но сначала возражалъ. Разказалъ мнѣ всѣ свои дѣла. Въ семьѣ ни одного грамотнаго нѣтъ. Боится, что сынъ его не выучится. Семья богатая; арендуетъ землю около Новочеркасса; 300 руб. въ лѣто уходитъ на наемъ рабочихъ. Молотилка своя.

Всѣ они, т.-е. отцы, говорятъ, что они меня «не оставятъ». Одинъ собирается принести «олю» (постное масло), другой мучки пшеничной, кто паляничку, кто картофелку и т. д. Все это меня радуетъ.

24-го ноября. Сегодня въ классѣ, по окончаніи занятій съ маленькими, я прочла имъ «Медвѣдъ и мужикъ» и «Лиса и козелъ» (Родн. Сл. ч. 2-я). Когда я читала первую, то въ классѣ сохранялась тишина и дисциплина (если только она есть въ моей школѣ), только нѣсколько человекъ сдержанно засмѣялись. Но когда я стала читать «Лиса и Козелъ», то поднялся всеобщій смѣхъ и мнѣ самой такъ смѣшно показалось, что я до слезъ вмѣстѣ съ ними смѣялась и едва могла докончить эту сказку. Пересказъ тоже прерывался смѣхомъ.

26-го ноября. Вчера я съ Марьей Алексѣвной была въ Ольгинѣ (35 верстъ отъ насъ). Сегодня же къ занятіямъ въ своей школѣ не успѣла по случаю мятели, которая насъ заставила ночевать на пути. Мнѣ очень совѣстно передъ учениками, но ничего не подѣлаешь, я надѣюсь, что они мнѣ простятъ на этотъ разъ. Въ отсутствіе мое одинъ изъ нихъ сдѣлалъ мнѣ приношеніе, принесъ фунта три фасоли. Ждали меня до 12-ти часовъ. Обидно!

28-го ноября. Какъ страшно вѣлась привычка видѣть наказанія вообще, а въ школѣ въ особенности! Безъ наказаній, по мнѣнію крестьянъ, невысказанно ученіе, невысказанно научиться чему-нибудь хорошему—вотъ резюме! «Хиба жъ оце учительша, ни поскубе, ни налае, ма быть ни чому

и не науче»!) Такъ заочно говорятъ обо мнѣ родители, какъ я слышала. Сами ученики жаждутъ видѣть наказаннаго, они удивлены. Прежде (въ ихъ памяти) ставили на колюшки (на колѣни) за уши драли, а теперь, кромѣ того, что ничего этого нѣтъ, но и раздорамъ ихъ такъ мало придается значенія, такъ мало удѣляется, повидимому, вниманія. Ученики мои сами собою раздѣлились на двѣ группы—слобжанъ и хуторянъ (т.-е. изъ нашей слободы и изъ хуторовъ). Между слобожанами есть нѣсколько забіякъ, которые беспокоятъ другихъ; хуторяне же удивительно серьезно относятся къ ученію, и я еще не замѣтила между ними никакой вражды, а, напротивъ, пріязнь, товарищество. Напримѣръ, хлѣбомъ они всегда дѣлятся другъ съ другомъ, и помогаютъ, показываютъ лучшіе худшимъ какъ писать. Сегодня мать одной дѣвочки принесла ей лепешекъ и картошекъ. Она не захотѣла ѣсть. Мать же взяла всѣ припасы и раздѣлила мальчикамъ.

Собой я очень недовольна, и является сомнѣніе могли, сѣмью-ли вести школу. Труда я не боюсь и не жалѣю, но у меня нѣтъ яснаго представленія,—какъ и что нужно дѣлать. Я этого не знаю и не заглядываю уже, что будетъ впереди. И мнѣ кажется, что и ученики чувствуютъ, что я не знаю, что съ ними дѣлаю.

29-го ноября. Не хватило сдержанности—крикнула на учениковъ! Потому мнѣ было стыдно, когда мнѣ показалось, что они удивлены, и это-то и заставило сейчасъ же обратитъ вниманіе на себя. Они очень шумѣли, а я занималась съ другимъ отдѣленіемъ въ это время. Старшіе изъ учениковъ желаютъ выставить, гдѣ только можно, причиною безпорядка—безнаказанность.

30-го ноября. По окончаніи занятій въ классѣ старшіе ученики опять начали говорить мнѣ, что если я не буду наказывать, то меня не будутъ слушаться и «никакъ»

*) Что это за учительница: ни потаскаетъ за волосы, ни поругаетъ, должно быть ничему и не научить.

не будутъ бояться». Я имъ сказала, что послѣдняго я и не желаю, а первое, т.-е. послушаніе, исполнимо и безъ наказаній, если мы поймемъ другъ друга и главное полюбимъ, но только не на словахъ, а на дѣлѣ, и сказала имъ, какъ выражается любовь наша къ другимъ. До этого еще заключенія съ ихъ стороны было выражено много мнѣній по этому поводу: одни стояли твердо на цѣлесообразности наказаній, другіе соглашались со мной и вмѣстѣ съ тѣмъ не отставали отъ товарищей. Одинъ только выдѣлился изъ всѣхъ и порадовалъ меня своею мыслью; онъ сказалъ, что «наказаніемъ ничего не сдѣлаешь, все одно — слушаться не будутъ, а еще хуже; вотъ, говорить, какъ было при о. Никанорѣ, тотъ страсъ строгъ былъ, а они, все одно, не слушали его. А каждый долженъ честь знать, совѣсть». Меня очень удивилъ длинный монологъ его, который не могу воспроизвести дословно, но послѣ него я, можно сказать, просіяла. Мнѣ со всѣхъ сторонъ жужжать, что непремѣнно нужно наказывать и, конечно, я несказанно обрадовалась, услышавъ голосъ, сочувственный мнѣ. Этотъ мальчикъ еще раньше обратилъ мое вниманіе тѣмъ, что, мнѣ казалось, онъ слишкомъ критически относился ко мнѣ, такъ что приводилъ меня даже въ смущеніе, и я свободнѣе себя чувствовала, когда его нѣтъ. Не знаю, самолюбіе-ли тутъ замѣшалось, но я себѣ объясняю иначе. Какое же тутъ самолюбіе, когда я чувствую, что не могу его учить, и онъ это знаетъ, тоже чувствуетъ, и я готова во всеуслышаніе сказать объ этомъ при случаѣ. Въ грамотѣ онъ не силенъ, между прочимъ. Этотъ мальчикъ (Петръ Кузнецовъ) 15-ти лѣтъ, но онъ дома работаетъ за мужика. Онъ только въ школѣ и отдыхаетъ, а какъ приходитъ домой, сейчасъ же за работу. Мать его шьетъ сама дѣтямъ полушубки, чоботы и проч. По наружному ихъ виду я думала, что они, дѣйствительно, очень бѣдны, но оказывается, что отецъ его сравнительно богатъ и имѣетъ большую просторную хату и все хозяйство, какъ слѣдуетъ. Но онъ такъ

скупъ, что дѣтей водить чуть не голыми и къ тому же морить ихъ голодомъ. Всѣ они и жена — исхудалыя, изморенныя, жалко смотрѣть! А онъ ничего этого не хочетъ видѣть и заботится только о своей мощи, да объ украшеніи своей хаты дорогими образами. У него всегда остаются всѣ пріѣзжающія власти — старшина, урядникъ, становой и онъ со всѣми съ ними въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Во время нашего разговора о наказаніяхъ, въ классъ вошла Марья Алексѣевна, привезла дѣтямъ на обѣдъ огурцовъ, арбузовъ и хлѣба. Я занялась дѣлежемъ. Всѣ очень тихо брали, а не хватили съ животною жадностью, какъ случалось видѣть. Марья Алексѣевна скоро уѣхала, такъ что мы расправлялись ужь безъ нея. Когда она удалилась, они обратились ко мнѣ съ вопросомъ: «что воно таке було?» и «за що вона намъ оце дала?» Почти никто ее не знаетъ; два, три нашлись, которые сказали: «оцежь наша барыня».

Сегодня одинъ хлопецъ сдѣлалъ мнѣ приношеніе — принесъ масла подсолнечнаго. Я отказалась принять, сказавъ, что не дома столуюсь, но потомъ, обдумавъ, жалѣла, что не приняла, пускай приносятъ. Это — добровольное приношеніе и я теперь буду принимать, тѣмъ болѣе, что родители объясняютъ отказъ гордостью!

2-го декабря. Вчера вечеромъ я утомилась и легла въ 11-мъ часу спать. Вдругъ, слышу, кто-то стучитъ въ окошко и называетъ меня по имени. Я зажгла огонь, накинула на себя что попало и отперла дверь. Оказывается, что два паробка пришли ко мнѣ учиться. Я было хотѣла отказаться принять ихъ, такъ какъ очень поздно, но они убѣдительно стали меня просить хоть немножко заняться съ ними. Я согласилась. И такъ мы занимались до половины перваго. Одинъ изъ нихъ получилъ уже свидѣтельство, но все позабылъ, другой ходилъ въ школу, но не доучился.

Сегодня я ѣздила въ сосѣдную слободу съ цѣлью познакомиться съ учительницей и священникомъ, о которомъ уже говорила раньше. Учительница не произвела на меня особенно хорошаго впечатлѣнія, священникъ же мнѣ понравился, главнымъ образомъ, тѣмъ, что стремится идти впередъ, веселый, здоровый, радушный, простой. Онъ вдовецъ, живетъ съ маленькимъ сыномъ. Вечера они проводятъ за картами, не исключая и учительницы. Школа помѣщается въ церковной сторожкѣ, воздухъ убійственный, точно въ подвалъ войдешь. Книгъ почти никакихъ нѣтъ, въ учебныхъ принадлежностяхъ тоже большой недостатокъ, мѣстъ не хватаетъ, ученики сидятъ на полу. Школа раздѣлена на двѣ части. Учительницѣ приходится переходить въ другой классъ черезъ открытыя сѣни. Учениковъ 70 человекъ. Хотѣлось бы подробнѣе записать свое путешествіе, но нѣтъ времени совсѣмъ.

3-го декабря. Вечеромъ, въ 6 часовъ, у меня въ хатѣ набралось пять человекъ учениковъ и ученицъ (взрослыхъ). Мѣста не хватаетъ, такъ что одну буду отдѣльно учить. Предполагаются еще ученицы. Времени для себя у меня остается только для чая. Вотъ такъ-то я и хотѣла работать, чтобы некогда было думать о себѣ, чтобы можно было себя предать забвенію.

5-го декабря. Вечеромъ, послѣ занятій съ взрослыми, я прочитала имъ изъ сочиненій Шевченко нѣсколько думокъ и отрывокъ изъ «Наймички», до того мѣста, когда окрестили Марка. Имъ, видимо, странно и смѣшно было слышать свое родное пропечатаннымъ, и они смѣялись дружно надъ выраженіями «пидтоптався», «пхика» и т.д. Понравилось очень.

Сегодня познакомилась еще съ одною сосѣднею учительницей, Софьей Никаноровной, дочерью того священника (о. Никанора), о строгости котораго рассказывали хлопцы и которая прежде была на моемъ мѣстѣ. Она сообщила мнѣ свой методъ преподаванія грамотѣ, который я боюсь

примѣнить у себя, не съумѣю, а между тѣмъ, я вполне согласна съ его цѣлесообразностью. Она не заставляет выдѣлять звуковъ, а только сливать. Сначала сообщает четыре гласныхъ звука: а, о, у и ю, а потомъ вводитъ какой-нибудь согласный и къ нему приставляетъ всѣ известные гласные звуки. Съ младшею группой занимается только два часа (читаетъ и пишетъ). На первый годъ арифметика не входитъ въ ея программу.

6-го декабря. Теперь буду писать о себѣ. Школа въ полномъ разгарѣ, но какъ плоха учительница. Кабы на мое мѣсто умѣлаго, умнаго человѣка (у меня тоже есть умъ, я не отрицаю, но не образованный), какое широкое поле дѣятельности, какъ много бы онъ могъ сдѣлать! Я же совсѣмъ потерялась и вотъ—вотъ готова сказать, что я ничего не знаю и не могу учить, особенно взрослыхъ. Я думала, что я нынѣшній годъ буду уже опытнѣе и буду знать, какъ братья, но, увы, нѣтъ этого! Въ школѣ у меня 32 ученика. Послѣ обѣда я занимаюсь съ ними пѣніемъ у себя въ хатѣ. Потомъ младшее отдѣленіе уходитъ домой, а съ остальными занимаюсь еще до 4-хъ часовъ въ школѣ. Съ 6 часовъ приходятъ ко мнѣ шесть человѣкъ взрослыхъ (4 паробка, 1 замужняя и Дуня), съ ними занимаюсь часовъ до 9 и 10 вечера. Есть еще желающіе, но въ моей хатѣ и такъ уже негдѣ бываетъ вернуться. По праздникамъ, послѣ обѣда, хлопцы приходятъ ко мнѣ, мы поемъ, читаемъ. Я теперь никогда не бываю одна. Въ праздники всегда кто-нибудь изъ родителей зайдетъ спросить, какъ учится сынокъ или дочка.

Я нахожусь въ большомъ затрудненіи, что давать читать. Здѣсь чтецовъ (взрослыхъ) гораздо больше, чѣмъ въ Городищахъ. На первый разъ дашь «Чѣмъ люди живы»?—понравится. Попросятъ еще дать что-нибудь другое. А возвращая, говорятъ: «ні, оце не така, якъ по первахъ давали; та була гарна книжечка! Ще бы так!» Ну и задумаешься, что дать?

Сегодня праздникъ, но взрослые въ полномъ комплектѣ собрались. Одинъ изъ этихъ учениковъ, Осипъ, очень интересенъ: онъ выглядитъ букой, чему способствуютъ его черныя, какъ смоль, и сросшіяся брови. Обыкновенно, онъ сидитъ и все молчитъ, но вдругъ неожиданно что-нибудь скажетъ, но такъ скажетъ, что всѣ расхохочутся: что ни слово, то юморъ. Сестра его такая же. Послѣ занятій спѣли хоромъ «По улицѣ мостовой». Эту пѣсню здѣсь всѣ знаютъ. По окончаніи пѣнія оказалось, что подь окномъ были слушатели и одинъ изъ нихъ сказалъ, что не пожалѣлъ бы и косушки намъ поставить. У Николаевыхъ бываю, но очень рѣдко, мнѣ скучно у нихъ. Марья Алексѣевна молчалива, я—тоже. Своимъ не заинтересуешь ихъ, а ихъ интересы не мои. Вчера я у нихъ была, и точно совсѣмъ въ другой міръ всегда окунешься тамъ, въ міръ пустоты, въ міръ дивановъ, пироговъ, солянокъ, охотничьихъ собакъ и т. д.

9-го декабря. Такъ много хотѣлось бы записать на эти листки, а между тѣмъ, времени не хватаетъ. Сейчасъ только ушли отъ меня ученики, а между тѣмъ, уже половина 12: пора уже спать. Сегодня весь день съ утра до вечера у меня былъ народъ, то хлопцы, то мужики, то бабы и, наконецъ, вечеромъ парубки. Они уже теперь лучше, свободнѣе чувствуютъ себя въ моей хатѣ; не боятся уже засмѣяться, когда смѣшно, и отвѣчаютъ не шепотомъ, какъ раньше, а полнымъ голосомъ. Въ Городищахъ я не знала, какъ мнѣ скорѣй сойтись съ крестьянами и искала предлога проникнуть къ нимъ, войти въ ихъ жизнь, но потерпѣла полнѣйшее фіаско, такъ какъ съ ихъ стороны не было того же желанія и они сторонились, смотрѣли на меня, какъ на барышню, которая, по ихъ предположенію, непременно должна гнушаться ими и можетъ учить ихъ ребятъ потому только, что ей даютъ гроши за это. Здѣсь же они сами идутъ ко мнѣ. Стараются познакомиться со мной и ищутъ предлога придти ко мнѣ, и потому наше сближеніе идетъ быстрыми шагами. Вчера мнѣ пришлось пойти

для личнаго объясненія въ семью Попеченко, глава которой запретилъ своему сыну, Семену, выполнять обязанности дежурства въ школѣ, которое состоитъ въ томъ, чтобы принести воды и вынести школу съ помощью другаго дежурнаго. Послѣ разныхъ препирательствъ и объясненій по поводу этого, они пришли къ тому, что сказали: «робите зъ нимъ, що знаете, тилько доведите до ума, а мы большъ не мѣшатымусь, ужъ вы насъ звинити на сей разъ». Сегодня сынъ его весь день около меня вертѣлся и хотѣтъ загладить свою вину, и напрашивается въ дежурство не въ очередь.

10-го декабря. Не смотря на то, что я сегодня сильно устала, мнѣ весело и на душѣ хорошо. Только полчаса прошло, какъ ученики мои ушли. Они все болѣе и болѣе развертываются и являются тѣмъ, что они есть. Одинъ же, совсѣмъ дитя природы, вполне непосредственная натура, и я не могу сдержаться, чтобы не засмѣяться надъ его наивностью. Но онъ дѣлается необыкновенно серьезень, и недоумѣваетъ, чегò смѣются.

Мнѣ было очень хорошо сегодня вечеромъ. Мнѣ показалось сегодня, что они поняли, что я не сухо отношусь къ нимъ, а люблю ихъ. Вотъ это-то меня и радуетъ; радуетъ, что между нами будетъ обоюдная любовь.

Относительно же своего умѣнія въ веденіи систематическаго обученія я сомнѣваюсь и совсѣмъ недовольна.

11-го декабря. Сегодня я краснѣла, а теперь чувствую угрызеніе совѣсти. Вспылила во время класса (они затѣяли битву), я хотѣла удалить двухъ, но одинъ ни за что не хотѣлъ уйдти и я чуть не употребила насиліе, но скоро опомнилась. Но нужно было видѣть, какъ они были рады, наконецъ, увидѣть наказаніе, и всѣ закричали: «вы бы на колюшки его поставили!» Думаю, что больше не доставлю имъ этого зрѣлища.

Въ дневникъ совсѣмъ нѣтъ времени заносить такъ, какъ хотѣлось бы, подробнѣе. Я теперь рассчитываю

только по праздникамъ братъ его. Въ будни же къ вечеру очень устаю, такъ что тогда уже не до дневника. По вечерамъ очень аккуратно собираются мои взрослые ученики, даже и по праздникамъ. Иногда послѣ занятій я знакомя ихъ съ сонатами Бетховена. Они слушаютъ.

13-го декабря. Вчера получила книги. Теперь можно будетъ провѣрить отзывы о нихъ. По праздникамъ я сама читаю школьникамъ и, такимъ образомъ, вижу впечатлѣніе и слышу замѣчанія. Я намѣрена завести тетрадку и записывать противъ каждой книги всё, безъ исключенія, отзывы вкратцѣ. Я совсѣмъ теперь для себя ничего не читаю и не знаю, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается, что новаго, хорошаго. Сижу себѣ здѣсь и думаю только о своей школѣ, и всё силы свои напрягаю, чтобы сдѣлать что-нибудь сдѣлать. Но все мнѣ кажется, что я не такъ дѣлаю, что ничего не выйдетъ изъ моихъ усилій, и наступаютъ минуты унынія, которыя исчезаютъ, какъ только увижу маленькій шагъ впередъ. Надо надѣяться, что выйдетъ что-нибудь, если Богъ поможетъ и если есть желаніе дѣлать.

16-го декабря. Сегодня у меня съ ранняго утра и весь день народъ былъ. Сейчасъ же послѣ обѣдни (обѣдня была довольно рано), я еще не успѣла причесаться, пришли большіе пѣвчіе и я съ ними до 11¹/₂ ч. пѣла, потомъ пришли хлопцы, и среди нихъ Петръ Кузнецовъ, тотъ, который скептически относится ко мнѣ. Приходъ его меня очень удивилъ и обрадовалъ. Я прочла имъ сказку «О рыбацкѣ и рыбкѣ», «Родной бытъ» и «Саша». Слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Тѣ мѣста, гдѣ мальчика Сашу хозяйнъ ругалъ, вызывали смѣхъ, но мѣсто, гдѣ онъ, по наученію товарища, собирался воровать и совѣсть остановила его и онъ весь покраснѣлъ, представивъ ужасъ стыда послѣ такого поступка,—это мѣсто было прослушано съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ этой книжечкѣ очень проглядываетъ тенденція, но она имъ нра-

вится. Послѣ чтенія мы пѣли пѣсни, которыя заманили къ намъ постороннихъ слушателей. Только-что хлопцевъ проводила, приходитъ мужикъ: «и я къ вашей милости», и просить изложить ему на бумагѣ слѣдующую исторію: Вахтеръ ¹⁾ уѣхалъ на ярмарку (это было въ октябрѣ) и дома у него остались одни только дѣти. Староста, въ отсутствіе его, взялъ самовольно ключъ отъ общественнаго магазина и всыпалъ хлѣбъ. Раньше же у старосты съ вахтеромъ былъ разговоръ о пополненіи магазина: староста спросилъ, есть-ли пустой закромъ, чтобы засыпать хлѣбъ. Вахтеръ отвѣтилъ ему, что есть, но что если онъ хочетъ всыпать хлѣбъ, то пускай спросить объ этомъ стариковъ. И когда потомъ вахтеръ увидѣлъ, что въ пустомъ закромѣ есть хлѣбъ, то и не безпокоился, думая, что староста всыпалъ его съ вѣдома стариковъ. А староста, оказывается, и не думалъ спрашивать, и никто не видалъ, когда и сколько онъ засыпалъ; самъ же говоритъ, что не помнить, сколько всыпалъ.

Я совѣтъ дала такой, чтобы вахтеръ не сдавалъ ключей безъ перемѣрки хлѣба и что вообще дѣло бы выяснилось сейчасъ же, если бы перемѣрить. Но до весны это не удобоисполнимо, говорятъ. Теперь староста сталъ требовать свой хлѣбъ, но крестьяне не выдаютъ, такъ какъ никто не видалъ, сыпалъ онъ или нѣтъ. Вахтера же обвиняютъ въ томъ, что онъ сейчасъ же не сказалъ о томъ, что кто-то безъ его вѣдома всыпалъ хлѣбъ въ закромъ.

Сегодня ужасно угорѣла.

Вечеромъ собрались мои ученики, но я только что очнулась отъ угара. Впрочемъ, это не помѣшало мнѣ заниматься. Дѣлаютъ успѣхи и въ ученіи, и въ общеніи со мной.

Я говорила съ Евгеніемъ Анатольевичемъ (Николаевъ)

¹⁾ Сторожъ сельскаго хлѣбнаго магазина.

объ обученіи дѣтей какому-нибудь ремеслу. Онъ согласился приставить портного и покупать матеріаль. Съ тѣхъ поръ, какъ я стала по вечерамъ учить взрослыхъ, гувернантка Николаева тоже начала заниматься съ дворовыми дѣвушками. Меня очень это обрадовало.

17-го декабря. Двадцать разъ приходится пожалѣть, что нѣтъ времени, чтобы записать хоть часть того, что я слышу, вижу и чувствую. Эти дни были богаче всѣхъ предъидущихъ матеріаломъ и впечатлѣніями. Теперь это будетъ уже не свѣжее, а перевареное. О своихъ добродѣтельныхъ дѣлахъ не хочется писать, выхвалять себя, а былъ случай, чтобы проявить свою добродѣтель, но послѣ проявленія ея на дѣлѣ кажется—развѣ достаточно этого? Развѣ это все, что я могу сдѣлать? И что изъ этого выйдетъ, въ концѣ концовъ? Вотъ вопросы, которые являются и не даютъ покоя. Вотъ я теперь живу среди крестьянъ, и они идутъ, и идутъ ко мнѣ. Кто—«подивиться» на меня, кто—познакомиться, кто съ яйцами, кто для разъясненія: надо-ли вѣрить «планидѣ» и т.-п., кто за книжкой, кто о своемъ хлопчикѣ поговорить, и такъ далѣе. Но все-таки они не считаютъ меня своею и думаютъ, что сегодня я здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ. И потомъ я чувствую, что я не могу удовлетворить ихъ, я глупѣе ихъ; я почувствовала это, когда ближе подошла къ нимъ. Они задаютъ такіе вопросы, на которые, чтобы отвѣтить, нужна подготовка и потомъ умѣнье объяснить.

Въ одинъ изъ дней на этой недѣлѣ парубки не всѣ сошлись у меня и всѣ рано ушли, кромѣ одного, Осипа юмориста, съ которымъ послѣ занятій мы заговорились до часу ночи. Онъ оказался очень словоохотливымъ и рассказалъ мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ своей жизни, а также и о своемъ семейномъ положеніи. Мнѣ онъ кажется чрезвычайно сердечнымъ; можетъ быть, я ошибаюсь, не знаю, но изъ всего того, о чемъ мы говорили, я сдѣлала такой выводъ. Хотя и въ пересказѣ, но сердечность или сухость

непремѣнно выкажется. Такъ и у него. Доказательствомъ мягкости его сердца можетъ служить и то, что онъ очень любитъ «дытѣшекъ». Онъ взялъ у меня прочитать «Митину Ниву», Вучетича, и именно потому, что увидалъ на картинкѣ «дытѣшекъ». И отъ него не ускользнула и художественность разказа: «какъ хорошо описано!» говорить. И теперь, по его рекомендаціи, эта книга пошла въ ходъ, и главное, между взрослыми. Онъ сталъ спрашивать меня, какъ это пишутъ. «Вотъ, говоритъ, здѣсь правда описана, а какъ это выдумываютъ неправду и пишутъ такъ хорошо» (Онъ можетъ говорить, по желанію, и по-русски, и по хохлацки). Я отвѣтила ему, но отвѣтъ мой не удовлетворилъ ни меня, ни его, кажется. Я ему сказала, что есть люди, которыхъ мы называемъ талантливыми, и объяснила, что талантъ или способность дается намъ отъ Бога, и что нѣкоторые не развиваютъ его и онъ гаснетъ. И прибавила, что все таки большую часть для сюжета сочинители берутъ изъ жизни, и что въ каждомъ сочиненіи, баснѣ-ли, разказѣ-ли, стихотвореніи есть главная мысль, которую авторъ старается высказать. Вотъ приблизительно содержаніе того, что я ему сказала.

Въ школѣ на этихъ дняхъ я опять сердилась, хлопцы дерутся и обижаютъ маленькихъ. Я принимаю крутыя мѣры, то-есть, говорю, что какъ только кто-нибудь подерется, пускай удаляется изъ школы. Это нехорошо, я знаю, но я всѣ уже средства испробовала. Сначала дѣйствовало то, что я не обращала вниманія на ихъ раздоры, но озорники стали донимать и тѣхъ, которые не хотятъ съ ними связываться. Приходится удалить ихъ, иначе у насъ въ школѣ будетъ постоянно кулачный бой. Въ этомъ сказывается мое неумѣнье. И зачѣмъ это дерутся, ругаются, когда можно такъ хорошо жить. Но какъ сильно отражается вліяніе семьи на дѣтяхъ. Въ семьѣ, гдѣ взрослые постоянно ругаются, и дѣти также ругаются. Но какъ неприятно и больно слышать это; они ругаются, не понимая

тѣхъ ужасныхъ словъ, которыя произносятся, а потомъ, и очень рано, они уже сознательно будутъ произносить ихъ. Въ противоположность такому вліянію есть семьи, изъ которыхъ дѣти чрезвычайно симпатичны и совсѣмъ иначе относятся къ ученію, къ товарищамъ и ко всему, ихъ окружающему. Смотря на этихъ дѣтей, и душа отдыхаетъ.

20-го декабря. Была по дѣлу у священника слободы Жилиной. Слобода очень красива; хаты крестьянъ служатъ доказательствомъ ихъ зажиточности, хозяйственности. Школа выстроена очень большая, но закрыта, т. к. земство отказало въ просьбѣ крестьянъ отмѣнить нѣкоторые налоги. Выстроить помѣщеніе стоило имъ 1000 руб. Инициативу въ этомъ дѣлѣ священникъ приписываетъ себѣ. Священникъ—молодой франтъ; жена тоже молодая, и дочка. Еще застали мы молодаго человѣка, семинариста, очевидно родственника ихъ. Онъ былъ въ красной рубашкѣ, изъ подъ которой выглядывали воротничокъ и рукава крахмальной рубашки. Старался держать себя очень развязно. Всѣ они готовились сѣсть за столъ, который былъ накрытъ со всѣми атрибутами богатыхъ людей—салфетки, подставки и т. д., но нашъ пріѣздъ помѣшалъ ихъ намѣренію. Поговоривъ о дѣлѣ, мы какимъ-то образомъ въ разговорѣ коснулись наказаній, и я говорила за упраздненіе и бесполезность этой мѣры. Они всѣ были противъ моего мнѣнія.

22-го декабря. Думаю о себѣ и чувствую, что того, чего мнѣ недостаетъ главнымъ образомъ, мнѣ кажется, никакія усилія съ моей стороны не помогутъ пріобрѣсти, а именно—умѣть заглянуть въ душу и расшевелить ее. И вотъ я думаю, что другой на моемъ мѣстѣ могъ бы много сдѣлать и имѣлъ бы огромное вліяніе, такъ какъ здѣсь люди довѣрчивые и неиспорченные, ищущіе живаго слова и хватающіе его. Это я говорю о тѣхъ, съ которыми встрѣчаюсь внѣ школы. Въ школѣ же, кромѣ того, я многимъ недовольна. Я чувствую, что у меня мертвенно,

мало жизни, и не умѣю возбудить ее. А можетъ быть, это мнѣ такъ кажется. Мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы кто-нибудь побывалъ въ моей школѣ и сказалъ мнѣ свои замѣчанія и впечатлѣнія. Я сама бываю въ другихъ школахъ и замѣчаю всѣ недостатки, и стараюсь, чтобы у меня ихъ не было, насколько это въ моихъ силахъ. Въ моей же школѣ никто не бываетъ и никто ничего мнѣ не скажетъ. Я постоянно, на каждомъ шагу, чувствую свою несостоятельность—это мучительно.

28-го декабря. Дневникъ мой стоитъ на точкѣ замерзанія и не хочется писать. Сейчасъ вспоминаю все то, что хотѣла сюда вписать. Одинъ фактъ, говорящій не въ мою пользу, и потому я вспоминаю о немъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и упрекомъ себя въ жестокости. Вотъ какъ было дѣло: во время послѣдняго часа занятій я рассчитывала сообщить новый звукъ и продиктовать нѣсколько словъ, но мальчики (слобжане),—я не понимаю, что съ ними случилось, — стали драться, смѣяться, пѣть, и настолько громко и свободно, что невозможно было продолжать занятія и никакія мои замѣчанія не приводили къ порядку; тогда я остановилась, дала имъ утихнуть и сказала имъ, что такъ нельзя учиться, что безъ нихъ я, одна, ничего не могу сдѣлать, что они сами должны учиться, а что я могу только помогать имъ; и что если они не хотятъ обратить вниманіе на меня, то и я не хочу. Сказавъ это, я взяла и повернула доску только къ тѣмъ ученикамъ, которые занимались, и стала заниматься, подавивъ свое волненіе. Шалуны же стали еще пуще смѣяться. Я не обращала вниманія и продолжала заниматься. Потомъ вдругъ слышу, что они уже не смѣются, а плачутъ и кричатъ: «простите мы большъ не будемъ»; но я не обращая вниманія закончила урокъ и отпустила домой. Послѣ обѣда они должны были сойтись на пѣніе. Вижу, что и половины нѣтъ—не пришли, и товарищи ихъ говорятъ, что они совсѣмъ больше въ школу не придутъ.

Меня это испугало, но я и не показала вида, что меня это извѣстіе встревожило. Когда они всё удалились и когда я осталась сама съ собой, то не могла ничѣмъ заняться: это происшествіе не давало мнѣ покоя и я сердилась на себя, зачѣмъ я такъ круто поступила съ ними. Я ждала, что мнѣ скажетъ слѣдующее утро. Прихожу — всё рѣшительно сидятъ на своихъ мѣстахъ и полнѣйшая тишина. Весь день прошелъ мирно и ни я, и никто изъ нихъ не упомянулъ о вчерашней исторіи. Придется закончить этимъ, не сказавъ ни слова о второмъ — отрадномъ разговорѣ съ однимъ крестьяниномъ, по поводу разныхъ вещей. Это было дней пять тому назадъ, такъ что много подробностей улетучилось, остался остовъ.

2-го января 1885 г. Все это время я собиралась записать сюда еще одинъ разговоръ мой съ крестьяниномъ, но теперь уже не могу воспроизвести его подробно и такъ просто, какъ онъ былъ. Но самую суть его мнѣ все же хочется записать. Этотъ крестьянинъ, Степанъ Левда, со всѣмъ еще молодой, непьющій. Онъ былъ въ школѣ и кончилъ на свидѣтельство. Дружба съ школьными товарищами у него и теперь продолжается, хотя они уже поженились и въ разныхъ селеніяхъ живутъ. Его уже не удовлетворяетъ жизнь крестьянина, которая вся поглощается заботами о мірскомъ, у него явилось стремленіе къ чему-нибудь идейному. Своя жизнь ему кажется уже похожею на животную и онъ знаетъ, что есть другая жизнь и стремится войти въ нее. Какъ дорого это сознание и это стремленіе! Но жаль, что онъ такъ безнадежно смотритъ на молодое поколѣніе. Онъ говоритъ, что, на его взглядъ, старики гораздо сердечнѣе, мягче молодыхъ и въ доказательство своего мнѣнія онъ привелъ примѣръ, бывшій наканунѣ, на сходѣ. Обсуждали дѣло вахтера, старики настаивали на томъ, чтобы простить его, но молодые ужасно возставали противъ этого и требовали водки. Старики сдѣлали по своему и простили его, а во-

прось о томъ, выдавать-ли старостѣ хлѣбъ, отложили до переѣрки хлѣба весной. Степанъ былъ возмущенъ поступкомъ молодежи, къ которой самъ принадлежалъ.

На праздники я уѣзжала и пріѣхала наканунѣ новаго года. Вчера съ ранняго утра у меня былъ народъ. Наканунѣ, вечеромъ, хлопцы узнали, что я пріѣхала, и пришли «щедровать», ¹⁾ а вчера посыпали меня зерномъ. Я никакъ не думала и не воображала, что всѣ такъ обрадуются моему пріѣзду. Какъ только одинъ завидѣлъ меня, такъ сейчасъ побѣжалъ извѣщать другаго, съ видомъ особенной радости, и всѣмъ хотѣлось бы сейчасъ же повидаться со мной, но деликатность пересилила желаніе. Меня ужасно трогаетъ такое отношеніе ко мнѣ, и что меня больше всего радуетъ, это — любовь, которая поселилась между нами. Хлопцы такъ и сторожатъ меня по праздникамъ, и какъ только увидятъ, что я дома, сейчасъ же бѣгутъ.

4-го января. Сегодня я случайно встрѣтилась съ однимъ крестьяниномъ, съ своимъ товарищемъ по занятію. Онъ учитъ по псалтырю, и только читать, беретъ съ каждаго мальчика по 3 руб. въ зиму. Учитъ въ продолженіи всего дня и въ той же хатѣ, гдѣ помѣщается вся его семья. Наказаній не примѣняетъ, убѣдившись на опытѣ въ бесполезности ихъ, и потомъ вывелъ еще изъ наблюдений, что мы иногда требуемъ отъ ребенка пониманія раньше, чѣмъ онъ созрѣлъ для этого. Какъ я была рада встрѣтить себѣ собрата среди крестьянъ и подѣлиться своими впечатлѣніями, наблюденіями и т. д., которыя для него такъ же понятны и интересны, какъ и для меня. Нынѣшній годъ онъ отказался отъ учительства, вслѣдствіе неудобства помѣщенія. Сына своего онъ хочетъ направить въ мою школу, чтобы выучить его писать. У меня на дому прибавилось еще два ученика.

¹⁾ Т. е. поютъ пѣсню «Щедрый вечеръ» и т. д. и за это имъ даютъ вареники и что что можетъ.

5-го января. Класа не было по случаю сочельника. Съ хутора прибѣжали ко мнѣ два хлопца съ извѣстіемъ, что у нихъ пять гусей пропало, такъ они пришли «шукать», не залетѣли-ли какъ-нибудь въ нашу слободу. Принесли мнѣ подсолнуховъ, обогрѣлись и побѣжали. Потомъ опять прибѣжали—гусей не нашли. Опять сидѣли, говорили, читали. Наконецъ, одинъ говоритъ: «Ходимъ, Грицео, до дому». «Подожди тропки». И они только тогда ушли, когда мнѣ самой нужно было идти обѣдать. Вечеромъ у меня пили чай Оекла, сынъ ея, Борисъ (мой ученикъ, парубокъ) и дочь Дуня. Читали Евангеліе о крещеніи. Борисъ началъ утверждать, что мать ничего не понимаетъ, потому что неграмотная. Я задала нѣсколько вопросовъ, которые убѣдили его въ противномъ. По окончаніи бесѣды, сыграла имъ отрывокъ изъ оперы «Жизнь за Царя». Очень понравилось.

Н. Д. Кившенко.

(Продолженіе будетъ).

ГАДАНЬЕ.

Космы сѣдня, безкровныя губы,
Пестрая шаль и въ оплатахъ башмакъ,
Бусы и кольца... Здорово, цыганка!
—Здравствуй родимый... Знакомый, никакъ?—

Зорко, пытливо въ лицо заглянула:
—Поворожить бы?—«Изволь, погадай,
Только судьбу ты отерой мнѣ свободно,
Только всю правду увидѣть мнѣ дай».

Быстро задвигались старыя карты...
О, какъ сжимается сердце въ груди!
Старая смотреть, вздыхаетъ и шепчетъ...
«Что же, старуха?»—Дай срокъ, погоди...

Падаетъ, падаетъ карта за картой,
Пестрый сплелся предо мною узоръ...
Что же молчишь ты, цыганка сѣдая?
Ты поблѣднѣла?.. Встревоженный взоръ

Быстро по знакамъ нѣмымъ пробѣгаетъ...
 Что же, нашла ты отвѣтъ?
 Горе?.. Разлука?.. Да, да, угадала..
 Дальше, что жъ дальше?.. Нѣтъ, старая, нѣтъ!

Не отыскать тебѣ въ знакахъ безмолвныхъ
 Ясной разгадки печальной судьбы.
 Дай свои карты—я самъ попытаюсь,
 Самъ погадаю себѣ.

Что же, не вѣришь? Попробуемъ. Слушай:
 Вотъ мои карты, цыганка, смотри—
 Эта, вотъ, молодость; эта—надежды,
 Отблескъ далекой, потухшей зари...

Далѣе: вѣра, горячая вѣра
 Въ правду, въ свободу, порывы любить,
 Все принести на алтарь искупленья—
 Чувства и мысли... бороться и жить!..

Видишь? А эта, что сверху упала,
 Все придавила, покрыла собой—
 Доля житейская, горькая доля,
 Правда слѣпая судьбы роковой—

Трудъ опостылѣвшій, слезы безсилья,
 Гнетъ мелочныхъ и грошевыхъ заботъ...
 Дальше—дорога? Да, вѣрно, цыганка!
 О, какъ далеко, далеко ведетъ

Эта дорога... Въ концѣ ея камень
 Съ надписью стертой... Ты видишь ее?
 Тамъ... Но, довольно! Возьми свои карты,
 Кончилъ—я кончилъ гаданье свое!..

С. Фругъ.

ЭТЮДЫ ПО РАЗНЫМЪ ВОПРОСАМЪ ОБЩЕЙ ЗООЛОГИИ.

III Наслѣдственность.

Die Vererbung überhaupt ist ein wunderbares Ding.

(Darwin, deutsch von Carus).

Всякій, кто интересовался биологическими вопросами и знакомился съ сочиненіями Дарвина, Уоллеса, Спенсера и другихъ корифеевъ биологической науки, конечно знаетъ въ общихъ чертахъ, что разумѣется подъ терминомъ «наслѣдственности». Въ общежитіи также существуютъ о ней нѣкоторыя общія представленія, хотя и весьма неопредѣленные, но, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствующія о всеобщемъ признаніи наслѣдственности, какъ особаго закона природы, который выражается въ передаваніи извѣстныхъ чертъ физической и духовной организаціи отъ родителей дѣтямъ, отъ предковъ — потомству. И при всемъ томъ, самый законъ наслѣдственности такъ сложенъ, явленія ея такъ разнообразны и измѣнчивы, что весь этотъ, несомнѣнно существующій и закономерный процессъ передачи видовыхъ и индивидуальныхъ признаковъ и особенностей по наслѣдству представляетъ собою нѣчто въ высшей степени загадочное, таинственное, и, быть можетъ, потому именно наиболѣе привлекательное для мыслящаго біолога.

Еще въ шестидесятыхъ годахъ, Дарвинъ, приступая къ спеціальному обсужденію вопроса о законѣ и формахъ

наслѣдственности, замѣтилъ, что это — предметъ необыкновенно обширный и имѣеть уже большую литературу. Такъ, одно сочиненіе доктора Люка (Lucas), написанное въ 1847 году, имѣеть почтенный объемъ, ни болѣе ни менѣе, какъ въ 1562 страницы. Въ наше время этотъ вопросъ не менѣе занимаетъ біологовъ, чѣмъ въ первую половину нашего столѣтія, и появленіе классическихъ работъ Дарвина дало новый толчокъ его разработкѣ, такъ что богатая литература наслѣдственности разрослась въ чрезвычайной мѣрѣ. Въ особенности интересенъ тотъ фазисъ, въ который разсматриваемый вопросъ вступилъ въ послѣдніе два-три года и о которомъ собственно мы и хотимъ побесѣдовать съ читателемъ въ предлагаемомъ этюдѣ. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ изложенію и критикѣ этого послѣдняго фазиса, не будетъ лишнимъ изложить вкратчѣ то, что извѣстно до сихъ поръ о разныхъ формахъ наслѣдственности, а также коснуться нѣсколькихъ теорій, предложенныхъ въ разное время для объясненія относящихся сюда явленій.

Самыя простыя изъ явленій наслѣдственности, конечно, общеизвѣстны. Къ числу ихъ относится постоянное передаваніе видовыхъ признаковъ отъ одного поколѣнія къ другому, чѣмъ и обуславливается характеръ вида, какъ коллективной единицы, состоящей изъ индивидовъ, которые отличаются одинъ отъ другаго лишь весьма второстепенными особенностями. Только посредствомъ наслѣдственности и возможно такое постоянство видовыхъ признаковъ, которое и повело къ возникновенію догмата о неизмѣняемости вида. Столь же, если не болѣе наглядно выражаются простѣйшія явленія наслѣдственности въ жизни человѣка, и здѣсь мы можемъ убѣдиться, что передаются не только видовыя, но и чисто индивидуальныя особенности. Изъ повседневнаго наблюденія каждому извѣстно, съ какою поразительною точностью передаются отъ родителей къ дѣтямъ, напр., нѣкоторыя черты лица, какъ форма носа

глазъ, ушей и т. п. Исторія можетъ привести много примѣровъ подобнаго сходства въ чертахъ лица у цѣлаго ряда поколѣній извѣстной фамиліи. Стоитъ, напр., вспомнить выдающійся подбородокъ фамиліи Габсбурговъ, изогнутый носъ Бурбоновъ и проч. Передаются по наслѣдству, однако, не только черты лица и вообще черты физической организаци, но и психическій складъ, — извѣстныя стороны ума, таланты, наклонности, характеръ. Каждый, конечно, встрѣчалъ въ жизни примѣры такой наслѣдственной передачи психическихъ особенностей; не мало такихъ примѣровъ и въ исторіи литературы, публицистики, искусствъ и наукъ. Такъ, напр., нѣмецкая фамилія Бахъ прославилась цѣлымъ рядомъ поколѣній, отличавшихся музыкальнымъ талантомъ, всего она произвела около 50 музыкантовъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ знаменитый Іоганнъ-Себастьянъ Бахъ (1685—1750). Фамилія Бернулли произвела цѣлый рядъ талантливыхъ математиковъ. У насъ въ Россіи, напр., семья Аксаковыхъ представляетъ подобный же случай въ области литературы и публицистики.

И такъ, въ простѣйшихъ случаяхъ наслѣдственности мы видимъ постоянную передачу видовыхъ и индивидуальныхъ особенностей въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Эти-то случаи и подали поводъ къ происхожденію выраженій: «весь въ отца», «весь въ мать», «яблоко отъ яблони не далеко падаетъ», и т. п. Законъ такой постоянной передачи признаковъ Геккель называетъ закономъ непрерывной или постоянной наслѣдственности. Но и въ обществѣ уже бываетъ иногда замѣчено, что данная особенность переходитъ, напр., не отъ отца къ сыну, а отъ дѣда къ внуку, т.-е., минуя нѣкоторыя поколѣнія. Это уже болѣе запутанный, кажущійся менѣе естественнымъ способъ передачи наслѣдственныхъ признаковъ. Еще многозначительнѣе выражается этотъ способъ въ мѣрѣ животныхъ. Возьмемъ, напр., размноженіе обыкновенныхъ тлей, афидъ, о которыхъ мы уже говорили въ нашемъ

первомъ этюдѣ. Мы видѣли тамъ, что изъ перезимовавшихъ яицъ выходятъ молодыя тли, которыя размножаются въ цѣломъ рядѣ лѣтнихъ поколѣній партеногенетически, путемъ живорожденія; только къ осени является поколѣніе, откладывающее оплодотворенныя яйца. Всѣ живородящія поколѣнія отличаются въ своей организаціи отъ яйцекладущихъ тлей нѣкоторыми особенностями, напр., недоразвитіемъ сѣмепріемника. Но яйцекладущія тли каждаго года вполне сходны въ своей организаціи настолько, насколько вообще могутъ быть сходны недѣлимые одного вида. Слѣдовательно, извѣстныя черты организаціи передаются отъ одного поколѣнія яйцекладущихъ тлей до другаго въ скрытомъ видѣ, черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ поколѣній, въ которыхъ эти черты отсутствуютъ! Еще рѣзче происходитъ такая скрытая передача признаковъ въ случаяхъ перемѣны поколѣній, напр., у разныхъ гидроидныхъ полиповъ, плоскихъ глисть другихъ животныхъ. Здѣсь промежуточные поколѣнія, несущія въ себѣ въ скрытомъ видѣ задатки будущей медузы, солитера, двуустки и т. п., до такой степени отличаются отъ конечныхъ поколѣній, что долгое время, пока исторія развитія этихъ существъ была неизвѣстна, эти промежуточные фазы описывались, какъ совершенно особенныя породы животныхъ. Подобную передачу видовыхъ признаковъ черезъ одно или нѣсколько посредствующихъ поколѣній можно назвать, слѣдуя Геккелю, латентною (скрытою) или прерывчатою наследственностью. Сюда, конечно, должны быть отнесены также случаи педогенеза и гетерогоніи (см. этюдъ I).

Не всѣ признаки передаются въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ потомкамъ даннаго недѣлимаго, и прежде всего это выражается по отношенію къ полу потомковъ. У весьма многихъ организмовъ индивиды мужскаго и женскаго пола отличаются между собою, помимо устройства полового аппарата, различными особенностями, иногда весьма значи-

тельными, носящими названіе вторичныхъ половыхъ признаковъ. Такъ, напр., у многихъ птицъ самцы гораздо красивѣе самокъ, обладаютъ особенными перьями, шпорами, наростами, такъ что бѣдно украшенная самка нерѣдко кажется птицей совсѣмъ другой породы. Въ особенности это относится къ нѣкоторымъ куринымъ и воробьинымъ птицамъ (сравни, напр., павлина и паву, самца и самку клеста или снигири, и пр.). То же самое замѣчается у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, гдѣ самцы обладаютъ яркими красками, рогами, наростами и прочими украшениями, которыхъ нѣтъ у самокъ. Слѣдовательно, дѣти одной матери получаютъ, смотря по полу, разные наследственные признаки. Еще ярче выступаетъ эта неравномѣрность въ передачѣ признаковъ въ случаяхъ такъ называемаго полиморфизма, т.-е., когда животное является въ нѣсколькихъ различныхъ между собою формахъ. Напримѣръ, пчелы бываютъ трехъ формъ: матки, рабочія и трутни; у термитовъ и многихъ муравьевъ бываетъ еще четвертая форма — солдаты; у нѣкоторыхъ муравьевъ бываетъ пять классовъ особей; у нѣкоторыхъ бабочекъ бываетъ по двѣ формы самокъ и т. д. Собственно говоря, и различія обоихъ половъ между собою представляютъ одинъ изъ случаевъ полиморфизма, а именно диморфизмъ. Такую форму наследственности, при которой наследственные признаки различно распредѣляются между дѣтьми одной матери, лучше всего назвать разноформенною или гетероморфною наследственностью¹⁾.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда потомство происходитъ безполымъ путемъ, т.-е. посредствомъ дѣленія или почкованія (напр., у нѣкоторыхъ полиповъ, червей и другихъ низшихъ животныхъ), унаследуются, конечно, признаки только одного материнскаго организма. То же самое

¹⁾ Геккель называетъ этотъ родъ наследственности половой, но нашъ терминъ болѣе широкъ, такъ какъ обнимаетъ не только случаи обыкновеннаго полового диморфизма, но и всевозможные случаи полиморфизма.

имѣть мѣсто, разумѣется, и при дѣвственномъ размноженіи, т.-е., когда потомство развивается изъ неоплодотворенныхъ яицъ (см. этюдъ I). Но при типическомъ половомъ размноженіи, т.-е. посредствомъ оплодотворенныхъ яицъ, развивающееся молодое поколѣніе можетъ получать смѣшанные признаки, т.-е., съ одной стороны, признаки, присущіе отцу, а съ другой—материнскіе. Первые передаются посредствомъ живчиковъ (сѣменчатки, сперматозоиды), — вторые посредствомъ яицъ, развившихся въ яичникѣ матери. Этотъ родъ наслѣдственности умѣстно назвать смѣшанною или двустороннею наслѣдственностью. Примѣры такой наслѣдственности, вѣроятно, случалось наблюдать всякому, такъ какъ дѣти часто бываютъ въ однихъ отношеніяхъ похожи на отца, въ другихъ—на мать.

Всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя формы наслѣдственности характеризуются тою общою чертой, что при нихъ только передаются дѣтямъ извѣстныя качества или особенности, болѣе или менѣе постоянно свойственныя родителямъ. Этимъ путемъ сохраняются, безъ внесенія существенныхъ измѣненій, родовые, видовые и вообще всѣ главнѣйшіе признаки. Поэтому, всѣ разсмотрѣнныя формы наслѣдственной передачи организаціи, кромѣ, можетъ быть, случаевъ двусторонней наслѣдственности, при которой можно себя представить разнообразныя новыя комбинаціи, — могутъ быть подведены подъ категорію консервативной наслѣдственности. Если бы существовала только такая передача, то виды были бы неизмѣняемы. Но мы знаемъ, что, кромѣ видовъ, существуютъ и разновидности, иногда настолько своеобразныя, что ихъ можно съ перваго взгляда принять за особые виды. Вообще, невозможно опредѣлить границъ между видомъ и разновидностью, и поэтому, а также и по другимъ причинамъ, большинство современныхъ біологовъ-теоретиковъ считаютъ виды способными измѣняться въ весьма широ-

нихъ предѣлахъ. Откуда же могли бы браться разнообразности и новые виды, если бы существовала только консервативная наследственность?

Дѣло въ томъ, что извѣстны случаи, которые заставляютъ допустить, что по наследству могутъ передаваться не только постоянные признаки, но иногда также и лично приобретенныя родителями особенности. Сюда относятся наследственные болѣзни, и разныя случайныя уродства; сюда же, по теоріи Ламарка, принадлежатъ всѣ тѣ приспособленія, которыя приобретаются организмомъ въ теченіи его жизни и которыя, передаваясь изъ рода въ родъ и суммируясь въ потомствѣ, ведутъ къ усовершенствованію, къ прогрессу организаціи. Нѣсколько примѣровъ пояснятъ только-что сказанное. Извѣстенъ, напримѣръ, случай, когда корова потеряла, вслѣдствіе нагноенія, одинъ рогъ и затѣмъ она родила трехъ телятъ, которые имѣли на соответственномъ мѣстѣ только зачатокъ рога. Blumenбахъ рассказываетъ объ одномъ человѣкѣ, у котораго обрѣзанный палець остался кривымъ по заживленіи и особенность эта перешла по наследству къ его сыновьямъ. Эти случаи, быть можетъ, не вполне достовѣрны; но есть и многіе совершенно удостовѣренные случаи наследственной передачи приобретенныхъ особенностей. Извѣстный физиологъ Броунъ-Секаръ искусственно производилъ эпилепсію у морскихъ свинокъ; нѣкоторые изъ дѣтенышей оперированныхъ свинокъ унаслѣдовали отъ родителей наклонность къ эпилепсіи.

И такъ, несомнѣнно, что индивидуальныя особенности, не прирожденныя родителямъ, а возникшія въ теченіи ихъ жизни,—что такія особенности могутъ передаваться по наследству. Если подобныя особенности выгодны для организма по условіямъ его жизни, то измѣненіе организаціи является прогрессомъ для организма. Поэтому, такую форму наследственности можно назвать прогрессивною.

Сказаннымъ не исчерпывается пестрое разнообразіе

явленій наследственности. Кромѣ прогрессивной и консервативной формы этихъ явленій, существуетъ еще третья, которую лучше всего назвать регрессивною. Чтобы объяснить, въ чемъ она состоитъ, мы должны вернуться къ явленіямъ прерывчатой или скрытой наследственности. Къ такимъ явленіямъ можетъ быть отнесенъ, какъ мы видѣли, на примѣръ, такой случай, когда ребенокъ обнаруживаетъ больше сходства съ дѣдомъ или прадѣдомъ, чѣмъ съ своими родителями. Здѣсь мы какъ бы видимъ возвращеніе назадъ, черезъ одно или два поколѣнія, подобно тому, какъ это бываетъ при переменнѣ поколѣній или при гетерогоніи. Но представьте себѣ случай, когда это возвращеніе назадъ совершилось бы такъ, что въ новорожденномъ индивидѣ повторилась бы организація весьма отдаленныхъ предковъ, организація менѣе совершенная, — и вы получите явленіе регрессивной наследственности. Объяснимъ это на примѣрѣ. Въ высокой степени вѣроятно, что нынѣшнія однопалыя лошади произошли въ глубокой древности геологическихъ эпохъ отъ трехпалой миоценовой лошади—гиппаріона. Походка нынѣшней лошади оттого такъ и легка, бѣгъ ея оттого такъ быстръ и свободенъ, что она опирается на землю только четырьмя копытами, покрывающими конецъ единственнаго пальца каждой ноги. Въ особенности при бѣгѣ по степямъ, поросшимъ травой, такое устройство ногъ особенно выгодно для дикой лошади; если бы по бокамъ главнаго пальца у нея были хотя маленькіе боковые пальцы, въ родѣ, на примѣръ, боковыхъ копытець свиньи, оленя и др. животныхъ, то эти пальцы только мѣшали бы ей, на примѣръ, при убѣганіи отъ хищныхъ животныхъ, задѣвая за траву. Такіе боковые пальцы и были у гиппаріона и въ этомъ отношеніи онъ, очевидно, менѣе совершенно организованъ, чѣмъ нынѣшняя лошадь. И вотъ, извѣстно довольно много случаевъ, когда у отдѣльныхъ индивидовъ лошадей оказывались, въ видѣ аномаліи, эти боковые

пальцы. Слѣдовательно, здѣсь повторылась организація отдаленнаго предка, жившаго много тысячелѣтій тому назадъ, и притомъ организація менѣе совершенная, а потому такое проявленіе наслѣдственности слѣдуетъ назвать регрессивнымъ.

Случаи, подобные только-что описанному, извѣстны въ наукѣ подъ именемъ атавизма, т.-е. возвращенія къ типу отдаленныхъ предковъ (atavi). Но понятія объ атавизмѣ и о регрессивной наслѣдственности—не синонимы. Подъ именемъ атавизма разумѣется вообще воспроизведеніе характеровъ, свойственныхъ отдаленнымъ предкамъ, причѣмъ эти характеры могутъ быть индифферентны и не представлять собою упадка организаціи. Таковы, напримѣръ, поперечныя полосы на туловищѣ или на ногахъ, иногда являющіяся у лошадей и указывающія на то, что предки лошади имѣли рисунокъ зебръ. Только часть явленій атавизма—въ то же время и явленія обратнаго развитія. Слѣдовательно, индифферентные случаи атавизма могутъ быть отнесены просто къ категоріи скрытой наслѣдственности, а тѣ, которые характеризуются упадкомъ организаціи, относятся къ категоріи регрессивной наслѣдственности.

Резюмируя все сказанное, мы можемъ установить три главныя категоріи явленій наслѣдственности. Самыя обыкновенныя — это явленія консервативной наслѣдственности, которая передаетъ изъ рода въ родъ всѣ существенныя и прирожденные признаки, характеризующіе данный видъ, данную семью и т. п. Затѣмъ, существуетъ еще прогрессивная наслѣдственность, которая фиксируетъ особенности не прирожденные, а возникшія въ индивидуальной жизни родителей, и передаетъ ихъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Наконецъ, есть еще наслѣдственность регрессивная, которая воспроизводитъ въ новомъ поколѣніи черты менѣе совершенной организаціи отдаленныхъ предковъ. Эта послѣдняя форма

наслѣдственности пока наименѣе изучена, хотя къ ней относится множество весьма интересныхъ явленій, и она, несомнѣнно, играетъ въ жизни организмовъ болѣе значительную роль, чѣмъ обыкновенно предполагають. Мы посвятимъ этимъ явленіямъ особый этюдъ, теперь же перейдемъ къ разсмотрѣнію теоретической стороны вопроса о наслѣдственности вообще.

Какъ ни обыкновенны, какъ ни естественны кажутся явленія наслѣдственности, вопросъ о сущности ихъ въ высшей степени труденъ и сложенъ, какъ это и бываетъ нерѣдко именно по отношенію къ наиболѣе обыденнымъ явленіямъ. Что, напримѣръ, можетъ быть обыкновеннѣе жизни или смерти, но попробуйте дать опредѣленіе, что такое жизнь, что такое смерть—и станетъ ясно, что мы не знаемъ сущности этихъ явленій.

Исслѣдуя сущность какого бы то ни было органическаго процесса, для уразумѣнія его лучше всего начинать съ самыхъ простыхъ формъ, въ какихъ онъ проявляется. Если мы станемъ анализировать явленія наслѣдственности у простѣйшихъ одноклѣточныхъ организмовъ, то тотчасъ увидимъ нѣкоторыя существенныя стороны этого процесса, у высшихъ животныхъ замаскированныя и усложненныя въ чрезвычайной степени.

Простѣйшіе, т.-е. по существу одноклѣточные организмы (protozoa), имѣють три главные способа размноженія: дѣленіе (и, какъ его частные случаи, почкованіе и образованіе споръ), копуляцію и конъюгацію. Дѣленіе есть настоящее безполое размноженіе и состоитъ въ томъ, что материнское тѣло, т.-е. единственная клѣтка, его составляющая, дѣлится на двѣ или болѣе частей, изъ которыхъ каждая растетъ и дѣлается подобною материнскому организму. Такъ размножаются, напримѣръ, различныя корненожки (амѣбы и др.). При этомъ, слѣдовательно,

весь организмъ матери цѣликомъ переходитъ въ потомство, что и подало поводъ приписывать простѣйшимъ животнымъ потенциальное безсмертіе ¹⁾). Копуляція состоитъ въ томъ, что два одноклѣточныхъ тѣла простѣйшихъ животныхъ сливаются въ одно и образовавшаяся масса распадается на множество зародышей, изъ которыхъ развиваются организмы, сходные съ копулирующими. Такой способъ размноженія долженъ быть названъ уже половымъ. Копуляція встрѣчается, на примѣръ, у грегариновъ. Наконецъ, конъюгація, наблюдаемая у инфузорій, состоитъ во временномъ и неполномъ сляніи двухъ одноклѣточныхъ организмовъ, причемъ происходятъ извѣстныя измѣненія въ ихъ ядрахъ и ядрышкахъ; затѣмъ конъюгирующія клѣтки раздѣляются, расходятся и размножаются дѣленіемъ.

Какъ ни отличаются, однако, половыя формы размноженія простѣйшихъ организмовъ (копуляція, конъюгація) отъ бесполой, ясно, что и въ нихъ, какъ при простомъ дѣленіи, весь организмъ матери или копулирующихъ особей цѣликомъ переходитъ въ потомство. Если, слѣдовательно, родоначальный организмъ въ теченіи своей индивидуальной жизни пріобрѣлъ какія-либо особенности, сколько-нибудь уклонился вслѣдствіе разныхъ условій отъ типическаго строенія, — то вполне понятно, что всѣ эти пріобрѣтенныя особенности и уклоненія передадутся и всему его потомству. Можетъ-ли и быть иначе, когда это потомство составляетъ, собственно говоря, раздробившееся продолженіе тѣла родоначальнаго организма, когда все размноженіе простѣйшихъ животныхъ представляетъ собою, въ полномъ смыслѣ слова, ростъ за предѣлы индивидуальности, по мѣткому выраженію Геккеля.

И такъ, у простѣйшихъ организмовъ наслѣдственность довольно понятна, вслѣдствіе того, что морфологическая

¹⁾ См. «Русское Богатство», 1886 г., № 3.

сторона процесса размноженія довольно проста. Послѣ того, какъ трудами Бюкли окончательно установлена одноклѣточность инфузорій, наследственность при половомъ размноженіи простѣйшихъ животныхъ такъ же сама собою разумѣется, какъ и при безполомъ. Въ новѣйшее время, соотвѣтственно общему развитію ученія о строеніи и жизни клѣтки, морфологія размноженія и матеріальная сущность наследственности у одноклѣточныхъ существъ изучены нѣсколько детальнѣе, и подобно тому, какъ при размноженіи главную роль играютъ клѣточное ядро, такъ и носителемъ наследственности является, повидимому, нуклеинъ, т.-е. вещество ядра (Оскаръ Гертвигъ, Келликеръ).

Гораздо сложнѣе самая морфологическая сторона наследственности у многоклѣточныхъ организмовъ, въ особенности при половомъ размноженіи. Въ случаяхъ безполога размноженія посредствомъ почкованія и дѣленія у многоклѣточныхъ организмовъ, принимаютъ участіе элементы всѣхъ зародышевыхъ пластовъ, какъ это легко можно видѣть, напримѣръ, у разныхъ полиповъ, какъ гидра, кораллы и т. п. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, главные элементы материнскаго тѣла передаются и здѣсь потопу прямо, непосредственно, а потому и свойства матери, отчасти прирожденныя, отчасти приобрѣтенныя, могутъ быть переданы по наследству. Въ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, многоклѣточные организмы мало отличаются, по отношенію къ наследственности, отъ простѣйшихъ. Но при явленіяхъ полового размноженія процессъ наследственной передачи гораздо запутаннѣе, и теоретическое объясненіе его въ высшей степени затруднительно, что и выразилось во множествѣ теорій наследственности, предложенныхъ разными авторами.

Морфологическая сторона полового размноженія многоклѣточнаго организма сходствуетъ съ таковою же у простѣйшихъ животныхъ въ томъ отношеніи, что и здѣсь, какъ тамъ, копулируютъ, т.-е. сливаются между собою, двѣ

клетки, а изъ продукта этого слиянія развивается новый организмъ. Но у простѣйшихъ конулирующія клетки составляютъ все тѣло производящихъ недѣлимыхъ, а у многоклеточныхъ—только ничтожную часть этого тѣла, и притомъ часть особаго органа. Клетки эти,—живчикъ или сперматозоидъ и яйцо или женская половая клетка—производятся въ такъ называемыхъ половыхъ железахъ, а именно: живчикъ—въ мужской половой железѣ или въ сѣменникѣ, а яйцо—въ женской половой железѣ—въ яичникѣ. Отношеніе сѣменника и яичника, а вмѣстѣ съ ними и половыхъ продуктовъ—яйца и живчика—къ зародышевымъ пластамъ, выяснено далеко не для всѣхъ многоклеточныхъ организмовъ. У однихъ они происходятъ изъ наружнаго, у другихъ изъ внутренняго, у многихъ изъ средняго зародышеваго пласта; наконецъ, у нѣкоторыхъ половыя железы происходятъ изъ совершенно особыхъ клетокъ, обособляющихся изъ продуктовъ дробленія яйца еще ранѣе сформированія зародышевыхъ пластовъ. Какъ бы то ни было, оплодотворенное яйцо, ничтожная микроскопическая клетка, развивается въ сложный многоклеточный организмъ, наследующій множество свойствъ отца и матери, въ томъ числѣ и такія мелочныя особенности, какъ цвѣтъ волосъ, тембръ голоса, какія-нибудь родимыя пятна и т. п. Задатки всѣхъ этихъ и типическихъ, и индивидуальныхъ признаковъ лежатъ въ микроскопическихъ половыхъ продуктахъ и обнаруживаются лишь по достиженіи организмомъ полнаго развитія, т.-е. иногда черезъ много лѣтъ. Какимъ же образомъ передаются эти признаки черезъ половыя продукты и въ какомъ видѣ существуютъ задатки ихъ? Если бы дѣло касалось только явленій консервативной наследственности, т.-е. передачи прирожденныхъ особенностей, то вопросъ этотъ можно было бы сколько-нибудь разрѣшить или хотъ уяснить указаніемъ на общій законъ развитія, по которому всѣ сложныя существа развиваются изъ болѣе простой основы, проходя

черезъ извѣстныя стадіи постепеннаго усложненія, вслѣдствіе чего и выступаютъ, мало по малу, все болѣе и болѣе спеціальныя признаки. Но, вѣдь, существуетъ и наследственность прогрессивная, передающая признаки, которые случайно приобрѣтены родителями во время ихъ индивидуальной жизни. Какимъ образомъ эти случайные признаки обнаруживаютъ на половые продукты такое вліяніе, что яйцо или живчикъ получаютъ задатки къ воспроизведенію ихъ въ потомствѣ? Если оперированная морская свинка получаетъ эпилепсію, то почему ея половые продукты передаютъ эту болѣзнь ея дѣтенышамъ, не подвергающимся операциі? Если корова теряетъ рогъ, то какое отношеніе можетъ имѣть потеря рога къ ея половымъ органамъ и почему у нея рождаются однорогіе телята? Вообще, какъ могутъ отражаться приобрѣтенныя видоизмѣненія различныхъ частей тѣла на молекулярномъ строеніи половыхъ клѣтокъ? Вотъ вопросы, на которые очень трудно дать отвѣтъ, и которые вызвали появленіе различныхъ теорій наследственности.

Изъ этихъ теорій, прежде всего, слѣдуетъ упомянуть о такъ называемой теоріи пангенезиса, предложенной Чарльзомъ Дарвиномъ. Согласно этой теоріи, всѣ разнообразныя клѣтки, составляющія тѣло многоклѣточного организма, отдѣляютъ отъ себя мельчайшія крупинки (атомы), которыя свободно циркулируютъ по всѣму тѣлу и которыя при надлежащемъ питаніи, могутъ размножаться дѣленіемъ и въ послѣдствіи развиваться въ клѣтки, подобныя тѣмъ, отъ какихъ онѣ произошли, т.-е., если, напр., онѣ произошли отъ нервныхъ клѣтокъ, то и дадутъ начало нервнымъ, если отъ мускульныхъ—мускульнымъ, и т. д. Эти-то крупинки и агрегируются (собираются) въ половыхъ продуктахъ и черезъ посредство ихъ передаются потомству. Поэтому, тѣло половой клѣтки содержитъ множество зернышекъ, которыя при окончательномъ сформированіи новаго организма разовьются въ такія же клѣтки,

отъ какихъ онѣ произошли. Этимъ объясняются всѣ явленія наследственности, какъ консервативной, такъ и прогрессивной, потому что, если, напр., какой-либо органъ измѣняется подѣ влияніемъ внѣшнихъ условій, то измѣняются до извѣстной степени его клетки и отдѣляются отъ себя уже измѣненные крупинки, которыя агрегируются въ яйцѣ или сѣмени и могутъ передать происшедшее измѣненіе потомству.

Теорія эта, конечно, хороша тѣмъ, что она объясняетъ всѣ явленія наследственности и притомъ весьма послѣдовательно: въ этомъ отношеніи она не только не уступаетъ другимъ теоріямъ наследственности, но даже рѣшительно превосходитъ ихъ. Но не одна стройность и послѣдовательность требуются отъ біологической теоріи для того, чтобы она была признана: нужно, прежде всего, чтобы она не была чисто-умозрительною, исходила бы хоть сколько-нибудь изъ фактовъ, а не только была бы, хотя и весьма искусно, придумана для того, чтобы объяснять факты. Между тѣмъ, теорія пангенезиса именно простое умозрѣніе, что вполнѣ понималъ и самъ Дарвинъ, и потому даже не назвалъ ее теоріею, а «предварительною гипотезой». «Пока не будетъ предложено лучшаго объясненія,—говоритъ онъ,—моя гипотеза можетъ быть полезна тѣмъ, что она собираетъ во едино множество фактовъ, которые до сихъ поръ не связаны никакою общою причиною». Въ этомъ смыслѣ объясненіе, данное Дарвиномъ, несомнѣнно составило прогрессъ въ наукѣ, не смотря на свою произвольность, и принесло извѣстную пользу, хотя его и слѣдуетъ считать не болѣе, какъ временною гипотезой.

Весьма любопытно и поучительно сходство теоріи пангенезиса съ другою теоріей, господствовавшей среди фізіологовъ и эмбриологовъ въ средніе вѣка и нынѣ совершенно брошенною. Это такъ называемая теорія вложенія (Einschachtelungstheorie), или теорія преформациі (praeformatio), или, наконецъ, эволюціонная теорія

(слѣдуетъ отличать отъ современнаго эволюціонизма, который не имѣетъ съ нею ничего общаго). Согласно этой теоріи, которая особенно ревностно поддерживалась въ XVIII столѣтіи Галлеромъ, въ каждый организмъ, съ самаго начала его появленія на землѣ, вложена несмѣтная масса зародышей, которые, въ свою очередь, вложены одинъ въ другой. Такимъ образомъ, развивающійся зародышъ заключаетъ въ себѣ всѣ будущія поколѣнія. При этомъ, одни ученые принимали яйца за зародыши, а сѣменчатки за питательный матеріалъ, другіе — наоборотъ. Читатель видитъ, что и здѣсь, какъ въ теоріи пангенезиса, основное предположеніе совершенно произвольно и не опирается на факты; далѣе, въ теоріи пангенезиса, подобно тому, какъ въ теоріи вложенія, принимается присутствіе въ зародышевой клѣткѣ безчисленныхъ зародышей: различіе только въ томъ, что здѣсь подразумѣваются зародыши будущихъ клѣтокъ, а не цѣлаго организма. Очевидно, обѣ теоріи одинаково искусственны и грубо-морфологичны.

Недавно (1883 г.); американецъ Бруксъ предложилъ новую теорію наслѣдственности, которая представляетъ собою модификацію Дарвиновой гипотезы пангенезиса. Онъ также допускаетъ, что всѣ клѣтки многокѣлочнаго организма могутъ отдѣлять крупинки, которыя переходятъ въ разныя части организма, между прочимъ, въ яйцо; но особенное сродство имѣютъ эти крупинки къ сѣменчаткамъ, въ которыхъ онѣ собираются, и черезъ которыя по преимуществу передаются послѣдующимъ поколѣніямъ. Разница отъ Дарвиновой гипотезы (кромѣ только-что изложенной первенствующей роли сѣменчатокъ) заключается въ томъ, что, по Бруксу, крупинки не отдѣляются постоянно отъ всѣхъ клѣтокъ, а лишь отъ нѣкоторыхъ и лишь тогда, когда эти клѣтки попадаютъ въ новыя условія, нарушающія обычную функцію органа. Стоитъ какой-нибудь части претерпѣть измѣненіе въ смыслѣ приспособ-

ленія къ новымъ, измѣнившимся условіямъ жизни, и всѣ клѣточки этой части тѣла стануть отдавать крупинки, которыя, при оплодотвореніи яйца сѣменемъ, передаются потомству. При этомъ, въ оплодотворяемомъ яйцѣ каждая изъ крупинокъ, передаваемыхъ сѣменчаткою, сливается съ тою частичкой яйцевой протоплазмы, изъ которой въ новомъ организмѣ должна развиваться клѣтка, соответствующая той, какая въ родительскомъ организмѣ отдѣлила данную крупинку. Слѣдовательно, эта вновь происшедшая клѣтка будетъ ублюдокъ, помѣсь двухъ крупинокъ—материнской и отцовской, и такъ какъ ублюдки вообще расположены къ варьированію, то и данныя клѣтки, и составленные изъ нихъ органы будутъ варьировать. Изъ этихъ варіацій естественный подборъ укрѣпитъ нѣкоторые наиболѣе полезныя измѣненія и тогда прекратится отдѣленіе крупинокъ, потому что органы попадутъ въ наиболѣе благопріятныя, приспособленныя условія, а организація будетъ передаваться черезъ яйцо, и самъ избранный естественнымъ подборомъ организмъ имѣетъ благопріятныя свойства своей организаціи отъ яйца, изъ котораго онъ произошелъ.

Н. Холодковскій.

(Окончаніе будетъ).

ПОЭТУ.

Когда гудитъ житейскій шумъ—
Тебѣ вдругъ хочется забвенья,
И ты—хранитель вышихъ думъ—
Ужь предвдушаешь вдохновење.

Съ однообразной суетой
Ты называешь жизнь ничтожной,
Какой-то шуткой площадной
Со смысломъ дерзкимъ, съ цѣлью ложной.

Невольно чую тайный страхъ
Предъ тѣмъ, что свято и высоко,
Клеймишь въ озлобленныхъ стихахъ
Плоды презрѣннаго порока.

Тебя страшитъ судьба людей,
Забывшихъ жизни назначенье
Подъ гнетомъ пагубныхъ идей
И чувства рабскаго сомнѣнья.

Тебя влечетъ въ страну любви,
Въ края Духовъ благословенныхъ,
Въ тотъ часъ всѣ помыслы твои
Полны стремленій вдохновенныхъ.

Тебѣ свѣтло средь тьмы ночной,
Тогда—другого міра житель—
Ты жизни вѣчной, не земной,
Какъ Серафимъ, блаженный зритель.

К. Фофановъ.

О КИТАЙСКОЙ ЖЕНЩИНѢ.

Изъ путешествія по Китаю ¹⁾.

Когда я задумала подѣлиться впечатлѣніями о видѣнномъ мной во время моего путешествія, я увидѣла, что наблюденія мои очень не полны, а видѣннаго много; вотъ почему, чтобы не потеряться въ массѣ этого видѣннаго, я хочу говорить здѣсь лишь о китайской женщинѣ, насколько я могла наблюдать ее. Не понимая китайскаго языка и не имѣя переводчика, говорящаго по русски, мнѣ приходилось только смотрѣть на китайскую жизнь; конечно, при этомъ у меня поневолѣ являлись догадки, и не понимая рѣчи, я добавляла видѣнную жизнь своимъ воображеніемъ. Здѣсь, по возможности, я буду говорить лишь о томъ, что видѣла, и иногда сообщать тѣ свѣдѣнія, какіе сообщали мнѣ миссіонеры, съ которыми я встрѣчалась въ Китаѣ.

Проѣзжая по китайскимъ городамъ, мы останавливались обыкновенно въ гостинницахъ, или, правильнѣе, на постоянныхъ дворахъ, т.-е. тамъ, гдѣ были стойла и кормъ для нашихъ животныхъ. Жизнь, которую мы тутъ видѣли, была жизнь городского мѣщанства, если говорить,

¹⁾ Авторъ этихъ замѣтокъ, Александра Викторовна Потанина, супруга известнаго русскаго путешественника Потанина; она совершила съ нимъ весь его странствіе и въ нынѣшнемъ году была удостоена золотой медали отъ географическаго общества.

Ред.

перекладывая китайскую жизнь на наши нравы. Женщинъ я могла наблюдать также больше всего изъ этого сословія; много также видѣли мы крестьянокъ, но въ Китаѣ жизнь деревень и жизнь городовъ очень мало отличаются одна отъ другой. Меньше мнѣ приходилось наблюдать жизнь богатыхъ китайцевъ; раза три, четыре случалось бывать въ домахъ чиновниковъ разныхъ ранговъ.

Для наблюдательницы, мало знающей китайскую жизнь, казалось, что во всѣхъ этихъ классахъ общества женщины были похожи одна на другую. Главнымъ образомъ, это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что въ Китаѣ во всѣхъ классахъ женщина не получаетъ образованія, грамотныхъ женщинъ я не встрѣчала. При этомъ и покрой платья у нихъ во всѣхъ сословіяхъ одинаковъ, — различается одежда лишь въ подробностяхъ по мѣстностямъ, да еще, можетъ быть, по обстоятельствамъ, въ которыхъ надѣвается. Матеріи обыкновенно употребляютъ одноцвѣтныя, средний классъ и крестьянство носить преимущественно, бумажныя темносинія матеріи, высшій классъ шелковыя, болѣе свѣтлыя. Обыкновенно китайки носятъ халатъ, или курму, какъ принято называть у насъ, до колѣнъ и широкіе вверху и узкіе у ногъ панталоны, завязанные у лодыжекъ лентой; бѣлые чулки и маленькіе, вышитые шелками, башмаки. Въ парадныхъ случаяхъ китайки надѣваютъ юбки; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ косыя, съ рѣдкими у пояса складками, въ другихъ широкія, сложенные въ складки плиссе, и спереди, и сзади имѣютъ разрѣзъ. Волосы всѣхъ китайки, начиная съ уличной нищей и кончая женой градоначальника, носятъ въ шиньонахъ; правда, прическа эта разнообразится нѣсколько и иногда различается у барынь и простолюдинокъ, но и у послѣднихъ она также вычурна, неудобна и требуетъ шнурковъ, шпилекъ, различныхъ гребенокъ и фиксатуаровъ. Разницу, конечно, дѣлаетъ то, что барыни сооружаютъ свои шиньоны ежедневно, а бѣдныя женщины гораздо рѣже, богатыя упо-

требляютъ золотыя шпильки и украшенія, а бѣдныя мѣдь.

То же нужно сказать и относительно другой особенности китайскаго костюма, маленькихъ башмаковъ, или, лучше сказать, относительно обычая уродованія ногъ. Мы привыкли думать, что эта мода принадлежитъ лишь высшимъ классамъ, что это, такъ сказать, выставка аристократичности; между тѣмъ, всѣ китайки уродуютъ свои ноги, это обычай священный и ненарушимый. Есть исключенія, но онѣ зависятъ не отъ разницы общественнаго положенія. Не уродуютъ своихъ ногъ манджурки, слѣдовательно, при дворѣ, и жены старшихъ, преимущественно военныхъ сановниковъ, которые назначаются преимущественно изъ манджуръ. Въ Пекинѣ и его окрестностяхъ часто можно встрѣтить женщинъ съ большими ногами, но это потому, что тамъ живетъ много манджуръ, которыхъ мы по костюму не отличаемъ отъ китайцевъ, а также и потому, что многіе природные китайцы этой провинціи женятся на манджуркахъ или монголкахъ. Не уродуютъ ногъ также въ провинціи Фокіень. Въ остальномъ Китаѣ ноги вездѣ уродуютъ; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ мода эта достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ; нога модницъ устанавливается въ чайную чашку, такова, по крайней мѣрѣ, ходячая похвала маленькимъ ногамъ, да и дѣйствительно, разстояніе между каблукомъ и носкомъ башмака иногда меньше дециметра. Въ этихъ провинціяхъ мѣщанки и крестьянки, занимающіяся своею наружностью, отличаются такими же миниатюрными башмаками, какъ и барыни; въ другихъ провинціяхъ ноги стягиваютъ меньше, особенно, въ горныхъ округахъ, гдѣ экипажей не существуетъ, или тамъ, гдѣ женщина участвуетъ въ полевыхъ работахъ. Стягивать ноги начинаютъ дѣвочкамъ лѣтъ трехъ, иногда позднѣе; случается, что откладываютъ это лѣтъ до семи. Процессъ этотъ очень мучителенъ для ребенка: для этого берутъ тесьму или отрѣзокъ коленкора, аршина въ два, три длиной, и забинтовываютъ ножку, оставляя концы

большаго пальца наружи, остальные пальцы прижимають къ подошвѣ; вся передняя часть ноги также притягивается этимъ бинтомъ къ пяткѣ, такъ что выемка между пяткой и концомъ ступени увеличивается. Въ это углубленіе въислѣдствіи вставляется внутренней каблукъ, замаскированный чулкомъ; на этотъ-то каблукъ и большой палецъ ноги и надѣвается башмакъ съ узкимъ носкомъ и также съ каблукомъ; такая обувь, конечно, очень неудобна при ходьбѣ, и въ тѣхъ округахъ, гдѣ женщина работаетъ, внутренняго каблука не бываетъ.

Въ Китаѣ нерѣдко приходится слышать о гибели женщинъ отъ нападенія волковъ или дикаго кабана на пашняхъ; множество гибло ихъ и попадало въ плѣнъ во время дунганскаго возстанія: бѣжать отъ опасности китайская женщина не можетъ.

Дѣти часто болѣютъ во время связыванія ногъ, иногда по цѣлымъ днямъ оглашаютъ домъ своимъ крикомъ, но заботливые родители неумолимы; случается, что нѣжная бабушка или мать не выдержатъ и снимутъ бинтъ, но это только отсрочка; черезъ годъ, черезъ два дѣвочку опять свяжутъ, и, когда она будетъ побольше, она уже не будетъ кричать, — пойметъ, что такъ нужно. Чтобы быть красивою, нужно страдать: это не одни французы выдумали, какъ видно.

Бельгійскіе католическіе миссіонеры, проповѣдуя христіанство, требуютъ, чтобы китайки отреклись отъ этого обычая; французскіе миссіонеры не рѣшаются идти противъ моды, и въ ихъ миссіяхъ дѣвочки подвергаются уродству. Я не могу иначе назвать эту моду: благодаря ей, всѣ китайки горбятся при ходьбѣ, помогаютъ себѣ балансируя руками, а если нужно идти скоро, то, не стѣсняясь, употребляютъ костыли. Страшно бываетъ видѣть, когда беременная китайка идетъ по улицѣ или по дорогѣ, гдѣ много ѣзды. Остановливаясь, китайскія женщины всегда стараются прислониться къ стѣнѣ спиной,

чтобы опираться только на каблуки, а не на носки башмаковъ. Понятно, что при этихъ условіяхъ женщины предпочитаютъ вести сидячую жизнь, что отзывается на ихъ здоровьи; онѣ безпрестанно страдаютъ головными болями.

Обычай уродовать ноги, мнѣ кажется, отражается также на всемъ китайскомъ хозяйствѣ. При малѣйшемъ достаткѣ, большинство домашнихъ занятій исполняется мужчинами, стряпаютъ почти всегда повара, или нанятые, или сами мужья; дѣтей нянчатъ тоже женщины, или мальчики; наблюдать за чистотой, мыть, чистить — у китайки тоже нѣтъ охоты: посуда, столы, все покрывается грязью, или моется очень рѣдко и кое-какъ. Хозяйственныхъ запасовъ въ домахъ не держать, почти все покупается въ лавкѣ и все на одинъ разъ къ обѣду; чаще все, что нужно, разношники приносятъ на домъ.

Дѣвочки, лишенная возможности развиться, рано засаживаются за рукодѣлье. У торговыхъ людей женщина принимаетъ большое участіе въ торговлѣ; она сидитъ въ лавкѣ за выручкой, если это гостинница, или съѣстная лавка; часто женщина же сидитъ у плиты, варитъ для посѣтителей чай, раньше заготовленную лапшу, кисель, кукурузу, бобы, картофель и прочую неприхотливую уличную ѣду.

У земледѣльцевъ женщины часто участвуютъ въ полевыхъ работахъ; онѣ полютъ пашни въ продолженіи всего лѣта; жнуть вмѣстѣ съ мужчинами и молотятъ цѣпами; всѣ полевые работы, исключая послѣдней, онѣ производятъ, сидя или ползая по пашнѣ на колѣнкахъ. Женщины также ухаживаютъ за огородомъ и за маковыми полями, приготавливая опій, и за хлопчатниками, снимая хлопокъ.

Иногда изготовленіе топлива лежитъ также на попеченіи женщины, она собираетъ навозъ домашнихъ животныхъ и тщательно просушиваетъ его для этой цѣли. Ребятишки китайскіе также постоянно заняты собираньемъ навоза; для этого они цѣлый день бѣгаютъ по проѣзжей

дорогѣ, съ корзиной въ одной рукѣ и маленькими граблями въ другой. Тамъ, гдѣ топятъ дровами или каменнымъ углемъ, навозъ собираютъ для удобренія полей. Китайки собираютъ также на топливо всякій кустарникъ, вырывая его съ корнемъ, и всякую негодную для ѣды траву съ огородовъ и пашень. Гдѣ не нуждаются въ топливѣ, тамъ сорныя травы собираютъ на кормъ свиньямъ. Вслѣдствіе этого часто китайскій ландшафтъ лишень зелени, исключая той, которая посажена или посѣяна челоувѣческими руками. Правда, китайскія поля всегда превосходно обработаны и всегда содержатся въ порядкѣ, но для нашего глаза ихъ постоянная правильность, отсутствіе дикой природы, производитъ впечатлѣніе скуки.

Въ бѣдныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ, гдѣ не держатъ скота, гдѣ нѣтъ даже ослонъ, женщина же должна молоть хлѣбъ на домашней мельницѣ; для этого она беретъ за приводъ, укрѣпленный въ верхнемъ жерновѣ, и ходитъ вокругъ точно также, какъ это дѣлаетъ осель или лошадь у болѣе зажиточныхъ.

Есть деревни, гдѣ всѣ женщины занимаются какимъ-нибудь ремесломъ; намъ встрѣчались такія, гдѣ всѣ жительницы заняты были пряжей нитокъ изъ хлопчатой бумаги; прядутъ китайки на прялкѣ. На югѣ, гдѣ разводять шелкового червя, прядутъ шелкъ; иногда тутъ же безъ дальнѣйшей выдѣлки ткуютъ изъ него матеріи. Такія, домашняго приготвленія, матеріи бываютъ обыкновенно желтаго цвѣта и очень рѣдки; дѣлаютъ изъ нихъ, повидимому, благодаря ихъ прозрачности, одни только кушаки. За ткацкимъ станкомъ рѣдко можно встрѣтить женщину: ткуютъ обыкновенно мужчины. Мнѣ не привидилось видѣть, но я слышала, что есть деревни, гдѣ всѣ жители занимаются однимъ какимъ-нибудь ремесломъ, причемъ существуетъ раздѣленіе труда; такимъ образомъ, говорятъ, готовятъ искусственные цвѣты: одинъ челоувѣкъ или въ одномъ домѣ готовятъ только листья,

въ другомъ лепестки, въ третьемъ цвѣты собираютъ, и т. д. Искусственные цвѣты въ Китаѣ въ большемъ употребленіи: всѣ молодыя женщины, не исключая и крестьянокъ, желая принарядиться, втыкаютъ въ волосы цвѣтокъ; часто также ставятъ цвѣты передъ домашнею божницею.

Въ городахъ есть еще одинъ женскій промыселъ, это странствующія музыкантши и пѣвицы. Китайцы этихъ женщинъ называютъ фынь ю-нь юженъ (искусная женщина, художница); не смотря на почетное названіе, женщины эти уваженіемъ не пользуются. про нихъ идетъ дурная слава. Мнѣ только разъ пришлось встрѣтить такихъ арфистокъ. Ихъ было пять большихъ и одна маленькая дѣвочка; послѣдняя, пользуясь привилегіей ребенка, была очень развязна: забралась къ намъ въ комнату, ласкалась, какъ котенокъ, ко мнѣ, и особенно къ моему мужу. Не натуральная, дѣланная наивность была непріятна въ ней, но въ то же время дѣвочка возбуждала въ насъ жалость къ себѣ, и мы были съ нею ласковы. Мнѣ казалось, что она была немного тронута нашею лаской, и въ ея напускной по приказу ласковости проявлялось немного и истиннаго чувства. Она принесла къ намъ гитару и сѣла съ нею какую-то бравурную пѣсенку, причемъ сѣла въ очень кокетливую позу, очевидно, подражая манерамъ большихъ пѣвицъ. Арфистки пѣли на дворѣ, мы отказались пригласить ихъ въ свою комнату, и только послѣ предложили имъ какое-то угощеніе въ одной изъ пустыхъ комнатъ гостиницы. Ихъ музыкальные инструменты—что-то въ родѣ скрипки и гитары, на нихъ они аккомпанируютъ себѣ, когда поютъ. Китайское пѣніе намъ не нравилось, хотя изрѣдка встрѣчаются недурные мотивы. Одѣты пѣвицы нарядно. Говорятъ, ихъ обыкновенно содержать какой-нибудь антрепренеръ, и выручку онѣ должны отдавать ему; часто антрепренеромъ бываетъ мужъ; въ Китаѣ можно имѣть много женъ (у одного изъ чиновниковъ города Лунь-онь-фу ихъ было девять, какъ мнѣ го-

ворили). Иногда такіе антрепренеры покупаютъ маленькихъ дѣвочекъ у бѣдняковъ, и съ лѣтства начинаютъ обучать ихъ музыкѣ, пѣнію, и вообще дрессировать для своихъ цѣлей. Въ южныхъ провинціяхъ, говорятъ, для той же цѣли покупаютъ и мальчиковъ.

Жилище китайское до крайности неуютно; намъ трудно себѣ и представить, какъ женщина можетъ жить въ такихъ, доступныхъ для всѣхъ комнатахъ, гдѣ нѣтъ ни одного уголка закрытаго, нѣтъ ни перегородокъ, ни занавѣсокъ.

Домъ, сложенный изъ сырцоваго кирпича, всегда дѣлится на отдѣльныя помѣщенія, состоящія изъ двухъ комнатъ; входъ въ каждое помѣщеніе со двора, первое служитъ кухней, имѣетъ очагъ или плиту. Иногда жилище состоитъ изъ одной комнаты, рѣже изъ трехъ. Двери, соединяющія комнаты между собой, очень часто безъ затворокъ и безъ портьеръ. Въ каждой комнатѣ половина занята глинянымъ или деревяннымъ возвышеніемъ, которое называется каномъ, подтапливается снизу и покрывается циновкой, каимой или тюфякомъ. Жизнь женщины, по преимуществу, проходитъ на этомъ канѣ; тутъ она умывается, причесывается, одѣвается, работаетъ, обѣдаетъ и спитъ. На ночь разстилаютъ для спанья ватныя одѣяла, которыя на день складываются въ порядкѣ на томъ же канѣ. Подушки у китайцевъ до крайности неудобны; это четырехъ-угольные валики, до жесткости набитые пескомъ, опилками или шелухой какого-нибудь зерна. Тутъ же на канѣ мать устраиваетъ постель для своего ребенка; часто для этого употребляютъ какое-нибудь старое платье; ни отдѣльныхъ тюфяковъ для дѣтей, ни люлекъ я никогда не видала. На томъ же канѣ спитъ и мужъ, а если семья велика, то и остальные члены семьи. Говорятъ, что въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, ради сбереженія мѣста, китайцы спятъ такъ: женщины ложатся головами къ стѣнѣ, а мужчины къ краямъ кана. При такихъ условіяхъ жен-

щины спать не раздѣваясь; эту привиллегіей пользуются только мужчины. Впрочемъ, наши понятія о стыдливости въ Китаѣ не примѣнимы; женщина часто, не стѣсняясь, обнажаетъ грудь при мужчинахъ, или даже совѣмъ снимаетъ кофту во время умыванья или причесыванья.

Дома богатыхъ людей устроены точно такъ же, лишь съ тою разницей, что такихъ отдѣльныхъ фанзъ или помѣщеній у богатыхъ больше; въ городахъ, въ особенности, въ торговыхъ кварталахъ, эти фанзы расположены обыкновенно квадратомъ вокругъ двора, причемъ домъ, выходящій на улицу, имѣетъ въ себѣ лавки, или жилье прислуги и кухню, а домъ въ глубинѣ двора—парадные комнаты; два боковыхъ зданія представляютъ или домашнія комнаты, или чуланы. Часто такіе отдѣльные дома отдаются подъ квартиры. Если мѣсто не позволяетъ имѣть отдѣльный для этого дворъ, то сараи и конюшни занимаютъ одинъ изъ боковыхъ домовъ; они часто ничѣмъ не отличаются отъ человѣческаго жилья и, по требованію обстоятельствъ, конюшня превращается въ квартиру, а квартира въ конюшню.

У болѣе богатыхъ людей дома помѣщаются вдали отъ торговыхъ улицъ и располагаются обыкновенно въ такомъ порядкѣ: на улицу выходитъ или глухая стѣна съ воротами, или домъ, занятый службами и прислугой, затѣмъ бываетъ второй дворъ, иногда третій; въ самомъ дальнемъ отъ улицы помѣщаются домашнія комнаты, гдѣ живетъ семья. Принимать въ домашнихъ комнатахъ при женѣ и дочеряхъ допускается китайскими приличіями только людей близкихъ, родственниковъ; мало знакомые на внутренній дворъ не проникаютъ. Такимъ образомъ, китайской барынѣ сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ мало доступно, или доступно только черезъ мужа, и, главнымъ образомъ, черезъ слугъ, а у чиновныхъ барынь еще посредствомъ тѣхъ мелкихъ чиновниковъ, состоящихъ на службѣ у мужа, которые цѣлый день торчатъ въ домѣ своего патрона и со-

ставляютъ что-то среднее между слугами и чиновниками. Между тѣмъ, женщины средняго класса, занимая одно общее съ мужемъ помѣщеніе, поневолѣ принимаютъ большее участіе въ его жизни. Занятіе хозяйствомъ заставляетъ показываться также и на улицѣ, посѣщать лавки, рынокъ. Въ домахъ знатныхъ людей всѣ покупки дѣлаются мужскою прислугой или приказчицею изъ магазиновъ приносятъ свои товары на домъ, чтобы барыни могли сами сдѣлать выборъ.

Существуетъ мнѣніе, что китайцы совсѣмъ лишены религіознаго чувства; въ такомъ случаѣ, какъ объяснить, — говоритъ французскій путешественникъ Аббатъ Давидъ, — это обиліе кумиренъ и даже монастырей, существующихъ исключительно на частныя средства, а также то, что кумирни эти построены обыкновенно на мѣстахъ, наиболѣе живописныхъ, возбуждающихъ поэтическое чувство? Религіозны-ли китайскія женщины, — я сказать не могу. Женскихъ монастырей въ Китаѣ я не видала и не слышала объ ихъ существованіи въ настоящее время, хотя въ древности, говорятъ, ихъ было много. Кумирни женщины посѣщаютъ, повидимому, не часто; кажется, для этого назначаются въ календаряхъ особые дни; но разъ, въ Тяньдзинѣ, мнѣ случилось видѣть молодую женщину или дѣвушку въ кумирнѣ Кванъ-Инь-Пусы, молящуюся съ самымъ горячимъ чувствомъ.

Кванъ-Инь-Пуса — женское божество — считается вообще представительницей милосердія, и въ особенности подалъницей дѣтей; ей молятся также во время бѣдствій на водахъ. Жизнь Кванъ-Инь-Пусы представляетъ цѣлый романъ, и сцены изъ этого романа чуть-ли не самый любимый сюжетъ у китайскихъ живописцевъ. Въ день нашего отъѣзда изъ Тяньдзина, въ храмѣ Кванъ-Инь-Пусы былъ праздникъ, и въ него стекались женщины со всей окрестности; по рѣкѣ то и дѣло плыли лодки, наполненные исключительно нарядно одѣтыми женщинами; исклю-

ченіе составляли мужчины-музыканты, бывшіе на многих лодкахъ.

Посѣщеніе кумирень въ Китаѣ почти всегда соединено съ увеселеніями; вокругъ храмовъ часто разводятся сады и устраиваются гостинницы, часто тѣми же монахами, которые служатъ при храмахъ. Вблизи большихъ городовъ загородныя кумирни представляютъ дачныя мѣста, куда жители выѣзжаютъ пожить среди зелени, отдохнуть отъ городской тѣсноты. При кумирняхъ обыкновенно устраиваются и театры; въ городахъ большіе, съ ложами, съ обширнымъ партеромъ, на которомъ устраиваются отдѣльные мѣста со столами и стульями, какъ въ гостинницахъ; въ деревняхъ же и небольшихъ мѣстечкахъ театръ устроенъ проще, и только, какъ необходимое дополненіе къ кумирнѣ, выстраивается помѣщеніе для сцены, какъ разъ напротивъ зданія, со статуями боговъ, какъ будто представленіе дается передъ ихъ взорами. Въ Пекинѣ и другихъ большихъ городахъ есть постоянныя труппы актеровъ; въ другихъ мѣстахъ театральныя представленія назначаются раза два, три въ годъ, и во время ихъ по преимуществу разыгрываются пьесы изъ жизни мѣстно-чтимаго божества, а также пьесы изъ жизни народныхъ героев и героинь. Говорять, на каждое значительное историческое событіе въ краѣ можно найти драматическое представленіе; сколько я могла судить по рассказамъ, это драмы нравственно-поучительнаго содержанія. Нашъ переводчикъ, Санданджимба, былъ большой любитель театра, и говорилъ, что зрѣлище это возвышаетъ душу. Представленія въ театрѣ обыкновенно продолжаются нѣсколько дней и даются съ утра до ночи, и, вѣроятно, чтобы не утомить зрителей трогательными сценами, они чередуются съ грубыми бытовыми фарсами, иногда съ участіемъ клоуновъ, обыкновенно вызывающими дружный хохотъ публики. Актеры набираются иногда изъ мѣстныхъ любителей или, чаще, деревенское общество складывается и приглашаетъ

странствующую труппу актеровъ. Въ деревенскихъ театрахъ для публики особыхъ помѣщеній нѣтъ, ей предоставляется размѣщаться какъ угодно, на дворѣ кумирни или на улицѣ, если ограды около кумирни нѣтъ; мужчины толпятся или сидятъ на принесенныхъ изъ дому скамейкахъ у авансены, а сзади нихъ женщины смотрятъ съ телѣгъ, на которыхъ пріѣхали. Театръ въ Китаѣ—народное увеселеніе по преимуществу.

Во время праздниковъ, женщины посѣщаютъ своихъ родственниковъ; особенно обязательны эти визиты въ новый годъ. Обыкновенно, молодыя женщины послѣ первыхъ дней новаго года, проведенныхъ съ мужемъ, уходятъ погостить на нѣсколько дней въ родительскій домъ. Женщины посѣщаютъ родныхъ также въ томъ случаѣ, если въ домѣ покойникъ, и участвуютъ въ похоронахъ. Въ такихъ случаяхъ являются въ домъ родственниковъ умершаго непременно съ подарками; въ деревняхъ это по большей части какіе-нибудь припасы для угощенія гостей; иногда присоединяютъ къ этому и деньги. Женщины въ знакъ траура надѣваютъ на себя бѣлый халатъ, бѣлый платокъ на голову и даже бѣлые башмаки, если покойникъ близкая родня; если дальняя, то халатъ остается цвѣтной. На кладбище женщины ѣдутъ обыкновенно на телѣгѣ, и во время поѣздки считаютъ долгомъ помочь вдовѣ или дочерямъ оплакивать умершаго; плачутъ громко, съ причитаніями нарастѣвъ, но показывать плачевный видъ вовсе не обязательно, и вслѣдъ за причитаньемъ съ той же телѣги до васъ доносится веселый смѣхъ и болтовня. По возвращеніи съ кладбища, у воротъ дома, гдѣ былъ покойникъ, всѣ проходятъ между двухъ костровъ, снимаютъ бѣлые халаты, умываются, и затѣмъ уже входятъ въ домъ. На время похоронной процессіи нанимаютъ музыку; часто нанимаютъ музыкантовъ и въ то время, когда еще покойникъ стоитъ въ домѣ, или чаще, у небогатыхъ, во дворѣ, потому что изъ жилыхъ комнатъ гробъ выносятъ

и ставятъ въ палаткѣ; музыка въ это время играетъ, по-видимому, обыкновенныя пьесы, ничего печальнаго въ ней не слышно, по крайней мѣрѣ, для европейскаго слуха. Ближайшія родственницы, а также и сыновья умершихъ выходятъ оплакивать своихъ покойниковъ на улицу утромъ и вечеромъ, на зарѣ, и это продолжается что-то долго, недѣли двѣ, кажется.

Свадебнаго пира въ Китаѣ мнѣ не удалось видѣть. Разъ только въ Пекинѣ случилось встрѣтить на улицѣ процессію съ музыкой, въ сопровожденіи множества нарядно одѣтыхъ мужчинъ и женщинъ; говорили, что это несутъ приданое невѣсты въ домъ жениха. Всѣ вещи несутъ на виду, а такъ какъ китайцы очень любятъ все дѣлать на показъ, то образовался обычай носить въ этой процессіи не дѣйствительное приданое, а вещи, взятые на прокатъ изъ лавокъ. Въ большихъ городахъ есть особыя лавки, дающія вещи на прокатъ—пронести въ процессіи, надѣть на одинъ разъ; попользоваться временно по уговору на какой-нибудь срокъ можно и платьемъ, и домашнею мебелью, и посудой, и т. д.

Бываютъ-ли въ Китаѣ праздники, соотвѣтствующіе нашимъ крестинамъ, я не могу сказать, но день рожденія празднуется. У китайцевъ есть обычай, на нашъ взглядъ странный,—это давать числительныя имена вмѣсто собственныхъ. Можно встрѣтить человѣка съ именемъ Семьдесятъ два, Тридцать пять, Чиу-ля, Саним-у и т. п.; даются они иногда въ честь годовъ дѣдушки, бабушки или въ память какого-нибудь событія. Иногда просятъ назначить имя ребенку человѣка посторонняго; разъ съ подобною просьбой обратились къ моему мужу, когда мы стояли въ палаткахъ, недалеко отъ китайской деревни. Крестинка принесли къ намъ; вмѣстѣ съ нимъ принесли курицу и блюдо забродившаго ячменя, изъ чего китайцы готовятъ напитокъ, замѣняющій нашъ квасъ. По совѣту нашего переводчика, мужъ мой напечаталъ въ словарѣ подхо-

дящее, по его мнѣнію, слово Лилянъ, сильный, и даль его мальчику—къ большому, повидимому, удовольствію дѣдушки, приносившаго ребенка. Я слыхала также о другихъ подобныхъ случаяхъ.

Дѣтей китайцы очень любятъ, каждый мечтаетъ о продолженіи своего рода. Католическіе миссіонеры жалуется, что китайцы-католики, получающіе образованіе въ ихъ семинаріяхъ, рѣдко дѣлаются священниками, именно вслѣдствіе требованія монашескаго обѣта отъ католическихъ священниковъ. Если у китайца нѣтъ своихъ дѣтей, онъ усыновляетъ кого-нибудь, иногда покупая для этой цѣли ребенка у бѣдняковъ.

Обыкновенно, китайки имѣютъ по многу дѣтей. По крайней мѣрѣ, въ деревняхъ насъ обыкновенно поражала масса ребятишекъ. Говорятъ, что китайки часто умираютъ отъ послѣродовыхъ болѣзней. Молока у матери обыкновенно много, если только мать не голодаетъ, но въ большихъ городахъ у бѣдняковъ часто, говорятъ, его вовсе не бываетъ; ребенка въ такихъ случаяхъ выкармливаютъ мучною болтушкой.

Рядомъ съ большою любовью къ дѣтямъ, въ Китаѣ существуетъ обычай дѣтоубійства; объясняется это, конечно, трудностью добывать пропитаніе, и особенно сильно развивается этотъ обычай въ мѣстахъ густо населенныхъ. Говорятъ, что это дѣлается обыкновенно повивальною бабкой; она при рожденіи ребенка, котораго родители не желаютъ оставить въ живыхъ, льетъ на него холодную воду до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не задохнется. Убиваютъ обыкновенно дѣвочекъ. Около города Куку-Хото (или Гуйхуа-чена, по китайски) по ночамъ часто слышенъ вой волковъ. Миссіонеръ Кейла говорилъ, что волки приходятъ къ городу подбирать выброшенные трупы дѣтей. Во многихъ городахъ Китая есть пріюты для брошенныхъ дѣтей. Многіе родители прямо отдають въ эти пріюты дѣтей. Въ настоящее время христіанскія миссіи также основы-

ваютъ пріюты, но въ нихъ почти никогда не бываетъ мальчиковъ. Миссіонеры раздають дѣтей на прокормленіе по деревнямъ, а когда подростутъ, берутъ ихъ въ пріютъ, гдѣ за ними ухаживаютъ китайки-христіанки. Содержатся эти пріюты просто: дѣвочекъ пріучаютъ къ работамъ въ огородахъ и на пашняхъ и къ самымъ обыкновеннымъ рукодѣльямъ; въ нѣкоторыхъ пріютахъ учатъ китайской грамотѣ настолько, чтобы дѣти могли читать молитвенникъ въ церкви; иногда ихъ выучиваютъ пѣть въ церкви латинскія молитвы. Когда дѣвочки подростутъ, ихъ выдаютъ замужъ, и окрестные крестьяне, говорятъ, охотно женятся на пріюткахъ, считая ихъ болѣе порядочными, чѣмъ обыкновенныя крестьянскія дѣвушки, а можетъ быть потому, что миссія даетъ своимъ воспитанницамъ небольшое приданое, тогда какъ, женись на дѣвушкѣ изъ родительскаго дома, женихъ еще самъ долженъ сдѣлать подарокъ родителямъ невѣсты.

Миссіонеры хорошо отзываются о нравственности китайскихъ женщинъ; говорятъ, что нарушеніе вѣрности замужними женщинами большая рѣдкость, между тѣмъ какъ мужчины отличаются большою распущенностью нравовъ. Семейная жизнь китайской женщины часто бываетъ очень тяжела и потому самоубійства между китайками очень часты. Самостоятельная жизнь для китайской женщины не мыслима и потому жены часто отравляются послѣ смерти своихъ мужей. Въ послѣднемъ случаѣ, отравленія часто, можетъ быть, совершаются не только вслѣдствіе причинъ экономическихъ, но также и потому, что китайское общество принимаетъ самоубійство вдовы съ уваженіемъ, по крайнѣй мѣрѣ, а гдѣ-то въ европейской литературѣ о Китаѣ встрѣтила такое сообщеніе.

Вѣроятно также, что причину частыхъ самоубійствъ въ Китаѣ нужно приписать привычкѣ къ куренью опиума. По словамъ миссіонеровъ, страсть эта распространяется въ Китаѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Теперь

часто курятъ и женщины, и даже дѣти, дѣвочки, и начинаютъ курить все раньше и раньше. Домъ, въ которомъ мать курильщица, мнѣ кажется, можно узнать сразу; вообще въ Китаѣ грязно, дѣти оборваны, но тамъ, гдѣ мать курить, все это еще въ десять разъ хуже. Курильщики, по крайней мѣрѣ, треть дня не принадлежать себѣ; они или томятся желаніемъ курить, дѣлаются при этомъ вялыми, многіе начинаютъ страдать разными болями, у кого болитъ голова, у кого желудокъ, — и каждый такой человѣкъ старается бросить всѣ дѣла, улечься на канъ и устроить приборъ для куренія; накурившись, человѣкъ остается съ часъ времени или болѣе въ состояніи дремоты, а нѣкоторые при этомъ крѣпко и тяжело засыпаютъ; и уже послѣ этого у нихъ наступаетъ періодъ оживленія. У иныхъ этотъ періодъ мало замѣтенъ или бываетъ непродолжителенъ, у другихъ онъ, напротивъ, напоминаетъ опьяненіе; человѣкъ дѣлается болтливъ, весель склоненъ къ гнѣву. Самое страшное въ этой привычкѣ, кажется то, что курильщику необходимо постоянно увеличивать свою порцію и курить все чаще и чаще.

Курильщику трудно бываетъ самому поддерживать свою трубку, поправлять огонь въ лампѣ, подкладывать опиуму, равномерно подогрѣвать его, — вотъ почему курильщики мужья часто требуютъ отъ своихъ женъ раскуриванья трубки и, такимъ образомъ, втягиваютъ и ихъ въ привычку курить, а матери для той же цѣли привлекаютъ къ этому своихъ дѣтей. Отъ куренія опиума развивается нервность: дѣти у матерей курильщицъ рождаются большею частью болѣзненные, плаксивыя, раздражительныя, а для успокоенія ребенка ему опять даютъ опиума внутрь. Куреніе опиума распространено больше въ тѣхъ округахъ, гдѣ сѣютъ макъ и готовятъ опій дома; тамъ онъ, конечно, дешевле. Свѣжій опій не такъ вреденъ; особенно разрушительно дѣйствуетъ на здоровье опіумъ; по-

лучаемый изъ остатковъ въ трубкахъ; а такой въ большинствѣ случаевъ курить городской бѣднякъ.

Разъ, въ одномъ изъ китайскихъ городковъ, расположенныхъ въ Монголіи, мы зашли осмотрѣть мельницу. Въ обширномъ сараѣ, въ одномъ углу былъ устроенъ жерновъ, вокругъ котораго ходилъ осель съ завязанными глазами и стоялъ хозяинъ; въ другомъ углу съ потолка было подвѣшено сито и подъ нимъ стоялъ ларь, въ который падала просѣваемая мука. Китаецъ сидѣлъ передъ ларемъ и раскачивалъ сито руками. Осмотрѣвши это хозяйственное заведеніе, мы вошли въ другую, смежную дверь, также отворенную съ улицы; здѣсь намъ пришлось увидать семейство мельника. На нарахъ, въ этой совершенно пустой, закопѣлой и безъ признаковъ какого-нибудь хозяйства или имущества комнатѣ, лежала женщина съ новорожденнымъ ребенкомъ. Мать, казалось, спала; ея лицо и лицо ребенка было зеленоватаго землистаго цвѣта, а у послѣдняго, сверхъ того, оно было какое-то сморщенное, точно печеное яблоко. Лохмотья, въ которыя были одѣты и мать, и ребенокъ, тоже были подъ стать: какого-то неопредѣленнаго отъ грязи цвѣта; только и выдавались изъ всего этого маленькіе, нѣкогда пунцовые башмаки на изуродованныхъ ногахъ женщины, повидимому, никогда не снимавшіеся. Это была курильщица опиума. Бѣдность этого семейства происходила, вѣроятно, вслѣдствіе этой несчастной страсти хозяйки; въ Монголіи опиумъ часто продается на вѣсъ серебра, т.-е. золотникъ опиума продаютъ на золотникъ серебра, «и центъ, и центъ» «и ланъ, и ланъ», какъ говорятъ китайцы, одинъ центъ, одинъ центъ.

Не всѣ китайскія мельничихи и мельницы похожи на только что описанную; въ моемъ дневникѣ находится описаніе другой мельницы, въ деревнѣ Сантаху, на южной окраинѣ Гоби. Мельничиха была вдова, и хозяина тутъ не было; взрослый сынъ, повидимому, игралъ совершенно второстепенную роль въ хозяйствѣ, зато Шидзя-танъ

(мать) была живая, энергичная старуха. Разъ, когда мы проходили по деревнѣ, она вышла къ намъ на встрѣчу и усерднѣйшимъ образомъ приглашала насъ къ себѣ, а когда мы отказывались, она, шутя, но, тѣмъ не менѣе, очень настойчиво, взяла за плечи самаго упорнаго члена нашего общества и потащила въ ворота; пришлось уступить. Дворъ былъ большой; крѣпкія массивныя телѣги, колеса которыхъ были въ ростъ человѣка, стояли у амбаровъ; въ одномъ углу двора толстая лошадь съ завязанными глазами вертѣла жерновъ. Домъ былъ безъ роскоши, деревенскій въ одну комнату, но свѣтлый и просторный, задняя часть комнаты, у очага, была отгорожена глиняною перегородкой и представляла сусѣкъ, насыпанный зерномъ. Кромѣ обычныхъ хозяйственныхъ вещей въ комнатѣ стояли сновальникъ и станокъ для тканья, по устройству очень похожіе на тѣ, какіе употребляютъ крестьяне въ средней Россіи; на стану ткалась шерстяная матерія для мучныхъ мѣшковъ. Дочери мельничихи сидѣли на кантѣ за вышиваньемъ, а сынъ хозяйки, окруженный другими молодыми людьми деревни, зашедшими сюда посмотреть на насъ, досталъ съ полки календарь и съ самодовольною улыбкой показалъ намъ, что онъ умѣетъ читать. Грамотныхъ нашлось и еще нѣсколько человѣкъ. Шидзя все время весело болтавшая съ собравшеюся публикой, предложила намъ горячей похлебки, которая состояла изъ клочковъ тонко раскатаннаго тѣста, сваренныхъ въ кипятокѣ и приправленныхъ лукомъ и уксусомъ, — кушанье очень употребительное у китайскаго простонародья, — затѣмъ чаю съ свѣжими булками, печеными на пару (мантху, по китайски). Необыкновенная живость хозяйки, такъ и носившейся изъ одного угла комнаты въ другой, не смотря на ея забинтованныя ноги, сообщалась и остальному обществу, — всѣ присутствовавшіе на перерывъ сообщали намъ китайскія названія предметовъ, находившихся подъ руками, и весело смѣялись нашимъ ошибкамъ въ произношеніи. Провожая

насъ домой, Шидзя сейчас же замѣтила, что мужа моего интересуютъ растенія и стала называть всѣ встрѣчавшіеся деревья и кустарники, жюйшо (вязь), вытхуонъ (тополь) громко выкрикивала она.

На другой день, подъ предводительствомъ мельничихи, въ нашъ лагерь явилось нѣсколько деревенскихъ женщинъ отплатить визитъ и посмотрѣть наши вещи.

Мужчины также не чуждались насъ, но они приходили большею частью, желая что-нибудь купить у насъ, или продать намъ.

Вообще, крестьяне китайскіе были очень добродушны съ нами и производили пріятное впечатленіе. Зато городская толпа приводила въ отчаяніе своимъ любопытствомъ и нахальствомъ.

Теперь расскажу вамъ о знакомствѣ моемъ съ китайскими барынями.

Весной 1885 г., мы дней десять жили въ Сининѣ; между прочимъ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ снималъ тамъ фотографію съ Сининскаго амбона, т.-е. съ начальника всего сининскаго округа и съ трехъ его товарищей по управленію городомъ. Женѣ одного изъ этихъ генераловъ также хотѣлось имѣть съ себя фотографію, и, чтобы успѣшнѣе достигъ этой цѣли, она задумала познакомиться со мной. Сначала она прислала къ намъ въ гостинницу свою дочку, дѣвочку лѣтъ семи. Собственный экипажъ, человѣка два лучиновыхъ слугъ или полицейскихъ, какъ мы привыкли называть ихъ, и очень приличная няня, сопровождавшіе дѣвочку, показывали, что она принадлежала къ высшему классу общества. Дѣвочка, не смотря на свои годы, держалась очень сдержанно, не выказывала ни особеннаго любопытства, ни нетерпѣнія увидать что-нибудь изъ европейскихъ вещицъ, что очень свойственно китайцамъ; не показывала она также и дикости или застѣнчивости. Чистенькая, нарядно одѣтая, съ бахромой волосъ, спущенныхъ на лобъ, она очень напомнила мнѣ

европейскихъ дѣвочекъ. Няня передала мнѣ приглашеніе отъ барыни и просила назначить время; когда за мной можно будетъ прислать экипажъ. На другой день, часу въ третьемъ, я, въ сопровожденіи Санданджимбы (нашего стараго переводчика монгола) и двухъ полицейскихъ, сопровождавшихъ китайскую повозку, поѣхала къ барынѣ на обѣдъ. Миновавъ шумныя торговыя улицы, мы выѣхали къ южнымъ воротамъ города, гдѣ на улицу выходила кумирня. Во дворѣ этой кумирни помѣщался ямынь; такъ называли намъ наши монголы всякое китайское присутственное мѣсто или учрежденіе. Оставивъ экипажъ на переднемъ дворѣ, мы вошли во второй, гдѣ въ глубинѣ двора, на открытой верандѣ, стоялъ большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ: вокругъ нѣсколько кресель, а на столѣ лежала мраморная плитка съ натертой тушью и стоялъ стаканъ съ кистями. Мнѣ сказали, что тутъ происходятъ судебныя засѣданія. На этотъ разъ на верандѣ не было никого, кромѣ мелкихъ чиновниковъ, очевидно, вышедшихъ изъ комнатъ посмотреть на меня. Тутъ же въ углу стоялъ пунцовый зонть, который носятъ въ Китаѣ впереди генерала, когда онъ показывается на улицѣ; прошедши еще одинъ дворъ, мы пришли, наконецъ, на тотъ, гдѣ находились жилия комнаты Футая ¹⁾. Домъ этотъ былъ устроенъ также, какъ и всѣ китайскіе дома: прямо противъ входа во дворъ стоялъ главный домъ, на право и налѣво отъ него на этотъ разъ были глухія стѣны съ калитками и уже за ними выглядывали другія зданія, но, повидимому, это не были службы или кухни. Передъ главнымъ домомъ была обычная веранда, отъ которой дверь вела въ приѣмную, освѣщенную лишь этими входными дверями изъ приѣмной, направо и налѣво вели двери въ слѣдующія комнаты. Приѣмная эта устраивается вездѣ почти одинаково; стѣны противъ входной двери заняты обыкновенно статуями боговъ или у небогатыхъ людей

¹⁾ Футай, титулъ гражданскаго губернатора.

О КИТАЙСКОЙ ЖИВЦИНЪ

картиной, изображающею что-нибудь священное, едва ли не чаще всего тутъ вѣшаютъ картину, изображающую семейную группу—старца дѣда, его сына цвѣтущаго мужчину, и двоихъ дѣтей; картина эта стереотипно повторяется всегда во всѣхъ подробностяхъ одинаково и называется: долголѣтіе или что-то въ этомъ родѣ. Иногда изображеніе замѣняется свиткомъ бумаги или матеріи, на которомъ написаны священные іероглифы. Въ приемной Футая были статуи довольно крупныхъ размѣровъ, сдѣланныя изъ папье-маше, и раскрашенныя какъ всегда въ Китаѣ; передъ ними поставлены были высокіе канделябры со свѣчками и вода съ цвѣтами персиковаго дерева. Осенью вмѣстѣ съ цвѣтами ставятъ блюдо съ плодами, а въ купеческихъ домахъ тутъ же обыкновенно стоятъ вѣсы для серебра, у бѣдняковъ лежатъ счеты;—это тоже своего рода божество китайскаго народа.

Въ приемной стоятъ обыкновенно столъ и нѣсколько кресель.

Въ дверяхъ приемной встрѣтила меня Тай-Тай; это титулъ, съ которымъ обращаются въ Китаѣ къ барынямъ. Мы прошли съ ней въ комнату на право. Тай-Тай была женщина лѣтъ 30, не особенно красивая, но довольно пріятной наружности; конечно, бѣлила и карминъ на губахъ дѣлали ее нѣсколько похожею на рисунокъ; въ обращеніи барыни было много привѣтливости и даже радушія. Мы сѣли у стола въ креслахъ и сюда намъ подали чай и къ нему пирожное и фрукты; пирожное очень напомнило мнѣ европейскія печенья. Фрукты въ Китаѣ подаютъ обыкновенно очищенные отъ кожи и нарѣзанные ломтиками. Барыня брала эти лакомства палочками, которыя замѣняютъ въ Китаѣ наши вилки, и накладывала мнѣ на отдѣльное блюдо. Прислуживала намъ няня и еще другая женщина. Барыня много спрашивала меня, но до меня черезъ Санданджимбу доходила едва десятая часть вопросовъ. Онъ всегда плохо приспособлялся къ роли пере-

водчика и предпочиталъ на вопросы отвѣчать самъ, не доводя до свѣдѣнія разговаривающихъ сторонъ вопросы и отвѣты. Къ тому же онъ плохо понималъ мой очень бѣдный монгольскій языкъ. Изъ того, что говорилось, до меня, между прочимъ, дошло, что раньше Тай-Тай жила въ Илійскомъ краѣ, гдѣ ея мужъ служилъ, — что она мелькомъ видала русскихъ ранѣе. Узнала я также, что долго въ Сининѣ жить она не будетъ, что домъ, въ которомъ она меня принимаетъ, не ихъ собственный, а казенная квартира, причемъ барыня пожаловалась на дурную обстановку. Дѣйствительно, при ближайшемъ осмотрѣ, комната оказалась давно не ремонтированной, потолокъ закоптѣлъ, рѣшетки въ окнахъ почернѣли отъ старости и утратили лакъ. Нѣсколько наряднѣе смотрѣлъ уголокъ хозяйки; обитый краснымъ сукномъ кантъ, замѣняющій китайцамъ диванъ и постель, былъ задрапированъ слегка матеріей и убранъ подушками, а по стѣнамъ надъ нимъ были развѣшаны картины.

Дочка тай-тай, все съ такимъ же серьезнымъ личкомъ и дома, какъ была у насъ, сидѣла въ той же комнатѣ у окна и, какъ оказалось, вышивала шелками башмаки для своей куклы. Здѣсь я въ первый разъ видѣла у китайской дѣвочки куклы: онѣ были сшиты изъ тряпокъ и не особенно изящны; по моей просьбѣ дѣвочка показала мнѣ и прочія свои игрушки; ихъ было немного и между ними то, что мы называемъ китайскій *casse-tête* — угольники изъ слоновой кости и книжка съ фигурами. Всѣ игрушки, конечно, были такія, которыми можно играть, сидя; ноги у дѣвочки были уже зашнурованы.

Послѣ чаю барыня предложила показать мнѣ садъ. Ямынь, въ которомъ они жили, находился на краю города, и потому, вѣроятно, постройки въ немъ были не тѣсны. Кромѣ фанзъ или домовъ, занятыхъ футаемъ, были тутъ и другіе дома, цѣлый лабиринтъ изъ нихъ, какъ мнѣ показалось, гдѣ жили другіе чиновники; все это раздѣлялось

садиками и двориками хотя небольшихъ размѣровъ, но разгороженныхъ стѣнами, иногда съ калитками въ нихъ, иногда съ открытыми арками, и мы сдѣлали большой кругъ во владѣнiяхъ ямына, нигдѣ не встрѣчая затрудненiя. Садъ у футаей былъ очень не дурень, съ дорожками, съ цвѣтниками, съ большими деревьями. въ томъ числѣ и съ фруктовными — съ яблонными, грушевыми и персиковыми, послѣднiя были въ цвѣту, а остальное все еще едва распускало листья. Были также въ этомъ саду искусственныя горки и красивые виды на Сининъ и его окрестности; были также бесѣдки и галереи, и совсѣмъ закрытыя, и полуоткрытыя; въ одной изъ бесѣдокъ, по словамъ барыни, Футаей лѣтомъ занимался дѣлами; одна галерея была увѣшана рисунками, сдѣланными отъ руки можетъ быть, работы самаго футаей; по крайней мѣрѣ, я слышала, что у чиновныхъ китайцевъ это въ обычаѣ.

Указывая эти рисунки, барыня спросила меня, могу-ли я нарисовать также? Въ саду была и теплица, но цвѣтовъ въ ней не было; барыня объяснила мнѣ, что цвѣтоводствомъ занимался предшественникъ ея мужа, старый футаей. Въ саду было также лѣтнее помѣщенiе, выстроенное и меблированное нынѣшнимъ футаемъ на свой счетъ и по своему вкусу. Впрочемъ, личному вкусу у китайцевъ предоставляется очень мало, обычай царить надъ всею китайскою жизнью; на мой взглядъ, и эта гостиная носила такой же казенный характеръ, какъ и ямынская, она была лишь новѣе и чище. Здѣсь мы посидѣли немного, и я сказала бы—поболтали, потому что, дѣйствительно, мы обѣ говорили много и очень желали понимать другъ друга, но намъ это не очень удавалось. Повидимому, и китайской барыни такъ же, какъ мнѣ о китайскихъ, хотѣлось знать о нашихъ нравахъ и обычаяхъ; но переводчикъ мой такъ тяготился своими обязанностями (по китайскому этикету онъ не могъ сидѣть въ присутствii тай-тай, а стоять для его семидесяти-лѣтнихъ ногъ было уже трудно),

что мы рѣшили отпустить его и должны были обходиться собственными средствами, т.-е. тѣмъ десяткомъ-двумя китайскихъ словъ, какія я знала, и пантомимами. Особенною живостью, обиліемъ и дѣльностью разспросовъ, а также и способностью понимать, или лучше сказать, угадывать отвѣты, отличалась няня, все время сопровождавшая насъ. Подъ конецъ барыня утомилась ходить по саду, а воспользоваться тачкой, предназначенною для ея услугъ въ этомъ случаѣ, которую мы видѣли на дорожкахъ сада, не захотѣла, и ушла домой, а мы доканчивали осмотръ сада съ дѣвочкой и няней. Няня повела меня въ Сы-танъ, находящійся тутъ же въ саду.

Сы-танъ значитъ храмъ въ память умершаго героя. Это была обыкновенная китайская кумирня, въ которую вели широкія, въ родѣ крытой галереи, ворота. Въ кумирнѣ были грубо сдѣланы статуи героя, его жены и дѣтей; няня объяснила мнѣ знаками, что герой этотъ зарѣзался во время послѣдней войны съ дунганями. Стѣны кумирни были покрыты рисунками, изображающими взятіе Синина, приступъ, штурмъ, разрушеніе стѣнъ, взятіе города, битвы въ улицахъ, — все было изображено художникомъ. Судя по оживленію, съ которымъ няня объясняла мнѣ эти картины, онѣ, должно быть, были правдивы; въ художественномъ отношеніи онѣ тоже были не дурны въ своемъ родѣ: рисунокъ былъ бойкій и вѣрный, особенно удачны были фигуры людей и животныхъ, но зато перспективы, какъ и всегда, не существовало. На стѣнахъ галереи, ведущей въ кумирню, были изображены иностранцы, — по видимому, посольство, приносящее подарки; лица были не китайскія, костюмы тоже. Няня называла эти фигуры: сѣверные варвары и южные варвары; въ рукахъ одного изъ варваровъ были нарисованы европейскіе столовые часы. Все это имѣло довольно отдаленное сходство съ дѣйствительностью, но, быть можетъ, изображало и дѣйствительное событіе изъ жизни покойнаго генерала.

Напротивъ галереи была эстрада для театральныѣхъ представлений. Впослѣдствіи я узнала, что, дѣйствительно, во время осады города, когда все было потеряно императорскими войсками, губернаторъ города лишилъ себя жизни, чтобы не пережить позора. Китайцы считаютъ такихъ людей героями.

Возвращаясь изъ сада, мы зашли еще въ одинъ изъ домовъ ямына, это, какъ оказалось, была квартира одной барыни, которую я съ ея дочерью уже видѣла ранѣе въ гостиную у тай-тай. Здѣсь обстановка была бѣднѣе, но радушія и пріятности было также много. Дѣвушка показывала мнѣ свои работы и разные баульчики и корзинки; все это было самодѣльное, изъ дешевыхъ матеріаловъ и показывало только искусство и терпѣніе той, которая ихъ дѣлала. Работа этой дѣвушки удивила меня: она вышивала бѣлымъ шелкомъ по пунцовому ситцу точь въ точь такъ же, какъ это дѣлаемъ мы, когда увѣряемъ, что шьемъ русскимъ швомъ. Даже узоры казались мнѣ въ томъ же родѣ, только она не употребляла при этомъ канвы. Такъ какъ она вышивала панталоны для дочери футая, то я подумала, что узоръ этотъ и манера шитья могли быть переняты отъ русскихъ въ Илійскомъ краѣ, но оказалось, что я ошибалась; впослѣдствіи, когда мы были въ провинціи Сычуань, я встрѣтила этотъ quasi-русскій шовъ очень распространеннымъ среди населенія самыхъ глухихъ городовъ и деревень; имъ были украшены рубахи дѣтей, панталоны деревенскихъ дѣвушекъ, носовые платки уличныхъ извозчиковъ и т. д.

Черезъ нѣсколько минутъ мы съ хозяйкой этой квартиры пошли въ гостиную тай-тай, гдѣ насъ ожидалъ обѣдъ. Къ обѣду явилась еще гостья, очень толстая старая барыня, и, такимъ образомъ, мы обѣдали въ пятеромъ, считая дѣвочку. Столъ былъ выдвинутъ на середину комнаты, кресла придвинуты, но въ этомъ и заключались всѣ приготовления къ обѣду; скатерти китайцы не употребляютъ,

а салфетки, если онѣ бываютъ, находятся въ рукахъ слугъ и подаются въ концѣ обѣда послѣ того, какъ слуга окунетъ ихъ въ тазикъ съ горячею водою. На этотъ разъ салфетокъ не было, не было также и мужской прислуги, обѣдъ былъ, повидимому, запросто, и двѣ бесѣдовавшія съ нами барыни, какъ мнѣ показалось, были обычными гостями за столомъ тай-тай. Всѣмъ намъ положены были палочки изъ слоновой кости, но мнѣ, кромѣ того, серебряная ложка русская, въ уваженіе моего неумѣнія ѣсть по китайски. Затѣмъ, на столъ было поставлено нѣсколько большихъ, полоскательныхъ по нашему, чашекъ съ различными горячими соусами, а намъ поставлены чашки меньшей величины съ варенымъ рисомъ; на столѣ было также поставлено нѣсколько блюдецъ съ зеленью и солеными приправами. Матеріаль обѣда былъ самый обыкновенный; роскошью въ немъ можно было считать развѣ различныя сорта зелени, еще не появлявшейся въ эту пору за столомъ у бѣдняковъ. Кушанья мнѣ нравились, но когда, по окончаніи этихъ, все-таки довольно изысканныхъ, блюдъ мнѣ предложили выпить супу, состоящаго изъ одного не очень густо свареннаго проса, къ тому же не соленнаго, я не осталась довольна. Десертъ и фрукты я бы предпочла въ этомъ случаѣ.

Послѣ обѣда, когда мы встали изъ за стола, въ комнату собралась женская прислуга,— не только та, которую я уже видѣла и которая была одѣта прилично, но также и не видѣнная еще мной, въ засаленномъ и ободранномъ оцѣяннѣ. Она, нисколько не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, разговаривая между собой, заняла наши мѣста и принялась доканчивать то, что осталось отъ нашего обѣда. Окончанія я не дождалась: мулъ и повозочка были уже готовы, и я уѣхала.

Во время этого визита, барыня высказала мнѣ желаніе снять съ себя фотографію. Обѣщать ей это я не могла, не переговоривши предварительно съ нашимъ сотовари-

щемъ, который умѣлъ фотографировать, и старалась дать ей понять, что онъ не такой господинъ, котораго можно заставить сдѣлать портретъ за деньги, и что въ настоящее время онъ очень занятъ. Оказалось, однако, нашъ спутникъ былъ настолько любезенъ, что согласился сдѣлать фотографію барыни, съ тѣмъ условіемъ, однако, что портретъ не будетъ отпечатанъ въ Сининѣ, а будетъ ей высланъ впоследствии.

На другой день, забравши фотографическій аппаратъ, въ сопровожденіи монгола, который обыкновенно прислуживалъ при фотографированіи, я снова отправилась въ домъ футаю. На этотъ разъ я везла имъ уже отпечатанный портретъ самаго хозяина дома; конечно, это былъ предметъ, интересный для всей семьи; но онъ не долго оставался въ дамскихъ владѣніяхъ, его сейчасъ же унесли въ комнаты генерала. На этотъ разъ въ гостиной у барыни появлялся какой-то молодой, очень приличный китаецъ, въ очкахъ по близорукости; онъ принесъ намъ цѣлую пачку шанхайскихъ фотографій; это были, повидимому, карточки китайскихъ дамъ полусвѣта, всѣ онѣ были раскрашены. Молодой человекъ и барыня старались растолковать мнѣ, что они желали бы имѣть именно такой раскрашенный портретъ; въ душѣ я рѣшилась исполнить это желаніе барыни, но обѣщать не рѣшилась, отговариваясь тѣмъ, что не я дѣлаю портреты, и указывая на то, что въ дорогѣ у насъ нѣтъ для этаго необходимыхъ приспособленій.

Снимать портретъ рѣшили въ саду, и я воспользовалась для этого театральною эстрадой въ Сы-танъ. Барыня надѣла парадный туалетъ; ея кофта изъ превосходнаго чернаго отласа была украшена на груди вышитымъ золотымъ дракономъ, на шею надѣты крупныя четки изъ крупныхъ бусъ краснаго дерева, а въ шиньонѣ былъ воткнутъ цвѣтокъ европейской работы. Четки и шитье свидѣтельствовали о высокомъ рангѣ ея мужа.

Усадить ее передь камерой мнѣ стоило не малыхъ хлопотъ, потому что переводчикъ мой, монголь плохо понимаетъ меня, а также и потому, что я была мало опытна въ этомъ дѣлѣ. Барыня хотѣлось снять и дѣвочку, но послѣдняя боялась сниматься.

Узнавши, что отпечатокъ не можетъ быть сдѣланъ въ Сининѣ, барыня была очень опечалена, и объяснила мнѣ, что, вѣроятно, присланный нами портретъ уже не найдетъ ее въ Сининѣ, что скоро они должны оставить этотъ городъ.

Тутъ я узнала еще одну интересную черту китайской жизни. Оказывается, что въ Китаѣ всѣ болѣе или менѣе значительные чиновники смѣняются черезъ каждые три года; такимъ образомъ, они осуждены вести почти кочующую жизнь и обзаводиться лишь такимъ имуществомъ, которое легко укладывается въ сундуки. Часто случается также, что чиновникъ, потерявшій мѣсто въ одномъ городѣ, не находитъ подходящаго въ другомъ и долженъ проживать сдѣланныя сбереженія. Какъ это устроено, бываютъ-ли исключенія, чѣмъ мотивируется и какіе результаты приносить эта мѣра—я сказать не могу.

Въ заключеніе могу прибавить, что фотографія тайтай вышла удачна, и что черезъ мѣсяцъ портретъ былъ сдѣланъ и одинъ изъ нихъ былъ мной даже раскрашенъ, запечатанъ и отданъ начальнику города Минджеу для отсылки по адресу. Но впоследствии мы узнали, что барыня не получила этой посылки, и уже осенью 1886 г. нашъ фотографъ сдѣлалъ для барыни вторые отпечатки съ² сохранившагося негатива. Въ эту же зиму Футай долженъ былъ оставить Сининъ и больше я не видѣлась съ этой барыней.

Въ другой разъ я была приглашена на обѣдъ къ начальнику маленькаго захолустнаго городка Тзѣджеу, въ провинціи Гань-су. Начальникъ города былъ такъ любезенъ, что первый сдѣлалъ визитъ въ нашу гостиницу

Пока мужъ мой его принималъ, въ мою комнату принесли его маленькую внучку, дѣвочку лѣтъ пяти. Угостивши ее и чиновника, принесшаго ее, лакомствами; какія у меня были, я подарила дѣвочкѣ еще нитку недорогихъ коралловъ, купленныхъ нарочно на случай подарковъ въ Неаполь. Вслѣдъ за визитомъ градоначальника, отъ него получено было приглашеніе на обѣдъ, но мой мужъ чувствовалъ себя въ этотъ день нездоровымъ и отказался, тогда стали настаивать, чтобы, по крайней мѣрѣ, я приняла приглашеніе. Я тоже отказывалась, мнѣ было страшно скомпрометировать себя какимъ-нибудь незнаніемъ китайскихъ обычаевъ, не хотѣлось также появиться среди китайцевъ ненарядно одѣтою, а со мной было только дорожное платье; однако, приглашеніе было такъ настойчиво, что было бы невѣжливо долѣе отказываться, и я согласилась. За мной были присланы носилки, такъ какъ на югѣ Китая дамамъ не принято показываться на улицахъ иначе, какъ въ паланкинѣ. На этотъ разъ, впрочемъ, я не нашла этотъ способъ передвиженія удобнымъ, носильщики оказались немѣлыми и несли сильно раскачивая паланкинъ и часто смѣняясь; послѣ я узнала, что это были просто солдаты мѣстной команды, а не носильщики по профессіи; притомъ, мнѣ казалось, что носильщики эти все время болтали обо мнѣ, пользуясь тѣмъ, что я ни слова не понимаю по китайски. Миновавъ нѣсколько торговыхъ улицъ, съ густою толпой вокругъ лавокъ, мы перешли небольшую рѣчку и вступили въ тихія улицы правительственнаго города; здѣсь скоро носилки остановились у калитки одного изъ домовъ. Солдаты, опустивъ носилки, приглашали меня выйти, но я знаками и черезъ монгола переводчика, который все время шагалъ сбоку, потребовала, чтобы они внесли меня во внутрь двора, такъ какъ подозрѣвала, что барыни выходить изъ носилокъ на улицѣ было бы не совсѣмъ прилично. Повидимому, оно такъ и было; мое требованіе было исполнено и я вышла изъ паланкина передъ верандой того

дома, куда была приглашена. Это также былъ ямынь, но здѣсь меня пронесли не въ главные ворота. Расположеніе комнатъ было тутъ то же, что и въ Сининѣ: та же приемная со статуями противъ входныхъ дверей и тѣ же домашнія комнаты направо и налево, но здѣсь все было меньше и бѣднѣе и старѣе, чѣмъ у сининскаго футаа. Встрѣтили меня двѣ барыни, одна жена начальника города, хозяйка дома, молодая еще барыня, другая дочь его, ея падчерица, выданная за подчиненнаго чиновника, живущая, повидимому, въ томъ же ямынѣ. Сначала визитъ имѣлъ оффиціальныи характеръ, т.-е. мы съ барыней сидѣли за столомъ въ приемной и угощались чаемъ и фруктами, а при насъ присутствовали какой-то китайскій чинъ въ оффиціальной шапкѣ съ шарикомъ и мой переводчикъ; но потомъ мужчины ушли, а къ намъ присоединились остальные женскіе члены семьи: дочь, внучка, уже знакомая мнѣ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, дочь хозяйки дома; послѣдняя была уже набѣлена, и имѣла непріятный видъ жеманной дѣвочки, считающей себя большою. Вскорѣ посмотрѣть на меня явилась и вся дворня, тутъ были и старыя старухи въ ломотьяхъ, и полуголыя дѣти. Вообще, китайцы очень заботятся о внѣшности, но дома, за стѣнами, тамъ, гдѣ не видно, это самый неряшливый и грязный народъ. Скоро мы перешли въ гостиную и спальную хозяйки; такое соединеніе комнатъ было достигнуто тѣмъ, что комната имѣла два канджина—одинъ у окна, другой у противоположной стѣны; послѣдній былъ отдѣленъ приподнятою драпировкой. Драпировка, ковры, столы, все, что принадлежало къ кватирѣ, было старо и загрязнено. Платье на хозяйкахъ дома было новое, хотя и небогатое, изъ бумажныхъ европейскихъ матерій, а не шелковое. Мужъ этой барыни служилъ нѣкогда въ южныхъ провинціяхъ, куда уже проникаетъ нѣсколько европейская торговля, а вмѣстѣ съ ней и нѣкоторое, хотя слабое, знакомство съ европейскими порядками жизни. Хозяйка дома родомъ была изъ Си-ань-фу,

очень большого, известнаго въ китайской исторіи города, бывшаго нѣкогда столицей, и теперь еще довольно значительнаго центра; сообщивъ мнѣ объ этомъ, она не забыла упомянуть о славной нѣкогда исторіи ея роднаго города. Такое замѣчаніе нѣсколько удивило меня въ устахъ китайской женщины. Ея манеры, казалось мнѣ, носили также тотъ почти неуловимый отпечатокъ какой-то особой любезности или вѣжливости, какой накладываетъ на людей жизнь въ большихъ городахъ; рядомъ съ ней ея падчерица смотрѣла застѣнчивою и грубоватою провинціалкой.

Узнавши, что я умѣю читать и даже писать, барыни очень заинтересовались; обѣ онѣ не были грамотны; онѣ заставляли меня написать то или другое китайское слово или фразу, и потомъ прочесть ее; для нихъ эта возможность воспроизводить звуки чужого языка казалась чуть не чудомъ ¹⁾; этимъ процессомъ писанія заинтересовался также и чиновникъ, находившійся при насъ; едва ли это не былъ мужъ младшей изъ дамъ. Онъ служилъ ранѣе въ Илійскомъ краѣ и зналъ нѣсколько русскихъ, и наши обычаи; принявши участіе въ нашихъ бесѣдахъ, онъ нѣсколько оживилъ ихъ, такъ какъ могъ пояснять наши взаимные вопросы и отвѣты. Человѣку, совсѣмъ незнакомому съ тою разницей, какая существуетъ между двумя цивилизаціями, китайской и европейской, иногда трудно и догадаться, о чемъ спрашиваютъ васъ. Вопросы были въ родѣ того: какъ ѣздятъ дамы въ Россіи? Правда-ли, что у насъ всѣ имѣютъ четырехколесные экипажи (въ Китаѣ, говорятъ, это привиллегія императора). Правда-ли, что у нашего Государя есть рота тѣлохранителей, составленная изъ дѣвицъ? Занимаютъ-ли у насъ дамы высшія государственныя должности? и т. д. Не знаю, насколько

¹⁾ Чтобы понять это удивленіе, надо помнить, что китайское письмо очень затруднительно, потому что китайцы не имѣютъ фонетической азбуки, и потому должны запомнить—какъ пишется каждое отдѣльное слово, имѣющее свой особый іероглифъ, а не только знаки азбуки, какъ въ европейскихъ языкахъ.

поняты были мои отвѣты, передаваемые черезъ монгола, не вполне меня понимавшаго. Можетъ быть, и мои разсказы подадутъ поводъ ко многимъ фантастическимъ представленіямъ о Россіи, не смотря на мое искреннее желаніе сообщить самыя вѣрныя свѣдѣнія.

Обѣдъ былъ поданъ въ пріемной; мужчинъ за нимъ не было. Сервировка обычная: вездѣ однѣ и тѣ же полоскательныя чашки съ главными блюдами, и блюда и блюдечки съ приправами. Мясо подавалось трехъ сортовъ: свинина, курица и утка, все мелко изрѣзанное и совершенно терявшееся въ массѣ зелени и овощей. Ъсть приходилось палочками, ложки здѣсь не подали. Рѣдкостей, въ родѣ трепанговъ, сепій, жабръ акулы и тому подобныхъ вещей, къ моему великому удовольствію, не было; вѣроятно, въ такомъ глухомъ мѣстечкѣ, какъ Тзѣджеу, они составляютъ предметы слишкомъ большой роскоши. Послѣ обѣда, слуга, перемывшій въ этой же комнатѣ посуду, принесъ тазъ съ горячею водою, смочилъ въ ней салфетки (европейскія), и отжавши ихъ своими руками, подаль намъ вытереть ими руки; отъ этого я была не прочь, но отереть и лицо, какъ это дѣлаютъ китайцы, не рѣшилась.

Послѣ обѣда не надолго въ гостиную приходилъ хозяинъ дома, толстый чиновникъ, но разговоръ съ нимъ не оставилъ во мнѣ никакого впечатлѣнія. Скоро поданы были носилки, и я отъправилась. Тай-тай, прощаясь со мной, непременно хотѣла, чтобы я взяла отъ нея нѣсколько гранатъ; мнѣ было нѣсколько странно такое желаніе, такъ какъ фруктовъ въ городѣ было множество у разнозчиковъ, и казалось, что предлагая ихъ, она придавала этому какое-то значеніе, и была нѣсколько сконфужена; послѣ нѣсколькихъ отказовъ я рѣшилась взять ихъ. Когда я воротилась домой въ сопровожденіи чиновника, послѣдній объявилъ мнѣ, что тай-тай велѣла передать мнѣ, что я должна и ея дочкѣ подарить коралловъ, какъ подарила ранѣе внучкѣ. Мнѣ казалось невѣроятнымъ такое безцеремонное напра-

шиванье на подарокъ, и, признаюсь, я подумала, чиновничекъ этотъ выпросилъ кораллы въ свою пользу, прикрываясь именемъ тай-тай, но потомъ я вспомнила, что Скачковъ, въ своей статьѣ о китайской кухнѣ, указываетъ на обычай отдариванья за обѣдъ. Онъ говоритъ даже, что такой отдарокъ можетъ быть сдѣланъ деньгами, и что обычаемъ этимъ мелкое чиновничество нерѣдко злоупотребляетъ, приглашая на свои обѣды лицъ, обязанныхъ благодарить за эту честь свое начальство. Коралловъ я послала; не знаю только, вознаградили ли они достаточно за убытки моего обѣда. Солдатамъ-носильщикамъ также должна была щедро заплатить за ихъ услуги.

Думаю, что рассказами объ этихъ встречахъ съ китаянками я достаточно познакомилась съ тою чисто-внѣшнею стороною китайской домашней жизни, которая одна только и доступна была для меня въ моемъ положеніи путешественницы, безъ ближайшихъ знакомствъ и безъ знанія языка.

А. Потанина.

ОБО ВСЕМЪ.

(Критическія замѣтки).

Разные вкусы бываютъ у людей! Въ Кіевѣ явилась какая-то неизвѣстная писательница, г-жа Елизавета Сентимерь, которая, по словамъ «Кіевлянина», въ предисловіи къ своимъ сочиненіямъ, вышедшимъ тамъ же на-дняхъ, говоритъ, что: «такъ какъ Островскій, Тургеневъ, Толстой и проч. причитались,—то она желаетъ пополнить этотъ пробѣлъ и приступаетъ къ печатанью перваго тома своихъ произведеній, по достоинству не уступающихъ сочиненіямъ названныхъ писателей».

А въ Петербургѣ, фельетонистъ «Новостей», г. Скабичевскій, удостовѣряетъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ этой газеты, что, по его мнѣнію, народныя изданія Никольскаго рынка гораздо лучше нѣкоторыхъ изданій извѣстнаго склада «Посредникъ». Между этими изданіями особенно возмущаетъ оригинальнаго критика рассказъ Толстого, «Свѣчка», (напечатанный въ книжкахъ «Недѣли») и комедія «Винокуръ»: въ первомъ чудодѣйственно горитъ свѣчка, прикрѣпленная у мужика къ сохѣ, а во второй являются дѣйствующими лицами черти. Бѣдная «Недѣля»! Ожидала-ли она, печатая «Свѣчку» гениальнаго нашего писателя, что найдутся критики, которые поставятъ ее за это ниже издателей московскаго толкучаго рынка! Вотъ ужь подлинно надѣлил Аллахъ г. Скаби-

чевскаго критическимъ талантомъ! Нѣкогда онъ объявилъ, что наша знаменитая писательница, тогда еще неизвѣстная, г-жа Хвошинская (Крестовскій псевдонимъ) не обладаетъ никакимъ талантомъ, онъ же ниспровергъ совѣмъ Пушкина, и онъ же нынѣ, разбирая драму Рѣшетникова, напечатанную у насъ, нашель, что она до того плоха, до того плоха, что мы не только не услугу сдѣлали литературѣ, напечатавъ ее, но даже совершили этимъ чуть ни преступленіе! Доказательствъ этого гениальнаго критическаго мнѣнія не приводится никакихъ, если не считать доказательствомъ воспоминаній этого удивительнаго критика о томъ, какъ онъ гдѣ-то, когда-то, сидѣлъ въ кабинетѣ какого-то редактора, который говорилъ, что Рѣшетниковъ очень необразованъ, а въ это время вошелъ Рѣшетниковъ и сказалъ, что у него была библиотека въ 100 томовъ, да всю ее раскрали!

Вотъ это такъ критика! Интересно, чтобы кто-нибудь, хотя бы Брандесъ или г. Боборыкинъ, — сосѣдъ г. Скабичевскаго по газетѣ, — занялись подведеніемъ ее подъ какую-нибудь категорію существующихъ критическихъ типовъ! Еще вурьезнѣе въ этой критикѣ, что г. Скабичевскій, вѣроятно, въ числѣ художественныхъ недостатковъ драмы усмотрѣлъ и то, что она напечатана въ нашей Май-Іюньской книжкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если это не относится къ недостаткамъ драмы, то, спрашивается, какимъ образомъ и для чего въ статью о драмѣ попало слѣдующее вступленіе:

«Въ Май-Іюньской книжкѣ «Русскаго Богатства» (зловѣщій симптомъ въ существованіи журнала, когда редакція начинаетъ выпускать по два нумера заразъ) обращаетъ на себя, конечно, вниманіе драма Ѳ. М. Рѣшетникова, «Въ омутѣ»... и т. д.

Право, оригинальный критикъ! Если бы и дѣйствительно выпускъ двойной книжки былъ «зловѣщимъ симптомомъ», какъ изволить выразаться этотъ господинъ, а

не быть бы обычнымъ, съ самаго начала нашего изданія заведеннымъ, порядкомъ, о которомъ объявляется въ каждой книжкѣ журнала въ теченіи многихъ лѣтъ, однимъ словомъ, если бы замѣчаніе г. Скабичевскаго было справедливо, — сдерживается, какъе оно имѣетъ отношеніе къ критикѣ драмы, т.-е. къ самой драмѣ Рѣшетникова, къ ея достоинствамъ или недостаткамъ? Во что, однимъ словомъ, превращается критика, благодаря такимъ ея столпамъ, какъ этотъ господинъ? Впрочемъ, все это достойно развѣ только смѣха.

Не дурно ведетъ себя тотъ же критикъ вообще относительно мнѣній тѣхъ писателей, которые ему почему-либо не по вкусу пришлись. Такъ, въ томъ же фельетонѣ, г. Скабичевскій увѣряетъ своихъ читателей, что мы драму Рѣшетникова поставили выше «Ревизора» Гоголя, и, пользуясь этою собственною своею выдумкою на насъ, позволяетъ себѣ заподозрить наше мнѣніе въ стремленіи кунца похвалить свой товаръ. Да вотъ буквальные слова г. Скабичевскаго:

«Но верхъ курьеза представляетъ самъ г. Оболенскій, который, напечатавши этотъ первый полудѣтскій лепетъ будущаго таланта, такъ увлекся имъ и расчеркнулся, что поставилъ драму Рѣшетникова выше «Ревизора» Гоголя... Что «Ревизоръ», помилуйте: «Мы, — говоритъ г. Оболенскій (стр. 253), — едва-ли не должны отдать преимущество драмѣ Рѣшетникова даже передъ великою комедіею Гоголя, и вотъ, почему: читая, или смотря на сценѣ «Ревизора», мы все-таки видимъ самого великаго автора, съ его гениальнымъ юморомъ, осмѣивающаго типы и нравы нашего прошлаго. Отъ этого самая жизнь можетъ иногда казаться намъ утрированной ради цѣлей искусства и юмора, а въ силу этого она теряетъ для насъ характеръ точнаго историческаго документа, возводя эту жизнь «въ перлъ созданія», какъ выражался Бѣлин-

скій. У Рѣшетникова, наоборотъ, самъ онъ, повидимому, какъ бы совершенно не видѣнъ въ драмѣ. За него, кажется, говоритъ сама жизнь, — до такой степени все просто и безыскусственно въ этомъ необыкновенномъ по своему реализму талантѣ. Отъ этого сила историческаго впечатлѣнія, ужасающая будничная правда жизни дѣйствуетъ сильнѣе, глубже, безповоротнѣе».

«Г. Оболенскій является здѣсь вполнѣ кудцомъ, которому хочется, во что бы то ни стало, выхватить старый, залежавшійся и выкуда негодный товаръ. Но только онъ черезчуръ ужъ перехватилъ черезъ край...»

Ну, а если г. Скабичевскій, вы все это извратили, и я говорилъ совсѣмъ другое, а вы достигли вашей цѣли (навязать мнѣ необычаеое у меня мнѣіе) только путемъ пропуска нѣсколькихъ строкъ. Какъ тогда назвать вашу поступокъ? А вы это, дѣйствительно, сдѣлали: вы пропустили у меня: 1) все то мѣсто, гдѣ я говорю, въ какомъ смыслѣ мы должны отдать преимущество драмѣ Рѣшетникова, т.-е. въ моей фразѣ. «Въ этомъ отношеніи мы едва-ли не должны отдать преимущество драмѣ Рѣшетникова, вы пропустили фразу «въ этомъ отношеніи», и прямо начинаете со словъ, «мы должны отдать преимущество». Если бы вы не пропустили этихъ моихъ словъ, вамъ пришлось бы сказать, въ какомъ отношеніи я отдаю преимущество драмѣ Рѣшетникова, т.-е. выписать строки 3, 4, 5, 6, страницы 253, гдѣ говорится, что эта драма «будетъ нова, какъ реальнѣйшій историческій документъ... предостерегающій тѣхъ, которые забыли это пережитое прошлое и, порой, благодаря этой забывчивости, готовы пожалѣть о немъ». Вотъ послѣ этихъ словъ и сказано мною: «И въ этомъ отношеніи, мы едва-ли не должны отдать преимущество»... и т. д. И объяснено почему: «въ «Ревизорѣ» мы все время видимъ самаго великаго автора, съ его геніальнымъ юморомъ, осмѣи-

вающаго типы и нравы нашего прошлаго. Отъ этого самая жизнь можетъ иногда казаться намъ утрированной, ради цѣлей искусства и юмора, а въ силу этого она теряетъ для насъ характеръ точнаго историческаго документа».

И такъ, я только отдавалъ преимущество драмѣ, какъ болѣе точному историческому документу, а гдѣ же я говорилъ, что она выше «Ревизора»?

Развѣ сказать, что записки какого-нибудь лица—болѣе точный историческій документъ, чѣмъ романъ Толстого или драма Шекспира, значить сказать, что эти записки выше? Какъ же вы позволили себѣ, г. Скабичевскій, приписать мнѣ то, чего я не говорилъ, и на основаніи вашей собственной лжи инсинуировать на меня публикѣ? А въ моей замѣткѣ было даже прямо противное тому, что вы мнѣ приписали: въ строкахъ 23-й, 24-й и 25-й (той же 253 стр.) я прямо говорю: «Конечно, этимъ мы вовсе не думаемъ ставить эту драму на одну доску съ «Ревизоромъ», а Рѣшетникова съ Гоголемъ»?

Но это еще не все. Въ томъ же фельетонѣ, г. Скабичевскій отличился еще лучше. Сдѣлавъ опять-таки не полную выписку изъ моей статьи «Обо всемъ», гдѣ я привелъ рассказъ нѣкоего господина, пытавшагося подражать мужику, г. Скабичевскій говорить, объ авторѣ этого повѣствованія:

«Авторъ совершенно правъ, ставя этотъ вопросъ на общественно - государственную почву: только путемъ дружныхъ, общихъ усилій, каковы правильная организація воспитанія въ интеллигентныхъ классахъ, облегченіе сельскихъ трудовъ путемъ изобрѣтенія машинъ и т. п., можно достигнуть рѣшенія вышеозначенной дилеммы. И совершенно напрасно редакція «Русскаго Богатства», въ образѣ какого-то (?) г. Соверцателя, оспариваетъ авторъ, говоря, что даже прогулку или любительскій

спектакль трудно устроить обществомъ, гдѣ же, моль, ожидать, чтобы такое великое дѣло, какъ введеніе физическаго труда въ общественное воспитаніе, могло рѣшиться на общественной почвѣ... «Нечего ожидать того времени, когда все общество сознаетъ ужасъ и опасность физическаго вырожденія интеллигентныхъ классовъ. Необходимо всемъ и каждому въ отдѣльности, кто успѣлъ это сознать, воспитывать и въ себя, — а если самъ окончательно уже не годенъ, то въ своихъ дѣтяхъ, — необходимую пригодность къ здоровому труду и борьбѣ за существованіе».

«Я рѣшительно не понимаю, откуда у насъ явилось такое слѣпое отвращеніе отъ какихъ бы то ни было взаимопомощи и общихъ дружныхъ усилій. Все спасеніе полагается въ индивидуальномъ развитіи каждаго смертнаго въ одиночку. Въ гр. Л. Толстомъ я понимаю подобное стремленіе къ изолированному самосовершенствованію: это отрывка феодализма, привыкшаго замыкаться въ замкахъ и ограждать себя отъ ближнихъ высокими каменными стѣнами (?!), въ гордомъ величіи, не нуждающемся ни въ чьемъ участіи, ни въ чьей помощи и полагающемся на свои собственные необъятныя силы. Ну, а у г. Созерцателя откуда сіе? Изъ обезьянства гр. Толстому?»

И тутъ все неправда! Я самъ на стр. 233 началъ мою замѣтку такъ: «Повѣствованіе почтеннаго автора окончено и вопросъ поставленъ на должную почву». Отчего же вы пропустили это мѣсто? Стало быть, я считаю должною почвой для этого вопроса ту же общественно-государственную почву, какъ и вы, но только вы не понимаете, что между должнымъ и легко осуществимымъ есть разница, а всякій другой это знаетъ, знаетъ, что такое русскія пресловутыя комиссіи и т. п., и вотъ, я, зная это, говорю

далее: «Однако, мы боимся, что такая постановка (вопроса) способна заглушить его. Мало-ли было таких же важных вопросов, которые заглохли только потому, что люди надѣялись ихъ разрѣшить цѣлымъ обществомъ!»
и т. д.

И такъ, гдѣ же тутъ «слѣное отвращеніе отъ какой бы то ни было взаимопомощи и общихъ дружныхъ усилий?» Гдѣ же я «все спасеніе полагаю въ индивидуальномъ развитіи каждаго смертнаго въ одиночку?»

Зачѣмъ всѣ эти пропуски словъ, результатомъ которыхъ является подтасовка чужаго мнѣнія,—я не знаю. Если г. Скабичевскій поступаетъ такъ потому, что не умѣетъ понимать прочитаннаго, это не дѣлаетъ чести его учителямъ. Не дѣлаетъ чести его учителямъ и то, что онъ русскаго графа Толстого заперъ въ феодальный замокъ съ каменными стѣнами—въ Россіи ихъ не было. Во всякомъ случаѣ, прибавленіе къ моему псевдониму «Созерцателя» выраженія «какой-то» не свидѣтельствуетъ о его скромности, соответственной вышечисаннымъ гениальнымъ критическимъ приѣмамъ. Я болѣе скромнень и не стану называть его «какимъ-то», ибо надѣюсь, что читатель теперь вполне видитъ, «какой» онъ.

Для моихъ же читателей скажу и повторю вновь: не думайте, на основаніи словъ этого господина, что я отрицаю общественную постановку вопросовъ, и читайте, и понимайте буквально то, что я написалъ, т.-е., что я эту постановку считаю должною, даже болѣе: единственно должною. Но если я буду говорить вамъ только это, вопросъ отъ этого одного на общественную почву еще не поставится, ибо я—не министръ, который бы могъ внести его въ государственный совѣтъ, а безсильный писатель, скромно бесѣдующій съ вами, мои читатели; вы тоже не можете ничего сдѣлать въ смыслѣ общественно-государственномъ, но можете много сдѣлать въ вашей личной жизни и вовсе не въ одиночку, а вмѣстѣ съ дру-

гими, если найдете такихъ. Я этого никоимъ образомъ не считаю нежелательнымъ, однако, повторю еще разъ: «если хочешь, чтобы важное дѣло не застаивалось, начинай, не ожидая другихъ; другіе потомъ пристанутъ, и даже охотнѣе, если будутъ видѣть дѣло, а не одни слова. Артель дѣло великое, но ждать и ничего не дѣлать, пока не соберется артель, это обыкновенная уловка лѣнтяевъ и болтуновъ, отлынивающихъ отъ дѣла подъ всякими предлогами. Не идите вслѣдъ за ними, читатель. Это вредныя и лицемерныя фразеры, которые не только никуда не двигаются сами, но и другимъ мѣшаютъ.

Вотъ, напримѣръ, г. Скабичевскій такъ краснорѣчиво поеть о «дружныхъ усиліяхъ», а нашлось нѣсколько чловѣкъ порядочныхъ, образованныхъ, честныхъ юношей и скромно попробовали въ Россіи еще дѣло небывалое, сложили свои средства, отдали свое время и силы на то, чтобы дать народу книжки нѣсколько получшее, чѣмъ народъ имѣлъ отъ Манухиныхъ и Леухиныхъ. Эти добрые люди собрали вокругъ себя лучшихъ русскихъ писателей; въ ихъ изданіяхъ напечатаны произведенія: Толстого, Потѣхина, Гаршина, Лѣскова, Эртеля, Засодимскаго и много другихъ. И что же? Помянули ихъ добрымъ словомъ господа, подобные г. Скабичевскому? Мы уже сказали, что г. Скабичевскій въ послѣднемъ фельетонѣ вопить о томъ, что ихъ изданія хуже изданій Никольскаго рынка! Какъ объяснить такое явленіе русской жизни? Ну, не доволенъ ты какою-нибудь сказкой, ошибкой, отдѣльною книжкой, пиши, укажи: вѣдь, люди собрались, дѣйствительно, безкорыстные, желающіе служить обществу и народу. Наконецъ, если недоволенъ ихъ книжками, создай самъ кружокъ, взывай къ «дружнымъ усиліямъ», и издавай самъ лучшее. Куда тебѣ! Сами ничего не дѣлаютъ, а едва кто-нибудь начнетъ порядочное, доброе, честное дѣло, поднимутся вопли и скрежетъ зубовой, и дѣло опостылѣетъ, и доведутъ до того, что похоронятъ его, и опять останутся издатели

Никольскаго рынка съ ихъ пресловутымъ «Гуакомъ», «Ерусланомъ» или еще того хуже.

И удивительнѣе всего, и всего характернѣе для русской жизни, это—именно неумѣнье ничего дѣлать самимъ, вѣчно надѣяться на кого-то, кто придетъ все за насъ сдѣлать, а въ то же время, едва кто-нибудь началъ дѣлать,—цѣлый градъ всякихъ инсинуаций, клеветъ, лжи, искаженій.

Иллюстрированныя газеты справили 25-лѣтній юбилей г. Буренина, украсивъ свои страницы его портретомъ, библиографіей его произведеній и краткими біографическими замѣтками. Я не могу не внести въ эту общую сокровищницу и моего личнаго воспоминанія о немъ. Воспоминаніе это, впрочемъ, чисто литературное и имѣетъ, пожалуй, нѣкоторый общій интересъ. Въ 1878 г. былъ изданъ сборникъ моихъ стихотвореній. Я тогда жилъ въ провинціи. По выходѣ книжки, я, конечно, живя въ глуши, страстно и робко ожидалъ мнѣнія критиковъ. И вотъ появился фельетонъ г. Буренина въ «Новомъ Времени» Онъ вначалѣ назвалъ меня «первымъ между равными», но чѣмъ дальше, тѣмъ больше желчи сказывалось въ его разборѣ, а въ концѣ-концовъ, онъ продѣлалъ слѣдующую вещь: было у меня стихотвореніе «Весенній Ледь», въ которомъ рассказываются думы, которыя вызвала во мнѣ плывущая льдина съ оставшимися на ней слѣдами зимней разорванной тропинки.

У меня стихотвореніе заканчивалось такъ:

Гдѣ растаютъ слѣды
И любви, и бѣды,
Что надъ нею въ тиши совершались.

Вдругъ, читаю у г. Буренина слѣдующую фразу: «А вотъ посмотрите, до чего поэтъ дописался: у него подъ льдинами совершается любовь».

И, дѣйствительно, дальше выписалъ такъ:

«Гдѣ растаютъ слѣды
И любви бѣды,
Что подъ нею въ тиши совершались.»

Я въ ужасѣ бросился смотрѣть свою книгу, думая, что въ этомъ словѣ вкралась опечатка, но каково же было мое изумленіе, когда въ книжкѣ своей я нашель все, какъ слѣдуетъ.

Это было мое первое знакомство съ русскою фельетонною критикою. Сегодня я васъ познакомилъ съ подобнымъ же, если не болѣе еще удивительнымъ образцомъ фельетонной критики г. Скабичевского. А, вѣдь, ихъ читають десятки тысячъ. По нимъ складываются мнѣнія публики о книгахъ и авторахъ, благодаря имъ, книга можетъ имѣть успѣхъ или неуспѣхъ, они розлають имена, славу, или покрываютъ насмѣшками и позоромъ.

Къ сожалѣнію, все это не всегда смѣшно, а иногда даже и жутко жить на свѣтѣ, чувствуя себя въ когтяхъ такой силы. Впрочемъ, г. Буренину я давно простилъ его грѣхъ противъ меня, и часто съ большимъ удовольствіемъ читаю самъ его ѣдкіе, остроумные, полные тонкаго, художественнаго чутья, критическіе фельетоны. Къ сожалѣнію, онъ далеко не всегда слѣдуетъ только за этимъ чутьемъ, иногда его статьи бываютъ плодомъ очевиднаго личнаго или партійнаго раздраженія и предубѣжденія, и тогда въ нихъ нѣтъ или очень мало таланта и остроумія, зато очень много желчи, слюны и весьма некрасивой брани. Если бы не это, иную бы роль игралъ онъ въ нашей литературѣ.

Созерцатель.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общество болѣе всего интересовалось тою оживленною дѣятельностью, какая сказалась лѣтомъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Предпринять цѣлый рядъ мѣръ, основная идея которыхъ слѣдующимъ образомъ выяснена самимъ министерствомъ въ одномъ изъ циркуляровъ:

«Устраненіи изъ среды учащагося юношества элементовъ, умственно принижующихъ и нравственно растлѣвающихъ эту среду».

И въ другомъ мѣстѣ:

«Поприще высшаго государственнаго и общественнаго служенія, къ коему гимназія составляетъ первую стадію пути, не можетъ быть удѣломъ всѣхъ и каждаго; теченіе классическаго образованія медленно и затруднительно; ученикъ гимназіи, лишенный постояннаго обращенія въ просвѣщенной средѣ и поставленный въ необходимость всякія недоразумѣнія преодолевать своими личными усиліями, имѣетъ весьма малые шансы успѣшно конкурировать съ своими товарищами, поставленными въ этомъ отношеніи благопріятно; классическое образованіе, не доведенное до конца и не увѣнчанное не менѣе сложнымъ и труднымъ университетскимъ курсомъ, не представляетъ достаточной подготовки къ практической дѣятельности».

Поэтому, напримѣръ, министерство народнаго просвѣщенія находитъ, что

«оторвать отъ хорошей крестьянской или мѣщанской семьи мальчика, для того, чтобы воспитаніемъ въ гимназіи дать ему самостоятельную возможность карьеры на государственной службѣ, было бы не всегда разумною услугой».

Мѣры, предпринимаемые министерствомъ для приведенія этого взгляда, довольно разнообразны: во-первыхъ, закрываются приготовительные классы, которые, очевидно, давали возможность дешево подготовиться въ гимназіи и дѣтямъ небогатыхъ людей. Домашнее приготовленіе, конечно, потребуетъ больше расходовъ и, такимъ образомъ, этою мѣрой косвенно вводится нѣкотораго сорта имущественный цензъ на право получить гимназическое образованіе.

Затѣмъ, самое поступленіе въ гимназію обставлено совершенно новыми требованіями. Сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: При поступленіи въ гимназіи и прогимназіи прошеній отъ родителей или родственниковъ о приѣмъ дѣтей, начальство названныхъ учебныхъ заведеній должно приглашать просителей давать о себѣ и своемъ имущественномъ положеніи свѣдѣнія по слѣдующимъ пунктамъ: сословіе и степень образованія, родъ занятій, лѣта отъ роду, получаемое на службѣ содержаніе или годовой доходъ отъ заработка, имуществъ или капитала, квартира, адресъ, число занимаемыхъ комнатъ, количество прислуги, перечисленіе членовъ семейства, въ немъ проживающихъ, поименно, съ указаніемъ лѣтъ каждаго изъ нихъ, рода занятій и средствъ тѣхъ членовъ семьи, которые вышли изъ школьнаго возраста, и указаніе учебнаго заведенія, въ которомъ воспитываются учащіяся дѣти; тѣ же свѣдѣнія о лицахъ, къ семейству не принадлежащихъ, но проживающихъ вмѣстѣ съ семействомъ; къ какому званію предполагается приготовить представляемаго воспитанника; въ состояніи-ли проситель вносить плату за обученіе и снабжать воспитанника въ исправности учебными пособіями и форменнымъ платьемъ; какъ и подъ чьимъ воздѣйствіемъ было ведено воспитаніе и обученіе ребенка доселѣ; какъ и подъ чьимъ наблюденіемъ и отвѣтственностью предполагается вести его въ случаѣ принятія въ заведеніе; могутъ-ли быть предоставлены воспитаннику всѣ способы, необходимые для успѣшнаго ученія и исполненія ученическихъ правилъ, и въ чемъ именно будутъ состоять эти способы; если воспитанника предположено помѣстить на время обученія внѣ родительскаго дома, то должны быть сообщены всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія относительно предполагаемаго квартиро-содержателя ученика. Свѣдѣнія по этимъ пунктамъ должны быть надлежащимъ образомъ провѣрены и служить матеріаломъ для рѣшенія вопроса о томъ, являтся-ли условія матеріальнаго и семейнаго быта ребенка благопріятствующими успѣшному прохожденію курса и приобрѣтенію добрыхъ

нравственныхъ навыковъ, — и лишь въ случаѣ отсутствія сомнѣвій относительно этого предмета прошенію о принятіи ученика будетъ даваться надлежащее движеніе. Въ противномъ случаѣ прошенія о приѣмъ будутъ рѣшительно отклоняться; при этомъ на обязанность начальства гимназій и прогимназій возлагается объяснять родителямъ вышеприведенный нами взглядъ министерства на значеніе гимназическаго образованія и на трудность его для небогатыхъ людей.

Но это не все: такъ какъ новымъ распоряженіямъ могутъ неблагопріятствовать разныя благотворительныя учрежденія, которыя до сихъ поръ считали своимъ дѣломъ поддерживать небогатыхъ людей въ ихъ стремленія къ общему образованію, то циркуляръ министерства, въ предупрежденіе подобнаго противорѣчія, возлагаетъ на отвѣтственность начальства гимназій и прогимназій наблюдать, чтобы дѣйствіе настоящаго распоряженія не было ослабляемо путемъ благотворительности общественной или частной. Этотъ пунктъ циркуляра разъясняется слѣдующими соображеніями:

«Умѣстно воспитаніе въ гимназіи на благотворительные источники дѣтей родителей, которые сами получили высшее образованіе, но вслѣдствіе неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ лишены возможности дать такое образованіе дѣтямъ, потому что для такихъ дѣтей профессія, къ коей ведетъ иной путь, можетъ быть, не соответствовала бы ихъ физическому развитію».

Эти мѣры распространяются не только на вновь поступающихъ, но отчасти и на старыхъ учениковъ; по крайней мѣрѣ, въ циркулярѣ мы находимъ слѣдующее поясненіе:

«Если между принятыми уже учениками окажутся такіе, которые вслѣдствіе домашней обстановки своихъ родителей или родственниковъ оказываютъ вредное вліяніе на товарищей, то такихъ слѣдуетъ увольнять изъ гимназій и прогимназій, не стѣсняясь правилами о взысканіяхъ».

Циркуляръ не ограничивается лишь предписаніемъ опредѣленныхъ мѣръ, но даетъ свободу начальствамъ гимназій практиковать ихъ и по ихъ усмотрѣнію. Такъ, въ циркулярѣ говорится:

«Средства эти неисчерпаемы, и отъ предусмотрительности начальниковъ зависитъ пользоваться ими въ предѣлахъ предоставленной власти».

Если въ результатѣ примѣненія всѣхъ означенныхъ мѣръ окажется недостатокъ учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, — въ чемъ,

конечно, не можемъ быть никакого сомнѣнія, — то директора должны немедленно представить свои соображенія о закрытіи параллельныхъ отдѣленій, если таковыя имѣются, и «даже объ умѣстности преобразованія гимназіи или прогимназіи въ училище иного типа, болѣе отвѣчающаго потребностямъ мѣстной жизни».

Какъ бы въ дополненіе къ этимъ распоряженіямъ являются: во-первыхъ, повышеніе платы въ гимназіяхъ, а во-вторыхъ, тѣ мѣры, которыя приняты относительно петербургскаго университета.

Ректоръ петербургскаго университета опубликовалъ новыя правила о приѣмѣ въ означенный университетъ. Въ университетъ будутъ приниматься окончившіе курсъ въ гимназіяхъ петербургскаго округа, а изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ другихъ округовъ только тѣ, родители которыхъ, а также родственники или заступающія ихъ мѣсто лица имѣютъ постоянное пребываніе въ С.-Петербургѣ и примутъ на себя, по особой подпискѣ, обязательство о постоянномъ наблюденіи за студентомъ, который въ такомъ случаѣ долженъ непремѣнно проживать у нихъ. Изъ постороннихъ лицъ, получившихъ въ гимназіяхъ аттестаты зрѣлости, принимаются только державшіе экзаменъ на аттестатъ въ гимназіяхъ петербургскаго округа и притомъ, если они ранѣе воспитывались въ какомъ-либо учебномъ заведеніи этого округа, или постоянно проживали въ предѣлахъ округа. На факультетъ восточныхъ языковъ принимаются ученики и постороннія лица, выдержавшія испытаніе зрѣлости въ гимназіяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ, но съ тѣмъ, чтобы они проживали у родителей, родственниковъ и заступающихъ ихъ мѣсто благонадежныхъ лицъ или въ коллегіи Императора Александра II. Отъ воспитанниковъ гимназій требуется представленіе удостовѣреній гимназическаго начальства въ благонадежности, отъ всѣхъ же поступающихъ вообще, кромѣ окончившихъ курсъ гимназіи въ іюнѣ настоящаго года, — свидѣтельства о безукоризненномъ поведеніи отъ мѣстной полиціи. Евреи могутъ быть принимаемы лишь въ количествѣ не болѣе 3% общаго числа поступающихъ. Плата въ пользу университета со вновь поступающихъ будетъ взыскиваться въ размѣрѣ 25 р. — вмѣсто прежнихъ 5 р. — за полугодіе, причѣмъ плата за лекціи, идущая въ гонораръ преподавателямъ, остается прежняя.

Наконецъ, выработаны правила, значительно измѣняющія взглядъ на университетскія стипендіи:

«Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія выработаны новыя правила о состязательныхъ испытаніяхъ на стипендіи».

діи и пособія для студентовъ университетовъ и о наблюденіи за занятіями стипендіатовъ. Правилами этими получение стипендій обставлено весьма сложными условіями. Желające получить стипендію должны быть подвергаемы относительно своего ученія и своихъ способностей особому наблюденію преподавателей, на лекціяхъ которыхъ они занимаются, а относительно своего поведенія и исправности въ другихъ отношеніяхъ—инспекціи. Результаты такихъ наблюденій въ теченіи двухъ полугодій преподаватели и инспекція обязаны своевременно сообщать декану, который и самъ лично знакомится съ кандидатами на стипендіи и доводитъ о нихъ до свѣдѣнія факультета. На основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, факультетъ къ 1 апрѣля постановляетъ, кто изъ соискателей допускается къ составительному испытанію. Студентъ, коему не зачтено хотя бы одно изъ двухъ предшествующихъ полугодій, къ составительному испытанію не допускается. Испытаніе обнимаетъ собою заданныя для этого факультетами особыя работы, коллоквиумъ по содержанию и исполненію этихъ работъ и особое устное испытаніе.

Одновременно съ этимъ въ печати появился слухъ, что высшее женское образованіе не встрѣтило препятствій въ высшихъ сферахъ и что будто бы коммисія по вопросу о высшемъ женскомъ образованіи разрѣшила этотъ вопросъ утвердительно. Предполагается учрежденіе женскаго высшаго учебнаго заведенія съ историко-филологическимъ и математическимъ отдѣленіями, а также особаго женскаго медицинскаго института. Приниматься въ оба заведенія будутъ исключительно дѣвицы, выдержавшія испытаніе на аттестатъ зрѣлости.

Новыя мѣры министерства уже вызвали въ нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденіяхъ попытки поддержать бѣдноту: такъ, въ виду закрытія при гимназіяхъ приготовительныхъ классовъ, нѣкоторыми гласными петербургской думы внесено въ думу предложеніе объ учрежденіи при нѣсколькихъ городскихъ училищахъ классовъ для приготовленія дѣтей къ поступленію въ низшіе классы гимназій, съ установленіемъ по возможности умѣренной платы за ученіе.

Несомнѣнно, что въ виду новыхъ мѣръ относительно гимназій, министерству народнаго просвѣщенія придется одновременно озаботиться объ учебныхъ заведеніяхъ, куда бы могъ хлынуть тотъ

притокъ юныхъ силъ, жаждущихъ образованія, который теперь не найдетъ себѣ мѣста въ гимназіяхъ.

Въ виду этого, конечно, можно надѣяться, что всѣ силы министерства будутъ направлены теперь на эту сторону вопроса, т.-е. на обезпеченіе соответственнаго образованія для дѣтей небогатыхъ классовъ. Этотъ вопросъ становится тѣмъ важнѣе, что отовсюду получаютъ свѣдѣнія о недостаткѣ учебныхъ заведеній: такъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ Курской губерніи, въ виду переполненія учебныхъ заведеній—гимназій, реальныхъ училищъ и даже городскихъ училищъ,—замѣчается громадный наплывъ свѣтскихъ учениковъ въ духовныя училища. Желая оградить себя отъ этого наплыва, духовныя училища въ настоящемъ году значительно повышаютъ плату за ученье.

Въ Оренбургѣ военная прогимназія закрывается; конкское училище закрыто; кадетскій корпусъ принимаетъ лишь дѣтей военныхъ; подготовительный классъ мужской гимназіи закрывается, а въ первый могутъ быть приняты только четыре ученика. Недостаточность учебныхъ заведеній можетъ оказаться весьма чувствительною для Оренбурга, въ которомъ 70 тысячъ жителей.

Въ земствѣ чувствуется затишье, вѣроятно, въ виду слуховъ о его полномъ преобразованіи, проектъ котораго, говорятъ, будетъ готовъ непремѣнно къ осени этого года. Тѣмъ не менѣе, земство поднимаетъ, кое-какіе вопросы, не лишенные общенароднаго интереса. Такъ, псковская уѣздная земская управа предпринимаетъ борьбу съ крестьянскими банями—дѣло, которымъ доселѣ наши земства еще не занимались. Управа находитъ, что многія прилипчивыя и заразныя болѣзни распространяются между сельскимъ населеніемъ при посредствѣ дурно устроенныхъ бань. Въ виду этого, она обратилась къ земскимъ врачамъ и санитарнымъ попочителямъ съ просьбою, при всякомъ удобномъ случаѣ, на сходкахъ, собраніяхъ и въ частныхъ разговорахъ, разъяснить крестьянамъ необходимость лучшаго устройства и болѣе опрятнаго содержанія бань. «Нелѣзя» сопровождаетъ этотъ фактъ слѣдующимъ замѣчаніемъ отъ себя: «Бани въ деревнѣ, дѣйствительно, являются и средствомъ распространенія заразныхъ болѣзней, и причиной многихъ простудныхъ страданій, говоритъ она,—и борьба съ этимъ зломъ должна входить въ кругъ дѣятельности земства. Едва-ли только избранный псковскимъ земствомъ путь приведетъ къ дѣйствительнымъ результатамъ. Са-

нитарныя безобразія деревни происходят не только отъ непониманія, невѣжества крестьянъ, но также и отъ ихъ бѣдности. Можетъ быть, разъясненія врачей и санитарныхъ попечителей и убѣдятъ крестьянъ въ необходимости устройства удобныхъ и просторныхъ бань, но, вѣдь, большая баня стоитъ дороже, да и протопить ее нужно больше дровъ, чѣмъ для маленькой, а при безлѣсѣвъ крестьянскомъ эти обстоятельства очень важны. Въ виду этого, не лучше ли бы земству самому устроить общественныя бани по деревнямъ; такія бани, если за пользованіе ими будетъ браться менѣе того, что стоитъ крестьянину вытопить собственную баню, вытѣснятъ существующія безобразныя въ санитарномъ отношеніи бани, и въ то же время, окупаясь, не будутъ стоить земству ровно ничего. Впослѣдствіи, когда крестьяне убѣдятся въ пользѣ благоустроенныхъ бань, онѣ могли бы быть передаваемы крестьянскимъ обществамъ.

Въ той же газетѣ мы находимъ и другой отраднѣйшій фактъ издѣтельности земствъ, — это мѣра, принятая вологодскимъ уѣзднымъ земствомъ для поддержки мѣстныхъ кустарей, производящихъ издѣлія изъ рога и черепахи. Земство закупаетъ оптомъ сырой матеріалъ и выдаетъ его на руки кустарямъ, избавляя ихъ этимъ путемъ отъ кабалы скупщикамъ, которые раздають неимущимъ кустарямъ матеріалы въ долгъ и заставляютъ за то кустарей продавать свои издѣлія только въ ихъ руки, по цѣнамъ, какія угодно назначить скупщикамъ. Въ Вологдѣ же принята другая мѣра для улучшенія положенія кустарей — открыть постоянный складъ кустарныхъ произведеній изъ рога, черепахи и дерева, а также кружевъ мѣстной работы. «Если оба эти дѣла пойдутъ въ ходъ, вологодскіе кустари, — говорить «Недвля», — выйдутъ изъ того незавиднаго положенія, въ которомъ находятся наши кустари вообще; теперь ихъ издѣлія доходятъ до потребителей не иначе какъ черезъ руки добраго десятка посредниковъ, благодаря чему кустарь получаетъ столько, чтобы только не умереть съ голоду, хотя собственно потребитель нерѣдко платитъ за кустарныя издѣлія весьма недешево».

За то дѣятельность остзейскихъ порядковъ, съ ихъ средневѣковыми, баронско-дворянскимъ складомъ, даетъ поистинѣ вопіющіе факты, которые были бы почти невѣроятны, если бы не были раскрыты вновь назначеннымъ тамъ прокурорскимъ надзоромъ. Недалеко отъ Риги были арестованы полиціею три подозрительныя личности, которыя и были отправлены въ Дуббельнъ.

Здѣсь арестованные были до того избиты въ полиціи, что одинъ изъ нихъ, нѣкто Богдановъ, умеръ отъ побоевъ. Было произведено дознаніе, по которому оказалось, что Богдановъ, во время препровожденія его полицейскими на телѣгѣ, будто бы, хотѣлъ выскочить, но попалъ подъ колеса, а затѣмъ пытался бѣжать, но былъ настигнуть толпой крестьянъ и избить ими до того, что по доставленіи въ полицію умеръ. Врачъ, производившій вскрытіе Богданова, удостовѣрилъ, что всѣ найденныя на тѣлѣ умершаго поврежденія — давняго происхожденія. Дѣло было прекращено. Однако, вскорѣ въ дѣло вмѣшался недавно введенный въ край прокурорскій надзоръ, и дѣло приняло совершенно иной оборотъ. Новое вскрытіе трупа показало, что у Богданова голова и все тѣло изуродованы самымъ ужаснымъ образомъ, а новымъ дознаніемъ выяснено, что подвергать Богданова аресту не было никакихъ основаній, что всѣ поврежденія нанесены ему уже по доставленіи въ полицію, куда онъ былъ приведенъ совершенно здоровымъ и невреднымъ, и что Богдановъ былъ замученъ при помощи бычачьихъ хвостовъ, которые здѣсь часто употребляются, какъ средство добиться сознанія у арестованнаго.

Недурно характеризуютъ себя и русскіе землевладѣльцы, которымъ къ счастью нѣкоторый предѣлъ полагается новымъ судомъ и кассационнымъ департаментомъ сената:

Нѣкій г. Керстинъ, землевладѣлецъ Херсонскаго уѣзда, не поладивши съ сосѣднимъ крестьянскимъ обществомъ, запахалъ существующую издавна на его землѣ дорогу, соединяющую с. Ново-Камянки съ дд. Софіевкой и Мѣловой. Мировой судья, къ которому поступило это дѣло, подвелъ дѣяніе г. Керстина подъ 70 статью устава о наказ., налаг. мир. судьями, и обязалъ его возстановить дорогу. Г. Керстинъ перенесъ дѣло въ сѣздъ, причемъ доказывалъ, что статья 70-я къ нему не подходитъ, такъ какъ она говоритъ о порчѣ дорогъ, а онъ не «портилъ» дорогу, а запахалъ ее всю, и что дорогу онъ имѣлъ право закрыть, такъ какъ ею пользовались только сосѣдніе крестьяне, слѣдовательно, она не была транзитною. Однако, сѣздъ этой оригинальной аргументаціи не призналъ, найдя, что запахать дорогу значитъ испортить ее и что издавна установленный проѣздъ черезъ дачу владѣлецъ послѣдней не имѣетъ права закрывать самовольно, почему и утвердилъ приговоръ мирового судьи. То же подтвердилъ и сенатъ, куда дѣло переносилось г. Керстинымъ,—и теперь надо надѣяться, что важный вопросъ о суще-

ствованіи проселочныхъ дорогъ не будутъ рѣшаться по произволу и согласно личнымъ вкусамъ гг. судей.

Недурень также и слѣдующій фактъ землевладѣльческій дѣятельности.

«Въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, имѣлъ мѣсто слѣдующій фактъ. Завѣдующій воинскимъ участкомъ землевладѣлецъ О., повидимому, подъ влияніемъ газетныхъ толковъ о примѣрной мобилизаціи войскъ во Франціи и Германіи, задумалъ устроить мобилизацію въ своемъ участкѣ. Явившись въ правленіе Кохановской волости, г. О. приказалъ собрать запасныхъ всѣхъ возрастовъ, и на другой же день было собрано до 300 человекъ. Созванные, не понимая, что все это «шутка» веселаго барина, приняли «мобилизацію» въ серъезъ и полагали, что ихъ немедленно двинуть на войну. Исторія была разыграна въ самый разгаръ полевыхъ работъ. Призывные побросали рѣшительно все и нѣкоторые успѣли даже продать хлѣбъ на корню своимъ односельцамъ. Однимъ словомъ, вышла исторія совсѣмъ невеселая. Плачу и слезъ было не мало. Каково же было общее удивленіе, когда г. О. объявилъ, что онъ поднялъ всю суматоху «для примѣра», и мирно распустилъ собранныхъ по домамъ. Нѣкоторые изъ потерпѣвшихъ обратились въ судъ съ искомъ къ г. О. объ убыткахъ. Желательно, чтобы судъ отнесся къ дѣлу возможно строже, да не мѣшало бы и прокурорскому надзору обратить вниманіе на эту «шутку» («Недѣля»)

Отъ землевладѣльцевъ не отстаютъ и кулаки-ростовщики; но ихъ дѣятельность болѣе широка, энергична, и потому страшно разрушительна. Такъ, недавно еще въ «Ставропольскихъ Вѣдомостяхъ» была напечатана публикація о продажѣ цѣлаго села Солдатско-Александровскаго, заложенаго ростовщику. Теперь «Недѣля» нашла въ тѣхъ же «Вѣдомостяхъ» новую публикацію о продажѣ двухъ поселеній. Продается въ общей сложности 5,061 дес., за долгъ ставропольскому городскому банку, на сумму 74 т рублей слишкомъ. Одинъ поселокъ состоитъ изъ 60 семей, другой—изъ 70; все это переселенцы изъ Херсонской и Рязанской губерній, думавшіе найти въ Ставропольской губерніи медовыя рѣки съ кисельными берегами, а вмѣсто того, попавшіе въ кабалу банку, теперъ выталкиваемому ихъ на всѣ четыре стороны.

НОВЫЯ КНИГИ.

КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЯ РЕДАКЦІЕЙ.

О книжкахъ для народа, изданныхъ фирмою „Посредникъ“. Протоіерея о. А. Иванова. Воронежъ. 1887.

Передо мною лежитъ цѣлая книжка объ изданіяхъ «Посредника», изданная протоіереемъ А. Ивановымъ, въ Воронежѣ. Посмотримъ же, что говоритъ объ этихъ книжкахъ почтенный о. Ивацовъ. Онъ находитъ, напримѣръ, что разсказъ «Свѣчка» даетъ поддержку

«разнымъ суевѣріямъ, христіанскому же терпѣнію нисколько не научить: мужикъ, пожалуй, прилѣпитъ свѣчку къ сохѣ или поставитъ передъ образомъ свѣчку низомъ вверху, и будетъ ждать отъ нея спасенія противъ злаго челоуѣка, не поможетъ свѣчка,—изругаетъ мужикъ Льва Толстого, да и перейдетъ къ резонерству Василія Минаева. Вотъ и назиданіе отъ книжки».

Выпишемъ теперь цѣликомъ разборъ «Перваго Винокура»; пропуски буквъ въ словахъ, «чортъ», «черти», «чертовщина» сдѣланы самимъ авторомъ.

«Въ какой каталогъ хотятъ внести эту книжку ея издатели? Для школь? Избави Богъ! Самъ народъ, самъ простой народъ осудилъ всѣ подобныя побасенки, разучивавшіяся до сихъ поръ въ школахъ, и оказался, такъ сказать, умнѣе умниковъ—педагоговъ, хотя бы даже самого графа. А мы все будемъ

по прежнему сквернить святое мѣсто школы балагурствомъ и ч....щиной? Для кого же еще книжка эта? Для народа? Пощадите народъ! Вѣдь, онъ еще не тронуть развращающимъ вліяніемъ литературнаго гаерства. Ввести въ народную читальню подобный хламъ будетъ то же, что сдѣлалъ первый винокуръ. Неужели сочинитель своею комедіей думаетъ возбудить въ мужикѣ отвращеніе къ пьянству? Напрасно онъ думаетъ, что пьяный разгуль, смѣхъ, пляску и драку можно искоренить смѣхомъ шутовской «комедіи». Прибавимъ къ сказанному, что комедія гр. Л. Толстого не есть оригинальное сочиненіе; она передѣлана изъ сказки Погосскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ, изданной въ 60-хъ годахъ. Для чего нужно было передѣлывать сказку въ 10 коп? Развѣ для того только, чтобы можно было, для большаго распространенія ея, продавать ее народу по 2 коп? Если сравнивать сказку Погосскаго съ комедіей Толстого, то въ художественномъ отношеніи едва-ли можно отдать предпочтеніе послѣдней».

А вотъ какъ громить Толстого «Московскій Церковный Вѣстникъ» по словамъ того же о. Иванова:

Выяснивши столь внимательнымъ анализомъ разсказа о страданіяхъ св. мученика Феодора, что пользованіе чистымъ источникомъ — Четы-Минеями Св. Димитрія — нечисто, авторъ цитируемой нами статьи «М. Ц. В». выясняетъ далѣе и то, какая тенденція проводится черезъ этотъ разсказъ, составленный по Четы-Минеямъ св. Димитрія.

Авторъ разсказа опускаетъ чудеса, а тамъ, гдѣ опустить ихъ нельзя, тамъ представляетъ ихъ естественными; опускаетъ слово «святой» даже тамъ, гдѣ разсказъ его есть не больше, какъ переводъ другаго творенія. Стало быть, все это и подобное ему въ очахъ автора цѣны не имѣетъ. Не

имѣють для него цѣны и страданія св. Феодора, обна-
ружившія его непоколебимую вѣру въ ученіе Хри-
стово; ибо иначе непонятно, почему же онъ такъ не-
разумно и не «граціозно» умолчалъ о нихъ. Что же
имѣетъ цѣну въ глазахъ автора? Очевидно, то, о чемъ
онъ съ такою подробностью говоритъ, говоритъ сло-
вами самаго источника сокращеннаго имъ,—именно,
повѣствованіе о томъ, какъ св. Феодоръ, красивый и
храбрый, бросилъ воинскій знакъ и отказался при-
нести жертву идоламъ. Въ этомъ суть дѣла, изъ за
которой и самый рассказъ о св. Феодорѣ написанъ
и въ народъ пущенъ.

Протоіерей Ивановъ съ неменьшимъ осужденіемъ отно-
сится и ко всѣмъ почти 30 книжкамъ, изданнымъ скла-
домъ «Посредникъ». Даже въ такомъ невинномъ раз-
сказѣ, какъ «Странникъ», онъ нашелъ ужасныя тенденціи.
Вообще, обращаясь къ начальству, онъ требуетъ суровыхъ
мѣръ противъ склада «Посредникъ», а обращаясь къ са-
мому складу, по поводу книжки: «Какъ чертъ краюшку
выкупилъ», говоритъ слѣдующее:

«Сюжетъ третьей сказки одинъ и тотъ же съ ко-
медіей, того же графа подъ названіемъ «Первый вино-
куръ». Сказка переполнена именемъ діавола. На 30-й
страницѣ ч...нокъ искушаетъ мужика, чтобы заста-
вить его выругаться и ч..та помянуть. Если иску-
сителю пріятно, когда его поминаютъ, то можно
сказать, что сказка написана для его удовольствія,
потому что читающій помянетъ его много разъ. Нѣтъ,
не давайте народу, считающему за грѣхъ помянуть
«черное слово», и особенно дѣтямъ, такихъ безобраз-
ныхъ сказокъ. Учите трезвости трезвыми словами».

Ошибки и промахи неизбежны въ каждомъ дѣлѣ, не спо-
тыкается тотъ, кто не ходитъ; ошибки надо указать, но
не распространять ихъ тенденціозно на все дѣло, разрушая

всякій живой ростокъ, пытающійся взойти на нашей бѣдной почвѣ.

Л. Н. Толстой, его философскія и нравственныя идеи. Критическій этюдъ Л. Е. Оболенскаго. 2-е исправленное и дополненное изданіе книжнаго магазина Цинзерлинга. Ц. 1 р. 50 к.

Въ новомъ изданіи добавлены слѣдующія статьи: «Л. Толстой о женскомъ вопросѣ и наукѣ», «Л. Толстой и О. Кантъ о наукѣ», «Психологія и мораль въ новой драмѣ Толстого» и «Отвѣтъ г. Скабачевскому».

Медвѣди. Разказъ Всев. Гаршина, съ рисунками Ел. Бемъ. Изданіе книжнаго склада «Посредникъ». Ц. 3 коп.

Гусляръ. Собраніе стихотвореній разныхъ поэтовъ. Изданіе книжнаго склада «Посредникъ».

Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Профессора А. А. Козлова. Ц. 75 к.

Тардъ и его теорія общества. Переводъ, изложеніе и замѣчанія. Профессора А. А. Козлова. Ц. 1 р.

Вюрцъ въ характеристикѣ Фриделя. Переводъ съ измѣненіями. П. Алексѣева. Ц. 50 к.

Цѣны указаны безъ пересылки.

Можно получать чрезъ книжный магазинъ Цинзерлинга (Невскій, 46).

МИЛЛИОНЕРЪ

Романъ Кристи Муррэй.

(Продолженіе).

IX.

Великосвѣтскій органъ повѣдалъ міру, что мистеръ Больсоверъ Кимберли находится въ гостяхъ у графа Уиндголя, въ Шульдершотъ-Кэстлѣ, и міръ построилъ на этомъ извѣстїи свои заключенія. Всѣ знали, что Уиндголь бѣденъ, и что покойный владѣлецъ Голлоубенъ былъ нарѣченнымъ женихомъ его дочери. Всѣ знали, что смерть этого юноши была страшнымъ ударомъ для графа, и поэтому всѣмъ было ясно значеніе визита новаго соседа. Не подозрѣвали ничего только главныя заинтересованныя лица: самъ Кимберли, да дочери Уиндголя. Больсоверу никогда и на мысль не приходило заноситься до подобныхъ надеждъ. Если онъ и не могъ сознавать вполне недостатковъ своего воспитанія, то сознавалъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, недостатокъ свѣтскаго навыка, и хорошо понималъ, что ему не мѣсто въ аристократическихъ салонахъ.

Теперь, когда онъ былъ такъ близко къ лэди Эллѣ, она пугала его, и онъ не могъ думать безъ страха, что смѣлъ любить ее. Ему казалось, что это прелестное, граціозное созданіе принадлежитъ къ другому міру, о которомъ онъ и понятія не имѣлъ до сихъ поръ. Она обращалась съ нимъ ласково, ей было жаль бѣднаго, застѣнчиваго малаго, но въ ея обращенїи съ нимъ было что-то такое, что безъ ея вѣдома указывало на разницу ихъ общественнаго положенія. И однако, не смотря на все, любовь его къ ней росла и изъ сентиментальной мечты превращалась въ пожирающую страсть.

Нужно отдать справедливость лорду Уиндголю, онъ сознавалъ въ душѣ всю низость своихъ тайныхъ надеждъ. Какъ извѣстно, есть люди, которымъ всѣ ихъ гуси кажутся лебедями, и есть другіе, которымъ всѣ ихъ лебеди кажутся гусями; Уиндголь принадлежалъ скорѣе къ послѣдней категоріи, чѣмъ къ первой. Очень можетъ быть, что этотъ пессимистскій взглядъ на свою семью развился у него подъ вліяніемъ бѣдности. Однако, какъ ни слабо было въ немъ фамиліальное тщеславіе, все же онъ не могъ не видѣть разстоянія, отдѣляющаго его дочь отъ Большовера Кимберли, и часто, размышляя о своей готовности принести ее въ жертву Молоху, стоналъ отъ стыда и раскаянія.

Но что же ему было дѣлать? Другихъ богатыхъ жениховъ не подвертывалось. Да и многіе-ли изъ тѣхъ, кто осуждалъ маневры Уиндголя съ неотесаннымъ милліонеромъ, отвергли бы искательства послѣдняго, если бы они относились къ ихъ собственнымъ дочерямъ? Нужно замѣтить, что эти самые люди признавали дѣйствія графа въ отношеніи Джэка Клэра, искательства котораго, какъ всѣ подозрѣвали, встрѣчали взаимность со стороны лэди Эллы, вполне справедливыми.

Чтобы не вредить успѣху своихъ плановъ, графъ Уиндголь не приглашалъ къ себѣ гостей на то время, пока у него гостилъ Кимберли, и благодаря этому, ужасъ, который тотъ испытывалъ въ первые часы своего пребыванія въ Шульдершотъ-Кэстлѣ, по-немногу улегся. Освоившись съ семейнымъ кружкомъ, и убѣдившись, что его не третируютъ свысока, онъ сдѣлался развязнѣе, въ особенности, когда ему случалось оставаться съ лэди Алисой, младшею сестрой Эллы. Онъ даже пустился съ нею въ откровенности, и началъ повѣрять ей свои печали, хотя и не главные. Алиса, при всемъ своемъ добродушіи, была немощно насмѣшница, и очень искусно представляла Кимберли, когда оставалась вдвоемъ съ сестрой. Обѣ хохотали при этомъ до слезъ, но не чувствовали къ нему никакой антипатіи. Онъ былъ человѣкомъ другого міра, но добрымъ, обязательнымъ и до безконечности кроткимъ. Трудно было бы питать враждебныя чувства къ такому безобидному созданію.

Однажды, проживъ уже съ недѣлю въ Шульдершотъ, онъ сказалъ Алисѣ, во время одной изъ своихъ откровенныхъ бесѣдъ съ нею:

— Я часто думаю, миссъ: какая это ужасная вещь — разница общественнаго положенія!

— Отчего вамъ такъ кажется, мистеръ Кимберли?—спросила дѣвушка, сдерживая смѣхъ.

Большоверъ попытался объяснить, но видимо конфузился. Смиранные бакенбарды его совсѣмъ повисли, на лобъ свѣсилась прядь желтоватыхъ волосъ и брови приняли явно извиняющееся выраженіе.

— Я говорю не вообще, но иногда, право, мнѣ такъ кажется. Вотъ, напримѣръ, хоть бы я: покуда я не былъ богатъ, я всегда былъ въ политикѣ за одно съ либералами, и они всегда увѣряли, что люди всѣ равны, что сапожникъ, напримѣръ, ничѣмъ не хуже короля.

— А теперь вы торій?—съ улыбкой спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, не то. Я хочу только сказать,—началь онъ, затрудняясь,—я хочу сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ я началъ водить компанію съ важными господами, я нахожу... мнѣ кажется... что они совсѣмъ не такіе люди, какъ тѣ, между которыми я выросъ. Не то, чтобы они были дурными, злыми—нѣтъ, не то, но есть какая-то разница, и они какъ-то даютъ чувствовать ее.

Онъ былъ весь красный, и нервно сжавъ свои ладони, засу-нулъ ихъ между колѣнъ.

— Я такъ неловко выражаюсь, никогда не умѣю сказать того, что думаю. Я всегда былъ застѣнчивъ,—прибавилъ онъ съ отчаяніемъ,—а съ тѣхъ поръ, какъ разбогатѣлъ, сталъ еще застѣнчивѣе.

Все это было сказано съ такой неподдѣльной скромностью и простотою, что у добросердечной Алисы пропала охота смѣяться.

— Ваша застѣнчивость современемъ пройдетъ, мистеръ Кимберли,—утѣшила она.

— Если бы вы научили меня, какъ мнѣ отъ нея избавиться,—сказалъ онъ.

— Мнѣ кажется, что застѣнчивость происходитъ отъ слишкомъ большого самолюбія. Застѣнчиваго человѣка постоянно мучаетъ мысль: что о немъ подумаютъ? и отъ этого ему всегда неловко. Если бы я была застѣнчива, то старалась бы никогда не думать о себѣ, а всегда о комъ-нибудь другомъ, и, навѣрное, отучила бы себя отъ этого недостатка.

— Право? Вы думаете?—спросилъ Кимберли.—Ахъ, зачѣмъ я не могъ имѣть васъ своею совѣтницей прежде, чѣмъ разбогатѣлъ! А ужъ теперь ничего со мною не подѣлаешь. Ахъ, миссъ! Деньги не приносятъ счастья, право не приносятъ!

— Такъ вы уже не хотите теперь, чтобы я была вашею со-
вѣтницей?—спросила Алиса.

Онъ такъ откровенно сознавался въ своихъ недостаткахъ, что
предложеніе, скрытое въ ея словахъ, не могло показаться дерз-
кимъ. Кимберли даже подпрыгнулъ отъ радости,

— А вы взяли бы? Ахъ, миссъ, если бы вы взяли!

— Отчего же? Охотно!—отвѣтила она весело.— Вотъ, я сегодня
же начну вамъ давать совѣты. Во первыхъ, никогда не говорите
леди «миссъ» никогда! Во-вторыхъ, не напоминайте ни герцогу
ни простолюдину о сословныхъ неравенствахъ. Я знаю, вы слиш-
комъ добры, чтобы напоминать объ этомъ простолюдину, но не-
деликатно говорить и герцогу, что вы чувствуете разницу между
нимъ и вами, и тяготитесь ею.

Такимъ образомъ, пятнадцатилѣтняя сестра Эллы начала на-
ставлять Большовера въ житейской мудрости, довершая дѣло книги
«О свѣтскомъ этикетѣ». Воспитанникъ ея открылъ ей однажды
существованіе этого замѣчательнаго произведенія, но она посовѣ-
товала ему немедленно бросить его въ каминъ.

Слуги Шульдершотъ-Кэстля не приминули смекнуть, съ ка-
кою цѣлью ихъ благородный хозяинъ зазвалъ къ себѣ въ гости
Большовера, и не замедлили подѣлиться своими догадками съ гол-
дубѣйскими обывателями. Въ городѣ заговорили, что вторая дочь
графа весьма искусно оболваниваетъ миллионера и подобная раз-
счетливость въ такой молодой дѣвушкѣ весьма порицалась. Люди,
знавшіе Кимберли, хотали, и всѣ городскіе языки работали
на его счетъ. Но въ глаза ему всѣ льстили, и даже тѣ, кто не
разсчитывалъ получить отъ него ни одного пенни, искали случая
потереться около обладателя миллиона. Болѣе осторожные хва-
лили его даже и за глаза, потому что, кто знаетъ, какой вѣтеръ
подхватитъ слова, вылетѣвшія изъ устъ, и куда ихъ понесетъ.

Уиндголю чувство самоуваженія не дозволяло вдаваться въ
похвалы своему гостю, но онъ совсѣмъ искренно находилъ, что
этотъ человѣкъ лучше, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Онъ добрый малый, что и говорить,—разсуждалъ милордъ.
— Только чортъ его знаетъ, чего онъ все ежится, дрожить и
конфузится? Кажется, онъ боится даже конюховъ и судомоекъ, и
право мнѣ робѣть передо мною, чѣмъ передъ моимъ дворецкимъ.

Между тѣмъ, отголоски ходившихъ въ городѣ сплетенъ на
счетъ плановъ графовъ Уиндголя на своего богатаго сосѣда на-
чали доходить и до ушей самого Кимберли, и произвели на него
въ первый разъ, когда онъ услышалъ ихъ, потрясающее впечатлѣ-

члѣніе. Можетъ-ли быть, чтобы такое высокопоставленное лицо, перъ Англіи, былъ настолько низокъ душой, чтобы вдаваться въ подобные расчеты, и вдаваться такъ явно, что всё это знали. Но чѣмъ же иначе объяснить его привѣтливость къ такому жалкому созданию, какъ онъ, Кимберли! «Что во мнѣ кромѣ денегъ?» — съ горечью спрашивалъ онъ себя. Развѣ онъ уменъ, красивъ, развѣ онъ джентльменъ? Что даетъ ему право быть принятымъ въ общество такихъ утонченно-благовоспитанныхъ людей. Господи! зачѣмъ ему дано богатство? Что оно принесло ему? Только отняло прежнее спокойствіе и душевный миръ, и сдѣлало мишенью злыхъ языковъ и предметомъ такихъ постыдныхъ расчетовъ. Онъ чуть не плакалъ, размышляя объ этомъ, но вслѣдъ за тѣмъ унылыя мысли смѣнились торжествующимъ сознаніемъ, что его безумная мечта не такъ не возможна, какъ ему казалось.

Однажды утромъ, когда Больсоверъ еще гостилъ у графа Уиндоля, тотъ сказалъ ему во время ихъ утренней прогулки по парку:

— Кимберли, вамъ слѣдовало бы быть общественнымъ дѣятелемъ, представителемъ Голлоубэя. Приходило вамъ это когда-нибудь на мысль?

Тотъ могъ бы отвѣтить, что ему это столько же приходило въ голову, какъ и намѣреніе выступить кандидатомъ на китайскій престолъ; у него захватило духъ отъ одного только предположенія.

— Нѣтъ, милордъ, — отвѣтилъ онъ испуганно, — объ этомъ я никогда не думалъ; нѣтъ, куда!..

До ушей графа также дошли слетни, что Кимберли имѣетъ виды на младшую его дочь, и надежда, что тайная мечта его можетъ сбыться и милліонеръ жениться на той или другой изъ дѣвушекъ, побуждала его къ отчаяннымъ усиліямъ вывести какъ-нибудь въ люди этого ничтожнаго человѣчка. Пускай ужъ лучше всё поскорѣе узнаютъ, что это за птица и насмѣются въ волю, какъ надъ нимъ, такъ и надъ аристократомъ, породнившимся съ нимъ за его деньги. Вѣдь, посмѣются, да и забудутъ или привыкнутъ. У графа оставалась еще, впрочемъ, надежда, что Кимберли, потерпѣвъ въ обществѣ, сдѣлается похожъ на человѣка.

Настойчивыя усилія графа открыть въ Больсоверѣ какія-нибудь достоинства, чтобы сколько-нибудь оправдать въ своихъ глазахъ свои меркантильные расчеты, не остались безуспѣшными. Онъ нашелъ въ немъ много хорошаго: великодушіе, всегдашнюю готовность помочь и обязать; мягкій, добрый и необидчивый ха-

раκτήрь. Девяги не испортили его и не сдѣлали заносчивымъ. Онъ никогда не былъ грубъ со слугами, или дерзокъ съ равнымъ. Все это и многіе другіе хорошіе качества графъ открылъ въ немъ и оцѣнилъ, отлично сознавая въ душѣ, что будь онъ, Уиндголь, побогаче, онъ не далъ бы себѣ труда открывать ихъ.

— Я подозрѣваю,—продолжалъ онъ начатый разговоръ,—что у насъ предстоитъ въ непродолжительномъ времени распущеніе палаты общинъ, хотя въ печати объ этомъ еще ничего не слышно. Нашъ представитель, Босворсъ, слишкомъ старъ, да и не довольно богатъ. Я слышалъ отъ него самого, что онъ не намѣренъ выставить своей кандидатуры на будущихъ выборахъ. А затѣмъ остается только маіоръ Гэрдъ, который выступить, какъ говорятъ, кандидатомъ либеральной партіи.

— Маіоръ Гэрдъ отличный человекъ, — сказалъ Кимберли, не зная, что сказать.—Я непременно подамъ за него голосъ.

Это было сказано такъ невпопадъ, что озадаченный милордъ замолчалъ. Уиндголи всегда были торіями, и онъ не могъ бы поддерживать съ Кимберли, если бы тотъ сталъ на сторону либераловъ. Это былъ ихъ первый политическій разговоръ.

— Вы, должно быть, либерально-консерваторъ, Кимберли,—продолжалъ графъ.—Конечно, вы стоите за поддержаніе трона.

— Разумѣется, милордъ,—съ живостью вскричалъ Кимберли. Зароненная въ него искра честолюбія уже начинала разгораться. Если бы онъ смѣлъ надвѣяться, что его изберутъ членомъ парламента, что онъ будетъ говорить рѣчи передъ избирателями въ голлоубѣйской ратушѣ!..—Разумѣется я буду поддерживать тронъ, милордъ,—прибавилъ онъ, краснѣя и дрожа при мысли, что и онъ тоже можетъ что-нибудь значить.

— Вы будете также поддерживать собственность,—настаивалъ графъ.—Безумцы начинаютъ толковать объ ея уничтоженіи, но человекъ въ вашемъ положеніи не можетъ раздѣлять взглядовъ этой сволочи.

— Мнѣ кажется, милордъ,, что капитализированную собственность слѣдуетъ уважать,—сказалъ, запинаясь, Кимберли.

— Именно! Вы совершенно вѣрно говорите: «капитализированную собственность слѣдуетъ уважать»,—подтвердилъ милордъ, и Кимберли, позаимствовавшійся мыслью въ газетныхъ передовицахъ, которыя ему случалось иногда читать, былъ очень доволенъ, что она санкціонирована такими высокими устами.

— Только нужно позаботиться и о бѣднякахъ, не правда-ли, милордъ?—прибавилъ онъ немного погодя.—Вѣдь, это, мнѣ ка-

жется, дѣло палаты общинъ наблюдать, чтобы у бѣдныхъ было все нужное.

— О, безъ сомнѣнія, наше законодательное собраніе равно заботится, какъ о богатыхъ, такъ и о бѣдныхъ. Геллоубэй, навѣрное избересть васъ, — продолжалъ милордъ, немного помолчавъ. Половина избирателей — ваши арендаторы, и если вамъ понадобится поддержка, то мое имя къ вашимъ услугамъ.

Кимберли, краснѣя, поклонился.

— Едва-ли наши взгляды слишкомъ расходятся, — прибавилъ Уиндголь. — Во всякомъ случаѣ, ихъ можно примирить. Когда вы вступите на политическое поприще, то скоро убѣдитесь, что у всѣхъ партій главная цѣль одна: подолѣе удерживать за собою свои мѣста, и поскорѣе возвращать ихъ себѣ; если они потеряны. Главное — заручиться довѣріемъ народа, и для этого нужно что-нибудь дѣлать, и такимъ образомъ, чтобы результаты дѣла были видимы. По моему, конституція похожа на материкъ, а партіи на море. Онѣ волнуются, бушуютъ, смываютъ что-нибудь то тамъ, то сямъ, но что-нибудь и возводитъ. Впрочемъ, я не довольно серьезно смотрю на политику, и не хочу дѣлать васъ такимъ же саддукеемъ, какъ я самъ.

Все это было для Кимберли не совсѣмъ понятно, но ему было пріятно, что съ нимъ говорятъ о такихъ умныхъ вещахъ, — и еще кто говорить-то? — наследственный членъ законодательнаго собранія.

— Насколько я васъ понимаю, Кимберли, — сказалъ Уиндголь, — ваше мѣсто будетъ среди либерально-консерваторовъ, среди исканныхъ защитниковъ закона и порядка и друзей народа. Вѣдь не станете же вы добиваться отміны палаты лордовъ, — прибавилъ онъ съ улыбкой, — или требовать, чтобы принцъ Уэльскій зарабатывалъ себѣ пропитаніе, копая землю.

— О! какъ можно, милордъ? — протестовалъ Кимберли, такимъ тономъ, какъ будто это была не иронія, а серьезное предположеніе. Но въ то же время онъ далъ милорду понять, какъ умѣлъ, что считаетъ себя скорѣе либераломъ, чѣмъ консерваторомъ.

— Понимаю, — сказалъ тотъ, вы рѣшились сохранить свою политическую независимость.

И это тоже смутно польстило Кимберли. Ему показалось даже, какъ будто онъ немного выросъ во время этого разговора.

— Вы отказываетесь связывать себя партійнымъ духомъ, — прибавилъ графъ. — Вы будете жаркимъ приверженцемъ престола и борцомъ за права народа. Я нахожу, что вы избираете самый

благоразумный муть: быть либеральнымъ въ принятіи мудрыхъ и необходимыхъ реформъ, и консервативнымъ въ дѣлѣ сохраненія нашихъ вѣковыхъ традицій.

Кимберли очень понравился написанный съ него портретъ, и на минуту онъ гордо поднялъ голову и расправилъ широчайшіе концы своего галстука. Но сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ его опять обуяли робость и застѣнчивость. Онъ—въ палатѣ! Господи! что это будетъ? Онъ не могъ и представить себѣ свою особу въ такомъ положеніи, а, между тѣмъ, оно было полно соблазна. Вѣдь, сдѣлавшись членомъ парламента, онъ сталъ бы поближе къ Эллѣ.

Вечеромъ, того же дня,—это былъ чудесный лѣтній вечеръ,—обитатели замка, со своимъ гостемъ, гуляли по лугу, позади дома. Они раздѣлились на двѣ пары: графъ прохаживался со своею старшею дочерью, а Кимберли съ Алисой. Обѣ пары находились на такомъ разстояніи одна отъ другой, что, понизивъ голосъ, могли разговаривать, не будучи слышима другою парой.

Кимберли почти никогда не обращался къ Эллѣ, и она могла бы подумать, что онъ не долюбливаетъ ее, если бы вообще когда-нибудь думала о немъ. Онъ чувствовалъ себя свободнѣе съ Алисой, которая, хотя и подтрунивала надъ нимъ, но добродушно и всегда выказывала участіе къ нему.

— Алиса съ Кимберли, повидимому, большіе друзья,—сказала графъ своей старшей дочери, когда они отделились отъ другой пары.

— Да, большіе,—подтвердила Элла.

— Мнѣ тоже онъ очень нравится,—продолжалъ отецъ.— Это прекраснѣйшій, достойнѣйшій человекъ. Скажу тебѣ по секрету, что онъ, по всемъ вѣроятіямъ, будетъ избранъ Голлоубемъ на предстоящихъ выборахъ, и я буду очень радъ этому.

— Ну, не блестящій же у насъ будетъ представитель въ палатѣ!—смѣясь, замѣтила Элла.

— Палата и не нуждается въ блестящихъ членахъ, въ настоящее время. Ужъ въ ней и безъ того слишкомъ много блеска. Лучше бы по темнѣе, да посолиднѣе и поосновательнѣе. Кимберли—крупный собственникъ и человекъ мирный. Онъ будетъ полезенъ въ палатѣ уже по тому одному, что займетъ мѣсто, которое иначе могло бы достаться какому-нибудь горластому сопознику, который сталъ бы кричать, что нужно все отмѣнить, кромѣ кожи, да колодокъ.

— Со стороны сапожника это было бы довольно естественно, — сказала Элла, улыбаясь.

— Понятно. И лисицѣ тоже хотѣлось бы отиѣнпть собакѣ и сохранить курятникѣ... Я думаю, что нашѣ кандидатѣ скоро женится, — сказалѣ графѣ, пробуя почву. — Вамѣ съ Алисой едва-ли удастся поймать его въ ваши сѣти.

Элла промолчала, но поглядѣла на отца съ такою веселою улыбкой, что у него пропала на минуту вся его игривость.

— Ты смѣешься, — продолжалѣ онѣ, немного погодя, — а знаешь-ли, что многія молодыя дѣвушки, даже изъ самыхъ блестящихъ, способны были бы позавидовать вамѣ съ Алисой въ такомѣ удобномѣ случаѣ поймать миллионера, какой вамѣ представляется.

Не смотря на шуточный тонѣ этого замѣчанія, оно не понравилось Эллѣ.

— Можетѣ быть, — отвѣтила она. — Но если бы знали онѣ, какѣ мало цѣнимѣ мы этотѣ случай!

Уиндголю показалось, что она отчасти прочла его мысль, но онѣ считалѣ не лишнимѣ приучить ее въ этой мысли на всякій случай.

Между тѣмѣ, Кимберли съ Алисой продолжали ходить по другой аллеѣ. Кимберли былѣ настроенѣ сентиментально и часто вздыхалѣ. Неподалеку отѣ нихъ запѣлъ соловей, и миллионерѣ, прервавѣ разговорѣ, остановился, чтобы послушать.

— Ахѣ, какѣ это все хорошо! — сказалѣ онѣ, наконецѣ. — Право, даже какѣ-то совѣстно дѣлается, когда подумаешь, какѣ мы здѣсь наслаждаемся, когда на свѣтѣ столько нищихъ и несчастныхъ. Не правда-ли?

Онѣ и теперь, какѣ всегда, не былѣ увѣренѣ, что не сказалѣ глупости.

— Развѣ мы сдѣлаемѣ ихъ богаче или счастливѣе, если не будемѣ слушать соловья? — возразила дѣвушка.

— Нѣтъ, я не на счетѣ соловья, а вотѣ на счетѣ того, что у меня такѣ много денегъ, а у другихъ ничего. Видѣ, какѣ подумаешь, что вотѣ въ эту самую минуту, когда мы здѣсь бесѣдуемѣ, многіе сидятѣ не ѣвши и безѣ куска хлѣба.

Соловей опять запѣлъ и они опять притихли, слушая. Лучи мѣсяца таинственно проглядывали сквозь листву, раскидывая подѣ ногами гуляющихъ коверѣ съ черными и золотыми узорами. Молодые люди вышли изъ аллеи на поляну и увидѣли Эллу и графа, стоявшихъ рядомѣ, глядя на луну и слушая соловья. Сердце бѣднаго Кимберли изнывало отѣ сладостной тоски и без-

надежнаго обожанія. Хотя бы на одну секунду сдѣлаться достойнымъ ея и потомъ умереть; сдѣлать бы что-нибудь великое, геройское, и исчезнуть; или же умереть вотъ здѣсь, передъ ея глазами, при свѣтѣ мѣсяца, при пѣніи соловья... Онъ опять глубоко вздохнулъ. Алиса посмотрѣла на него и звонко засмѣялась.

— Какъ вы себя противорѣчите, сегодня, мистеръ Кимберли! — сказала она. — Вы цѣлый вечеръ вздыхаете и говорите, что вамъ совѣстно за свое счастье. Не похожи вы что-то на счастливица. Вотъ, опять вздыхаете!

— Ахъ, лэди Алиса, сказать бы я вамъ одну вещь!.. Вы такъ добры; вѣдь, вы не станете смѣяться надо мною? И не скажете никому? И не разсердитесь?

— Мнѣ вы можете сказать все, что хотите, мистеръ Кимберли, — ласково успокоила его дѣвушка. — Ужъ, конечно, я не измѣню вашему довѣрью, и смѣяться тоже не буду.

— Вы знаете, лэди Алиса, что до полученія наслѣдства я былъ очень бѣденъ: служилъ въ конторѣ и получалъ всего тридцать пять шиллинговъ въ недѣлю. Съ такимъ доходомъ ужъ гдѣ было думать о женитьбѣ. Пошли бы дѣти и остались бы такими же неучами, какъ и я самъ. Сохрани Богъ! Я и думать объ этомъ не хотѣлъ, и далъ себя слово всю жизнь прожить холостякомъ, хотя и были барышни, которыя мнѣ нравились. Только разъ — задолго до того времени, когда я получилъ наслѣдство — увидѣлъ, я одну лэди самага вышшаго круга, и влюбился въ нее безумно. Я ни разу не говорилъ съ нею, но слышалъ, какъ она разговаривала съ другими, и глядѣлъ на нее, любовался ею сто разъ, хотя она никогда не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія. Она и существованія-то моего не подозрѣвала, не только моихъ чувствъ къ ней.

Онъ опять вдохнулъ и потеръ свои потныя руки.

— Встрѣчались вы съ нею съ тѣхъ поръ, какъ разбогатѣли — спросила молодая дѣвушка.

Какъ ни мало походилъ Кимберли на героя романа, однако, оказывалось, что романъ у него есть, и сердечныя страданія его были настолько искренни, что Алиса не могла отнестись къ нимъ совсѣмъ безучастно.

— Много разъ, — отвѣтилъ Больсоверъ на ея вопросъ. — Но, вѣдь, я не джентльменъ, лэди Алиса, и никогда не буду настоящимъ джентльменомъ, хотя бы я себя всѣ комнаты оклеилъ тысячными билетами англійскаго банка. Вѣдь, я отлично знаю, что не деньги дѣлаютъ джентльмена, а воспитаніе и образованіе. А

она—леди, настоящая леди, и никогда не станетъ и глядѣть на меня. Пока я былъ бѣденъ, мнѣ было легче: вѣдь это все равно, какъ если бы я былъ влюбленъ въ луну. А теперь теперь стало хуже: мы встрѣчаемся, она удостоиваетъ разговаривать со мною, но разстояніе между нами отъ этого не уменьшается. Что значать деньги для такого высокаго положенія, какъ ея? Ничего, не правда-ли? Я никогда, ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ, леди Алиса, но мнѣ давно хотѣлось открыться кому-нибудь, облегчить свою грудь, а вы, первая, показали мнѣ доброту и участіе.

Говоря это, Кимберли вытеръ влажные глаза и высморкался, не скрывая одолѣвшей его чувствительности.

— Знаете-ли, что бы я сдѣлала на вашемъ мѣстѣ, мистеръ Кимберли?—сказала дѣвушка.

— А что?—уныло спросилъ онъ.

— Я прямо отправилась бы къ этой особѣ, открыла бы ей свои чувства и попросила бы ее также прямо отвѣтить мнѣ «да» или «нѣтъ»,—посоветовала Алиса, храбро выпрямивъ свою тонкую фигурку.—Вотъ, что я сдѣлала бы, мистеръ Кимберли. Да и вы сами, конечно, то же сдѣлаете, если у васъ есть хотя сколько-нибудь мужества.

— Алиса, душа моя,—возвысилъ голосъ графъ Уиндголь съ другаго конца лужайки,—росисто; пора домой.

Переходя черезъ лужайку къ отцу въ отвѣтъ на его зовъ, Алиса слегка дотронулась вееромъ до руки своего кавалера и сказала:

— Помните, мистеръ Кимберли, что женщины, прежде всего, любятъ смѣлость.

Когда они подошли къ графу и тотъ повернулся, чтобы идти домой, Кимберли удержалъ его на минуту, говоря:

— Удѣлите мнѣ минуту, милордъ; я желалъ бы поговорить съ вами.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ тотъ.—Идите домой, дѣти.

Элла и Алиса обнялись и ушли отъ нихъ, а графъ, обратившись къ гостю, спросилъ:

— Чѣмъ могу служить, Кимберли?

Но въ нѣсколько секундъ въ миллионерѣ уже успѣла произойти перемѣна. Въ душѣ его точно будто открылась какая-то бездна, въ которую разомъ провалилось все мужество, пробужденное въ ней на минуту словами Алисы. Голова его вдругъ опустѣла, языкъ отказался повиноваться и онъ шагалъ возлѣ графа словно

во снѣ. Наконецъ, чувствуя, что необходимо что-нибудь сказать, онъ ухватился за первую мысль, мелькнувшую въ его головѣ.

— Вы серьезно думаете, милордъ, что меня, можетъ быть, и выберутъ, если я буду баллотироваться въ палату общинъ?

— Я почти увѣренъ въ этомъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ я попробую,—проговорилъ Кимберли съ чувствомъ самоубійцы, спускающаго курокъ револьвера.

Х.

Въ одномъ изъ лондонскихъ ресторановъ, посѣщаемыхъ преимущественно ирландцами и актерами, знакомый намъ мистеръ О'Гэнлонъ бесѣдовалъ однажды съ высокимъ, широкоплечимъ мужчиной, внушительнаго вида, съ которымъ не гармонировалъ, однако, костюмъ его. Застегнутый до верху скюртукъ не только досидѣлся, точно покрытый лакомъ, но и былъ мѣстами протертъ до нитокъ. Цилиндръ, очевидно, много разъ побывавшій подъ дождемъ, былъ нѣсколько помятъ съ боковъ; крайне ветхія и порыжелыя перчатки дополняли общее впечатлѣнiе, производимое костюмомъ. Густыя, черныя, необыкновенно подвижныя брови придавали особенный характеръ фizioномiи своимъ постояннымъ движенiемъ даже въ то время, когда все другiя черты лица оставались неподвижными. Бритый подбородокъ и верхняя губа, а также и шея, были синеватые, а правильный, но мясистый носъ былъ красенъ и рѣзко выдѣлялся на болѣзненно-блѣдномъ лицѣ.

— Джо! милѣйшiй! а я ищу васъ!—воскликнулъ О'Гэнлонъ, увидѣвъ этого человека.—Чѣмъ васъ угощать? Ирландскимъ?— Два стакана ирландскаго!—А у меня къ вамъ дѣло и, кажется, хорошее для васъ.

— Что такое?—спросилъ тотъ,—остановивъ руку, несшую къ тубамъ стаканъ.

— Вотъ, что... Да не держите же вашу рюмку съ такимъ угрожающимъ видомъ! Пейте,—вотъ такъ!—Ну, такъ вотъ былъ я на-двухъ въ палатѣ, послушать, какъ О'Бирнъ ирландскую автономiю защищаетъ, и случилось мнѣ сидѣть возлѣ маленькаго джентльмена, расфранченнаго и разолоченнаго, какъ кузла. Я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и оказалось, что онъ застѣнчивъ, какъ пансионерка; разговаривая со мною, онъ то и дѣло краснѣлъ. И какъ бы вы думали, кто это оказался? Ни больше, ни меньше, какъ миллионеръ. Я слышалъ о немъ, писалъ о немъ даже замѣтку, когда онъ неожиданно получилъ наслѣдство, и какъ только онъ подалъ мнѣ свою карточку, такъ я и вспомнилъ. Его

зовутъ Больсоверъ Кимберли. Но вы спросите, какого чорта вамъ-то до всего этого? Сейчасъ объясню. Малютка собирается баллотироваться въ парламентъ и ищетъ учителя декламации. Я вызвался рекомендовать его моему другу, мистеру Лочлевию Кэмерону. Вотъ, видите-ли, Джо, что это до васъ касается? Теперь вамъ ничего болѣе не остается, какъ отправиться въ Лэнгемъ, гдѣ этотъ богачъ остановился, и схватить хорошій купецъ.

Вмѣсто отвѣта, Лочлевию Кэмеронъ развелъ руками и скинулъ краснорѣчивымъ взглядомъ свой костюмъ.

— Да, плохонекъ,—согласился О'Генлонъ тономъ сожалѣнія. —Но развѣ это ваша единственная тога?

— Есть и другая, но вмѣсто нея у меня теперь одни билетки.

— Да! вотъ, что! Нельзя же вмѣсто платья надѣть билетки. Пойдите. Кто здѣсь? Бассетъ, Гольтъ и другихъ много. Я по понедельникамъ нищъ, потому что получаю гонораръ только по субботамъ. Но можно пособрать.

Въ этомъ ресторанѣ не въ первый разъ дѣлался сборъ между ирландцами для нуждающагося соотечественника, и спустя нѣсколько минутъ, О'Генлонъ положилъ передъ своимъ пріятелемъ пяти-фунтовую ассигнацію.

Два часа спустя, швейцаръ одного изъ домовъ Лэнгема увидѣлъ передъ собою крупнаго мужчину, съ сивеватымъ подбородкомъ, краснымъ носомъ и черными, точно намазанными углемъ, бровями, на которомъ все: шляпа, сапоги, бѣлье, перчатки блестяло новизной. Крупный мужчина спросилъ сиплымъ ропотомъ мистера Больсовера Кимберли и подалъ свою карточку.

Платье мистера Кэмерона не носило никакихъ слѣдовъ своего недавняго заключенія, пройдя послѣ того подъ уголомъ портнаго; и держался мистеръ Кэмеронъ такъ величественно, что никто не повѣрилъ бы, что онъ бывалъ когда-нибудь въ тискахъ бѣдности. Въ ожиданіи возвращенія швейцара, онъ прогуливался по сѣнямъ, помахивая тросточкой и мурлыча какую-то пѣсенку. Видно было, что миллионеры ему ни почемъ, и что ихъ такъ же много среди его знакомыхъ, какъ черники въ лѣсу. Когда швейцаръ вернулся и сдалъ его лакею, имѣвшему видъ пастора господствующей церкви, Кэмеронъ послѣдовалъ за нимъ, не переставая напѣвать. Лакей распахнулъ передъ нимъ дверь роскошно убранной гостиной, въ которой его встрѣтилъ маленькій миллионеръ.

— Мистеръ Кэмеронъ? — проговорилъ послѣдній, краснѣя до жорня волосъ.

— Мистеръ Лочлевенъ Кэмеронъ, къ вашимъ услугамъ сэръ, — отвѣтилъ гость съ учтивымъ, но слегка покровительственнымъ поклономъ.

Театральнымъ жестомъ онъ поставилъ шляпу на столъ, оперся обѣими руками на трость и, поглядѣвъ на Кимберли, сказалъ:

— Мой другъ, О'Гэнлонъ, говорилъ вамъ обо мнѣ.

— Да, — отвѣтилъ тотъ. — Я желалъ бы взять нѣсколько уроковъ декламаціи.

Кэмеронъ поклонился и, описавъ въ воздухѣ тростью кругъ, уперся концемъ ея въ полъ и присѣлъ на другой конецъ.

— Графъ Уиндголь, — продолжалъ Кимберли, — уговорилъ меня выступить кандидатомъ въ парламентъ въ моемъ родномъ городѣ, Голлоубѣ; но я не привыкъ говорить публичныя рѣчи, совсѣмъ же умѣю, мистеръ Кэмеронъ; такъ вотъ, я желалъ бы поучиться.

— Прекрасно, — сказалъ тотъ, отступя шага на два влѣво. — Умѣнье говорить публичныя рѣчи просто, свободно и краснорѣчиво, не оцѣненно для общественнаго дѣятеля. Это первое условіе успѣха.

— Я то же думаю, — отвѣчалъ Кимберли. — Знаете-ли, мистеръ Лочлевенъ — ахъ, извините! мистеръ Кэмеронъ, вѣдь, я только недавно разбогатѣлъ и совсѣмъ не былъ подготовленъ, — мнѣ многого недостаетъ.

— Понимаю, сэръ, — сказалъ великолѣпный гость, — вы намѣреваетесь вознаграждать недостатки первоначальнаго воспитанія. Моя система преподаванія непогрѣшима, и я ни разу не испытывалъ неудачи въ продолженіи всей моей долгой практики. Но условія мои, быть можетъ, покажутся вамъ тяжелыми, а я не могу ихъ понизить: мое время слишкомъ занято.

— О, я готовъ, — проговорилъ Кимберли. — Я желалъ бы взять у васъ какъ можно болѣе уроковъ.

— Позвольте, мнѣ нужно сообразить, — сказалъ Кэмеронъ въ раздумьи. Брови его поднялись къ самымъ волосамъ и потомъ вдругъ упали.

— Успѣхъ зависитъ, — изрекъ онъ, — столько же отъ способностей ученика, сколько и отъ искусства учителя. Не предпочтете-ли вы брать ежедневныя уроки?

— Я полагаю, что это было бы лучше. Да, конечно.

— Мои условія за ежедневный часовой урокъ, всего одна гиней. Я понижаю ихъ для правильнаго и быстрого курса.

— Я согласенъ, — отвѣчалъ Кимберли, находя, однако, что это немного дорого. — Можемъ мы начать сегодня же?

— Конечно, это будетъ для меня экономія времени. — Вамъ извѣстно сэръ, — началъ онъ свои наставленія, — что многое зависитъ отъ перваго впечатлѣнія. Первое появленіе кандидата на платформѣ передъ своими избирателями часто имѣетъ рѣшающее дѣйствіе. Только наставленіе, какъ держать себя на платформѣ, составляетъ дополнительную статью, и если вы желаете изучать и это искусство, то плата за урокъ будетъ въ полторы гиней.

Большоверъ Кимберли пожелалъ выучиться искусству держать себя на платформѣ и согласился на условія. Учитель поставилъ посреди комнаты стулъ и столъ.

— Вообразите себѣ, что эта зала наполнена публикою, — сказалъ онъ, — передъ которою вамъ предстоитъ говорить. Вы стоите теперь у подножія лѣстницы, скрытые отъ взоровъ собранія. Потрудитесь, сэръ, приблизиться къ столу и сѣсть.

Кажется, не велика трудность сдѣлать нѣсколько шаговъ и сѣсть на стулъ, въ присутствіи всего одного зрителя, но Кимберли показалось, что еще никогда въ жизни не преодолевалъ отъ такой тяжелой задачи. Ему мѣшали и руки его, и ноги. Онъ уперся подбородкомъ въ грудь, бокомъ подошелъ къ стулу и сѣлъ на него съ видомъ чловѣка, у котораго трещина въ костюмѣ, и онъ боится, какъ бы ее не увидали.

— Нѣтъ, сэръ, не такъ; позвольте, — сказалъ учитель тономъ упрека.

Онъ придвинулъ стулъ къ другой сторонѣ стола и, держа въ одной рукѣ шляпу, въ другой трость, отошелъ въ дальній конецъ комнаты. Тамъ, переложивъ трость подъ мышку лѣвой руки и держа тою же рукой шляпу, правою онъ легкимъ и граціознымъ движеніемъ поправилъ волосы. Потомъ заложилъ эту руку за бортъ сюртука и величаво, съ пріятливою улыбкой, подошелъ къ столу, деликатно положилъ на него шляпу и трость и опустился на стулъ, придвинувъ его къ себѣ за спинку лѣвою рукой и потомъ небрежно свѣсивъ руку черезъ спинку.

— Вотъ, какъ надо, сэръ, — сказалъ онъ. — Попробуйте такъ.

Кимберли всталъ и попытался подражать ему. Учитель поворачивалъ, переставлялъ, выправлялъ его, какъ фельдфебель новаго рекрута. Бѣдный Кимберли, съ несвойственно ему задран-

ною вверхъ головой, съ тростью подъ мышкой, со шляпой въ рукѣ, съ запущенною за бортъ сюртука рукой, чувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ статуи человѣческаго несчастія.

— Ну, сэръ, теперь подходите!—скомандовалъ наставникъ, и Кимберли, какъ автоматъ, зашагалъ къ столу, отъ всей души желая провалиться сквозь полъ.

— Лучше! теперь гораздо лучше,—одобрилъ актеръ, слѣдя за нимъ критическимъ взглядомъ.—Немного повеселѣе, если можно! Помните, сэръ, что выраженіе лица—очень важная статья. Впрочемъ, это дѣло привычки. Прежде всего, нужно учиться выходить на сцену. Не угодно-ли повторить?

Кимберли снова выступилъ и сѣлъ, и Камеронъ поправилъ позу, передвинулъ руки, ноги, потомъ, отойдя шага на два, поглядѣлъ на него, свѣсивъ голову на грудь, и опять подошелъ, чтобы поправить. Въ эту минуту раздался стукъ въ дверь, и клерикальнаго вида слуга подалъ на подносѣ визитную карточку.

— Просите,—сказалъ Кимберли тономъ покорности судьбѣ, взглянувъ на карточку.—Это мистеръ Эмили,—пояснилъ онъ актеру, по уходѣ слуги;—онъ помогъ мнѣ въ одномъ литературномъ дѣлѣ, и будетъ помогать сочинять рѣчи.

— Не имѣю чести знать,—отвѣтилъ актеръ своимъ густымъ, звучнымъ голосомъ.—Очень радъ познакомиться.

Вошелъ мистеръ Эмили и, пожавъ руку хозяину, обмѣнялся съ Камерономъ поклономъ, съ одной стороны короткимъ и сухимъ, а съ другой—медленнымъ и театрално-изученнымъ.

— Кто это еще присосался къ нему?—подумалъ Эмили, окинувъ незнакомца пытливымъ взглядомъ.—Похожъ на актера.

Хотя о Кимберли можно было сказать, какъ въ балладѣ «Робинъ Гудъ»:

Епископъ онъ былъ, жирный баронъ,
Отрѣжь и пряди опять...

однако, все же въ Эмили шевельнулось что-то въ родѣ ревности къ челоуѣку, запустившему свою вилку въ одинъ кусокъ съ нимъ.

Кимберли представилъ ихъ другъ другу, пояснивъ въ двухъ словахъ свои отношенія къ каждому изъ нихъ.

Эмили досталъ изъ груднаго кармана рукопись и положилъ на столъ.

— Это то, о чемъ мы вчера бесѣдовали,—пояснилъ онъ своимъ отрывистымъ, нервнымъ тономъ.—Кажется, я ничего не пропустилъ.

— Не потрудитесь-ли прочесть, сэръ,—попросилъ Кимберли.— Мистеру Камерону не мѣшаетъ послушать вмѣстѣ со мною. Мы будемъ знать тогда, что намъ представлять.

Мистеръ Эмили согласился и, развернувъ рукопись, сталъ разглаживать ее рукой.

— По стакану вина, джентльмены,—предложилъ хозяинъ и позвонилъ, чтобы велѣть подать шампанскаго. Онъ иначе не угощалъ теперь, какъ шампанскимъ, хотя самъ предпочиталъ пиво.

Вскорѣ на столѣ явились шампанское и ящикъ съ сигарами. Эмили, заложивъ ногу на ногу, принялъ такой значительный видъ, что, казалось, каждый волосокъ на его головѣ проникся самоуваженіемъ, и началъ читать:

«Милорды и джентльмены! Выступая въ первый разъ кандидатомъ на почетное званіе члена парламента, я считаю долгомъ заявить, что дѣлаю это не по собственной инициативѣ. Самъ собою я не рѣшился бы выступить передъ вами, но не уступить дружескому давленію, которое было оказано на меня въ этомъ случаѣ,—я не считалъ себя въ правѣ».

— Не повѣрять!—подумалъ бѣдный кандидатъ, испытывая на себѣ впечатлѣніе тона, какимъ произнесъ все это Эмили.

«Графъ Уиндголь,—продолжалъ тотъ,—можетъ засвидѣтельствовать, что я согласился неохотно».

— Это слѣдовало бы вычеркнуть,—робко замѣтилъ миллионеръ.—Согласился-то я, правда, неохотно, только врядъ-ли лордъ Уиндголь повѣрилъ этому.

Эмили взялъ перо, и, не говоря ни слова, вычеркнулъ послѣднія слова. Все, что ни говорилъ и ни дѣлалъ этотъ богачъ, только укрѣпляло въ молодомъ журналистѣ его презрѣніе къ нему. Эмили прочелъ фразу, которою онъ замѣнилъ вычеркнутое.

«Я вполне сознаю всѣ свои недочеты, и отнюдь не выдаю себя за идеальнаго кандидата».

— Какъ это похоже на хвастовство!—подумалъ Кимберли.

И дѣйствительно, въ соединеніи съ тономъ и манерой Эмили, эти слова теряли все свое скромное значеніе.

«Я ничего не имѣю противъ кандидата противоположной стороны,—продолжалъ мистеръ Эмили,—и не стану взывать противъ него къ партійному духу или къ политическимъ страстямъ».

— Слушайте, слушайте!—вскричалъ актеръ.—Очень хорошо сказано!

«Лично я питаю полное уваженіе къ маіору Септимусу Гэрдю, и постараюсь доказать это на дѣлѣ».

Слова эти были выговорены такимъ рѣжущимъ голосомъ, что въ нихъ слышалась скорѣе угроза, чѣмъ уваженіе къ противнику. Если бы Кимберли былъ способенъ отдѣлать самого Эмили отъ его рѣчи, то, можетъ быть, онъ остался бы доволенъ; но въ томъ-то и дѣло, что то и другое сливалось въ его представленіи, и, мало того, онъ и самого себя сливалъ съ Эмили. Получалось какое-то сложное впечатлѣніе, крайне тяжелое для него.

Эмили заключилъ увѣреніемъ, что онъ, Кимберли, знаетъ интересы голлоубэйскихъ жителей лучше кого бы то ни было, такъ какъ онъ «не пришелецъ, а коренной житель города», и даже ради собственныхъ выгодъ, «если бы онъ былъ способенъ руководствоваться эгоистическими побужденіями», — долженъ желать его процвѣтанія.

— Превосходно! — одобрилъ Кэмеронъ. — Я останавливался въ виду рукоплесканій, послѣ cadaго изъ послѣднихъ періодовъ.

Какъ это все казалось бѣдному Кимберли холодно и разсчитано! Какъ ни страшно было заглядывать впередъ на все, что его ожидало, однако, онъ начиналъ думать, что предоставленный самому себѣ, онъ сказалъ бы и сдѣлалъ бы все это лучше. Даже если бы онъ и провалился, то, по крайней мѣрѣ, съ сознаниемъ, что не прибѣгалъ къ подобнымъ махинаціямъ.

Но, вспомнивъ свою грамматику, свое вульгарное произношеніе, свои неуклюжія манеры и непобѣдимую застѣнчивость, онъ снова почувствовалъ себя ничтожнымъ атомомъ, которому предстоитъ преодолѣть цѣлыя горы затрудненій.

Эмили былъ очень доволенъ, что заслужилъ одобреніе актера, которое онъ цѣнилъ гораздо выше одобренія своего патрона. На лицѣ его появилось что-то въ родѣ улыбки, когда онъ положилъ рукопись и откинулся на спинку стула.

Какъ ни тяжело было Кимберли со своими гостями, но онъ былъ слишкомъ добръ, чтобы дать имъ понять, что аудіенція кончилась, и слишкомъ робокъ, чтобы самому убѣжать отъ нихъ. Они продолжали бесѣдовать между собою за виномъ и сигарами, между тѣмъ, какъ хозяинъ томился скукой.

— Будемъ мы продолжать урокъ? — спросилъ Кэмеронъ, когда бутылка была опорожнена.

— Нѣтъ, лучше бы отложить, — отвѣтилъ хозяинъ. — Въ какомъ часу вы можете быть завтра?

Кэмеронъ, сердце котораго размягло отъ шампанскаго, до-

полпившаго дѣйствіе угощенія О'Тэнлона, чуть было не сказать, что онъ готовъ къ услугамъ своего ученика во все часы дня, но, къ счастью, во время спохватился и, послѣ глубокаго соображенія, объявилъ дѣловымъ тономъ, что онъ свободенъ отъ девяти до десяти утра, и отъ трехъ до четырехъ дня.

Большоверъ избралъ послѣдній изъ этихъ часовъ, и актеръ откланялся, получивъ свой гонораръ. Эмили, также получившій должное, ушелъ вмѣстѣ съ нимъ, и миллионеръ, оставшись одинъ въ своей большой и роскошной гостиной, задумался о будущемъ, которое представлялось ему совсѣмъ не заманчивымъ. Онъ чувствовалъ себя склоннымъ къ подозрительности; какъ ни мало зналъ онъ людей, а уже начиналъ недоувѣрять имъ. Съ какою цѣлью этотъ Уиндголь толкаетъ его въ палату? Или въ городскихъ сплетняхъ есть доля правды и его хотятъ поднять прежде, чѣмъ женить? Вспомнился ему и совѣтъ Алисы, когда онъ открылъ ей отчасти больное мѣсто своего сердца. Неужели и эта веселая, свѣжая, и повидимому такая искренняя дѣвочка уже способна поступать по расчету.

Но все эти горькія разочарованія были ничто въ сравненіи съ мыслью, что Элла также участвуетъ въ заговорѣ отца и сестры, и одобряетъ эту ловлю разбогатѣвшаго клерка. Но что же, неужели онъ думаетъ, что его можно любить для него самого, а не за его деньги? Ха! его-то любить!—Онъ машинально взглянулъ на себя въ зеркало и чуть не заплакалъ.

— Глупецъ! Кто его станетъ любить? Кто его когда-нибудь любилъ?.. Ахъ! Уже лучше бы всю жизнь оставаться бѣднякомъ.

Но вдругъ въ памяти его, живымъ упрекомъ, встала картина той ночи въ паркѣ, когда онъ бесѣдовалъ съ Алисой, слушалъ соловья и любовался издали на предметъ своей любви. Какъ хороша была эта ночь! Какъ онъ былъ счастливъ въ тѣ минуты! Уже за однѣ эти минуты онъ долженъ быть благодаренъ судьбѣ, пославшей ему богатство, безъ котораго ему не довелось бы испытать подобнаго счастья.

— Просто на просто,—сказалъ онъ себѣ,—деньги уже испортили меня. Прежде я не былъ такимъ подозрительнымъ. Вмѣсто того, чтобы быть скромнымъ и благодарнымъ за все, что мнѣ дается, я забралъ себѣ въ голову ни въсть что. Милордъ съ перваго же знакомства сказалъ мнѣ, что богатство «влечетъ за собою не однѣ преимущества, но и обязанности». Онъ хочетъ помочь мнѣ исполнять ихъ, а я, вмѣсто благодарности, подозрѣваю его въ мерзкихъ расчетахъ.

И онъ сталъ винить и бранить самаго себя, хотя и не со-
всѣмъ справедливо. Ему было легче винить себя, чѣмъ другихъ.

XI.

Человѣкъ такъ устроенъ, что привыкаетъ ко всему; вскорѣ
и Кимберли началъ привыкать, и къ своему богатству, и къ уро-
камъ сочиненія и говоренія публичныхъ рѣчей. Онъ преодоле-
валъ понемногу свою застѣнчивость и не конфузился, по крайней
мѣрѣ, въ присутствіи двухъ своихъ учителей. Онъ усердно посѣщалъ
парламентскія пренія, вѣдушивался въ рѣчи ораторовъ, напря-
галъ всѣ свои силы и знанія, чтобы понять ихъ. Когда Уинд-
голь пріѣхалъ вслѣдъ затѣмъ въ Лондонъ и увидѣлся съ нимъ,
онъ былъ удивленъ происшедшею въ немъ перемѣной къ луч-
шему.

Любовь придавала ему терпѣнія, подерѣпляла его мужество,
изошряла его умъ. Особенно настойчиво старался онъ отучиться
отъ усвоеннаго съ дѣтства вульгарнаго произношенія, которое
должно было ежеминутно напоминать Эллу объ его низкомъ про-
исхожденіи. Что пользы имѣть въ жилахъ кровь Коммодора,
когда никто не можетъ принимать тебя за джентльмена?

Между тѣмъ, предсказанія Уиндголя оправдались; осенью пра-
вительство распустило палату и созвало новые выборы. По-
странѣ пошло обычное въ этихъ случаяхъ броженіе, и любезные
и великодушные джентльмены, контролирующие, поочередн, судь-
бы страны, скушали обычную порцію неумѣренной лести и не-
заслуженной хулы. По обыкновенію, оказалось, что страна на-
ходится на краю банкротства, и въ то время, какъ одну половину
населенія увѣряли, что она можетъ быть спасена только такими-
то мѣрами, другой по пальцамъ доказывали, что спасеніе воз-
можно только мѣрами прямо противоположными.

Кимберли храбро выступилъ въ числѣ кандидатовъ въ спа-
сители отечества, и главною квартирой его на время избиратель-
ной борьбы сдѣлался Шульдершотъ-Кэстль. Стѣны голлоубѣй-
скихъ улицъ покрылись афишами, на которыхъ было написано
огненными буквами: «*Поддавайте голоса за Кимберли, друга на-
рода*»; или «*Кимберли и конституція*»; или «*Голлоубѣй за Ким-
берли*».

Кандидатъ съѣжился и затрясся, увидавъ въ первый разъ эти
афиши; а когда онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Уиндголемъ въ централь-
ный комитетъ, и толпа, узнавъ его, начала кричать ему «*вивать*»

и бѣжать за экипажемъ, онъ такъ замѣтно вспыхнулъ, а потомъ поблѣднѣлъ, что графъ испугался, думая, что ему дурно.

Уиндголь сдвигалъ для него въ этомъ случаѣ все, что могъ. Онъ говорилъ за него, когда было можно, въ собраніяхъ комитета, председательствовалъ за него на избирательныхъ митингахъ, и вообще былъ неутомимъ въ своихъ услугахъ. Эмили жилъ, на счетъ своего патрона, въ гостинницѣ «Уиндгольскаго Герба», собирая замѣтки для рѣчей кандидата и строча въ газетѣ пасквили противъ маіора Гэрда, — занятіе, доставлявшее ему большое наслажденіе.

Джэкъ Клэръ, разумѣется, участвовалъ въ избирательной борьбѣ въ качествѣ адъютанта либеральнаго кандидата. Къ несчастію, благодаря его вмѣшательству, въ эту борьбу было подлито не мало желчи. Молодой человѣкъ увѣрилъ себя, что если есть на свѣтѣ продажный негодай, достойный быть главой и предводителемъ всѣхъ подобныхъ негодаевъ, то это лордъ Уиндголь. Всякій согласится, что такое мнѣніе было слишкомъ крайнимъ въ примѣненіи къ человѣку, виновному только въ томъ, что онъ желалъ выдать дочь свою за миллионера; но Клэръ вѣрилъ въ справедливость его, какъ въ евангеліе. Кимберли онъ не видалъ никогда въ жизни, хотя ненавидѣлъ отъ всей души. Маіоръ Гэрдъ былъ другомъ Клэра и послѣднему ничего не стоило увѣрить себя, что его побуждаютъ принимать такое горячее участіе въ избирательной борьбѣ только политическія убѣжденія его, да дружба къ либеральному кандидату.

Лордъ Монтэкутъ, въ ужасѣ отъ измѣны Джэка той партіи, въ которой всегда принадлежала его фамилія, пріѣхалъ въ Голлоубэй, чтобы поддержать своимъ рѣчами кандидатуру Кимберли. Но Клэръ былъ краснорѣчивѣе его и антагонизмъ между братьями придалъ ему престижъ и популярность. Молодой аристократъ, подкапывающійся подъ аристократическія учрежденія, всегда можетъ рассчитывать на сочувствіе толпы, которую увлекаетъ все новое и смѣлое. Джэкъ съ ожесточеніемъ нападалъ на либерально-консервативнаго кандидата и на его знатнаго «вожака», какъ онъ называлъ графа Уиндголя. Онъ называлъ въ своихъ рѣчахъ «тройственный союзъ» между «бывшимъ конторщикомъ, газетнымъ строчиломъ и англійскимъ перомъ мастерскою комбинаціею денегъ, яда и вліянія».

Что касается до яда, то мистеръ Эмили дѣйствительно старался оправдать намеки Клэра. Безцвѣтный редакторъ консервативнаго «Голлоубэйскаго Знамени» былъ устраненъ на время

выборѣвъ отъ политическаго отдѣла, предоставленнаго въ распоряженіе Эмили.

Но что придавало въ глазахъ толпы особенную пикантность этой избирательной борьбѣ, такъ это личные чувства, лежавшія въ основѣ ея. Джэкъ Клэръ не подозрѣвалъ, что голлоубейской публикѣ очень хорошо извѣстна причина его явной ненависти къ лорду Уиндголю и его кандидату. Лордъ Уиндголь зналъ это, и тайный стыдъ по поводу его плановъ на Кимберли мучилъ его отъ этого еще сильнѣе. Разумѣется, все это не дѣлало Джэка Клэра пріятелемъ ему, и разгоравшаяся между ними ненависть грозила пустить корни на всю жизнь.

Бѣдная Элла, у которой уже и безъ того было разбито сердце, подвергалась все новымъ и новымъ испытаніямъ. Поведеніе Джэка казалось ей непростительнымъ, тѣмъ болѣе, что она не подозрѣвала видовъ своего отца на Кимберли. Разъ, когда она ѣхала по городу виѣстѣ съ отцомъ и Алисой, имъ встрѣтился Джэкъ Клэръ, шедшій подъ руку съ маіоромъ Гэрдомъ. Онъ приподнял шляпу, но отецъ ея сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Элла отвѣтила поклономъ и ее поразила ненависть, которую она прочла во взглядѣ своего возлюбленнаго,—ненависть, какъ ей казалось, незаслуженная и непонятная. Отецъ взглянулъ на нее и отъ него не укрылась блѣдность, покрывшая ея лицо, но онъ промолчалъ.

На Клэра эта встрѣча произвела раздражающее дѣйствіе и онъ сталъ перебирать въ умѣ всѣ неиспытанныя еще средства мести ненавистному Уиндголю. Между прочимъ, онъ напалъ на одно, которое ему понравилось.

Въ Голлоубѣвъ проживалъ проѣздомъ знаменитый каррикатуристъ Сильвестръ, съ которымъ Клэръ былъ знакомъ еще по встрѣчамъ въ Лондонѣ. Простившись съ маіоромъ, которому онъ ни слова не сказалъ о своемъ планѣ, Джэкъ направился къ той гостинницѣ, гдѣ проживалъ Сильвестръ.

— Вы хотите отдыхать здѣсь, или возьметесь за работу?—спросилъ Клэръ,—когда тотъ ввелъ его въ свой номеръ.

— Одинъ день можно поработать,—равнодушно отвѣтилъ художникъ, ставя передъ гостемъ виски съ содовою водою. А что вамъ?

— Мнѣ нужна карриатура на консервативную шайку,—мрачно отвѣтилъ Джэкъ.

— Идея есть?—спросилъ Сильвестръ, беря предложенную сигару.

— Найдите сами. Лордъ Уиндголь служить жоакомъ консервативнаго кандидата, и я хотѣлъ бы, чтобы вы изобразили какъ-нибудь эту чету.

— Эге! Знаю, куда мѣтиты!—сказалъ художникъ. До него уже дошли городскія сплетни, хотя онъ не зналъ, какую роль играетъ въ нихъ Джэкъ.— Не по вкусу придется и кандидату.

— И прекрасно. Обработайте ихъ обоихъ. Только это должно оставаться между нами,—прибавилъ Джэкъ.—Маіоръ Гэрдъ противникъ этого рода оружія, а я нѣтъ. Заплачу вамъ я.

— Хорошо,—весело сказалъ Сильвестръ;—я вамъ это оборудую за пяти-фунтовый билетъ со смѣхомъ въ придачу. Только мнѣ нужно видѣть эту парочку.

— Вы можете получить карточку Уиндголя у каждаго изъ здѣшнихъ фотографовъ; а вотъ съ кандидатомъ, такъ ужъ я не знаю какъ быть.

— Мнѣ нужно взглянуть на него,—сказалъ художникъ.—Это будетъ лучше цѣлой сотни карточекъ.

— Но не можете же вы нарисовать портретъ человѣка съ одного взгляда на него,—замѣтилъ Кларъ.

— Я-то не могу?—возразилъ Сильвестръ.—Пойдемте къ окну и укажите мнѣ на кого-нибудь изъ прохожихъ, кто вамъ знакомъ.

— Вотъ, банкиръ Уорренъ, физіономія замѣтная, — указалъ Джэкъ.

— Да, физія благодарная,—подтвердилъ художникъ, внимательно всматриваясь въ прохожаго.

Потомъ онъ повернулся къ окну спиной и досталъ свой карманный альбомъ съ карандашемъ. Онъ медленно и тщательно провелъ нѣсколько чертъ, посмотрѣлъ на нихъ, откинувъ голову назадъ, прибавилъ еще нѣсколько и толкнулъ альбомъ черезъ столъ къ Джэку. Сходство было поразительное, хотя въ каррикатурѣ.

— Я вамъ говорилъ, что мнѣ довольно взглянуть одинъ разъ,—сказалъ онъ съ прощительнымъ въ этомъ случаѣ самодовольствомъ.—Гдѣ я могу видѣть Кимберли?—спросилъ онъ, немного погодя.

— На одномъ изъ его митинговъ. Я не знаю этой твари, но то указалъ бы вамъ на него. Навѣрное, онъ торчитъ тутъ гдѣ-нибудь подъ городомъ.

Джэкъ ничего не зналъ о Кимберли, кромѣ того, что онъ изъ бѣдняковъ сдѣлался миллионеромъ, и что графъ Уиндголь ловитъ его въ женихи одной изъ своихъ дочерей, по этому послѣднего

свѣдѣнія было для Джэка вполне достаточно, чтобы возненавидѣть безобиднаго маленькаго человѣчка всѣми силами своей души. Этотъ подлый аристократъ, хладнокровно разбившій сердце честнаго человѣка, старается теперь продать свою дочь, наследницу столичныхъ покладливѣй людей съ облагороженными инстинктами, съ утонченными воспитаніемъ, вульгарному, неотесанному выскочкѣ! Естественно, что выскочка былъ преданъ опалѣ вмѣстѣ съ аристократомъ. Ненависть и презрѣніе овладѣвали Джэкомъ до бѣшенства, когда онъ думалъ объ этихъ двухъ личностяхъ, а думалъ онъ о нихъ почти постоянно.

— Пришлите мнѣ копію, когда сдѣлаете, — сказалъ онъ, вставая. — Я долженъ идти.

Онъ чувствовалъ потребность быть однимъ.

— Хорошо, — сказалъ художникъ, — я ихъ обработаю.

Джэкъ ушелъ, почти презирая себя за этотъ подвохъ, но припомнивъ ядовитыя шпильки, которыя пускалъ въ противную партію Эмили, онъ немного успокоился. Почти сейчасъ же вслѣдъ за нимъ вышелъ и художникъ, что то крѣпко обдумывая. Немного погодя, онъ остановился подъ окнами главнаго избирательнаго комитета Кимберли.

— Отлично! — рѣшилъ онъ про себя, и бросивъ окурокъ сигары, вошелъ въ гостиницу «Уиндголосокаго Герба». Онъ спросилъ, можно-ли видѣть мистера Кимберли, у котораго какъ разъ въ эту минуту сидѣлъ графъ Уиндголь.

Сильвестръ послалъ свою карточку и тотчасъ же былъ принятъ.

— Мистеръ Кимберли? — спросилъ онъ, переводя глаза съ одного лица на другое.

Милліонеръ поклонился и художникъ остановилъ на немъ свой творческій взглядъ.

— Вы видите по моей карточкѣ, что я служу представителемъ иллюстрированной газеты. Я былъ бы очень признателенъ вамъ, если бы вы дали мнѣ вашу фотографическую картонку. Для портрета, — прибавилъ онъ любезно.

Кимберли посмотрѣлъ на милорда, какъ бы спрашивая его совѣта, и милордъ вложилъ визитную карточку изъ его протянутой руки.

— Мистеръ Сильвестръ, — отъ «Бича», — сказалъ Уиндголь. — Очень радъ служить, — не такъ-ли Кимберли?

— О конечно, — подтвердилъ тотъ, и слуга тотчасъ былъ пос-

ланъ къ фотографу за копіей съ портрета Кимберли, только-что появившагося на радость голлоубѣйскихъ жителей.

Въ ожиданіи слуги, Уиндголь вступилъ въ разговоръ съ художникомъ, хвалилъ его замѣчательно остроумныя и талантливыя каррикатуры; а Кимберли пригласилъ его освѣжиться виномъ и выкурить сигару. И вино, и сигара были перваго сорта.

Выходя отъ него съ невужнымъ портретомъ въ карманѣ, Сильвестръ увидѣлъ стоящую у подъезда гостиницы карету съ графскимъ гербомъ, а въ каретѣ молодое, женское личико такой красоты, что даже избалованный взглядъ художника остановился на немъ съ восторгомъ.

— Это не дочь-ли лорда Уиндголя?—тихо спросилъ онъ стоявшаго у дверей швейцара.

— Да, сэръ, это леди Элла Сонттерръ.

Сильвестръ бросилъ на нее еще одинъ внимательный взглядъ и ушелъ, унося въ своей памяти три лица, вмѣсто одного. Онъ шелъ, посмѣиваясь себѣ въ борсду, надъ своими собственными фантазіями.

— Стэндингъ?—проговорилъ онъ, наконецъ, озираясь вокругъ. Стэндингъ, граверъ на мѣди, литографія, — гдѣ же это? А-га! Вотъ онъ!

Онъ вошелъ въ контору литографіи.

— Есть у васъ камни большаго формата?—спросилъ онъ.

— Есть, сэръ, какаго угодно.

— Мнѣ нужно сдѣлать рисунковъ приблизительно въ половину печатнаго листа, и двѣсти экземпляровъ какъ можно скорѣе.

— У насъ имѣется первоклассный художникъ для рисунковъ, сэръ,—сказалъ литографщикъ, не повенивъ изъ скромности, что это онъ самъ.

— Рисовать на камнѣ буду я самъ, — объявилъ Сильвестръ, и литографщикъ, узнавъ, что онъ намѣренъ приняться за дѣло тотчасъ же, свелъ его въ мастерскую.

Немного погодя, передъ нимъ были положены всѣ необходимыя матеріалы и онъ, въ шляпѣ на бекрень, съ сигарой въ углу рта и съ бродячею улыбкой на лицѣ, глядѣлъ на нихъ, молча, нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ приняться за дѣло.

Владѣлецъ типографіи наблюдалъ за нимъ, любопытствуя знать, что выйдетъ изъ этой любительской попытки. У каждаго художника свой пріемъ, а у Сильвестра былъ даже очень оригинальный. Онъ провелъ нѣсколько отдѣльныхъ линій по всей площади рисунка и сначала казалось, что эти линіи ничего не оз-

начаютъ, хотя онѣ были сдѣланы твердою и умѣлою рукою, и такъ чисто, какъ только могъ бы сдѣлать самый опытный граверъ. Но нѣсколько дополнительныхъ линій намѣтили шляпу съ широкими полями, носокъ сапога, разорванную полу жакетки. Затѣмъ отдѣльныя: черточки сблизились и образовали три фигуры мужчины, дѣвушки въ щегольскомъ нарядѣ, и обезьяны. Группа, полная жизни, обличала руку мастера. Обезьяна сидѣла на органѣ и въ протянутой къ ней рукѣ дѣвушки былъ какой-то овальный дискъ,

Литографщикъ слѣдилъ съ возрастающимъ интересомъ и видѣлъ, какъ обезьянья морда вдругъ, почти съ одного штриха, превратилась въ поразительно схожее лицо консервативнаго кандидата. Еще немного—и шарманщикъ, подплясывавшій подъ собственную музыку, оказался портретомъ сѣятельнаго лорда Уиндгола. Отъ руки шарманщика къ поясу обезьяны протянулась фантастическая цѣпь, звенья которой оказались буквами, составлявшими слова: «Взаимная выгода». Рѣзба съ наружной стороны шарманки также состояла изъ буквъ и на ней читалось: «Два милліона стерлинговъ».

Литографщикъ, стоявшій теперь позади художника, громко засмѣялся, и самъ художникъ, поощряемый его смѣхомъ, присоединился къ нему, довольный своею изобрѣтательностью.

— Позвольте узнать, не съ мистеромъ-ли Сильвестромъ я имѣю честь говорить?—освѣдомился хозяинъ.

— Съ нимъ,—отвѣтилъ художникъ съ улыбкой, обернувшись. А вы почему это спрашиваете?

— Я узнаю вашъ рисунокъ, сэръ,—отвѣтилъ тотъ, понижая голосъ въ благоговѣйномъ восторгѣ.—Я каждую недѣлю, сэръ, люблюсь вашими произведениями въ «Бичъ». Удивительный у васъ рисунокъ, сэръ! Позвольте узнать, что вы хотите сдѣлать изъ женской фигуры?

— А вотъ увидите,—отвѣтилъ Сильвестръ, закуривая новую сигару.—Посмотримъ сначала, узнаете-ли вы ее.

Лицо дамы еще не было нарисовано. Видна была только граціозная, маленькая шляпка, выбившійся изъ нея локонь и тонкая линія, обозначающая округленности щеки и подбородка. Этимъ лицомъ Сильвестръ занялся старательнѣе, чѣмъ другими, и оно быстро приняло сходство съ лицомъ леди Эллы. Художникъ поощадило его и не сдѣлалъ изъ него карриатуры, какъ изъ лицъ графа и его креатуры.

— Узнаю! какъ не узнать!— вскричалъ литографщикъ.— Это лучшая изъ троицъ. Но что она держитъ въ рукѣ?

Вмѣсто отвѣта, рисовальщикъ снова принялся за работу и овальный дискъ съ неправильными углами превратился въ ватрушку, на которой изъ коринокъ были составлены слова: «общественное положеніе». Дама съ любезно-снихождительнымъ видомъ подавала ватрушку обезьянѣ.

— Великолѣпно! поразительно!— кричалъ литографщикъ.— Весь городъ захохочетъ! Сходство бьетъ въ глаза.

Сильвестръ не оттушевывалъ своего произведенія, а только утолщилъ вѣшніе контуры и, быстро довершивъ рисунокъ, даль хозяину письменный ордеръ на капитана Клэра, для полученія платы, велѣлъ доставить первые оттиски къ нему и къ себѣ, и простился, довольный собою.

— Знаете-ли, что? сказала Стэндингъ, провожая его:— я пошлю нѣсколько экземпляровъ съ надежнымъ человѣкомъ въ Шульдершотъ-Кэстль и велю наклеить тамъ въ паркѣ.

При этой великодушной мысли оба весело засмѣялись, хотя ни тотъ, ни другой не были хуже большинства людей. Въ каминосвященный обычай позволялъ пакостить противнику во время выборовъ всѣми способами, и ни одному изъ этихъ людей не приходило въ голову, что ихъ злая шутка можетъ заставить кого-нибудь страдать.

Мистеръ Стэндингъ болѣе чѣмъ сдержалъ свое слово: онъ не только украсилъ рисункомъ паркъ Шульдершотъ-Кэстля, но и покрылъ экземплярами его весь лицевой фасадъ нижняго этажа гостиницы «Уиндгольскаго Герба». Какой-то шутникъ изъ приверженцевъ либеральнаго кандидата, вѣря, какъ и всѣ люди его партіи, въ предосудительность союза графа Уиндголя съ консервативнымъ кандидатомъ, купилъ три экземпляра каррикатуры и послалъ ихъ графу, леди Эллѣ и Кимберли, каждому отдѣльно. Къ счастью, Уиндголь самъ открылъ въ это утро почтовый ящикъ и, увидѣвъ листокъ, адресованный на его имя, конфисковалъ и два другіе, и сжегъ ихъ.

Но Кимберли въ тотъ же день увидѣлъ ужасную карриатуру на городскихъ улицахъ, а леди Элла, гуляя съ сестрою по парку, нашла ее наклеенною на толстомъ буквомъ стволѣ, листва котораго была снесена ударомъ молніи. Элла нашла карриатуру грубою и вульгарною, и совсѣмъ не поняла своей роли въ ней. Первое подозрѣніе ея пало на Джэка Клэра, но она тотчасъ прогнала эту мысль: возможно-ли, чтобы въ такомъ гнусномъ, воз-

мутительномъ оскорбленіи, нанесенномъ ей, ея отцу и гостю ихъ, былъ замѣшанъ любимый ею человекъ.

Но болѣе всѣхъ пострадалъ отъ пущенной имъ сатирической бомбы самъ Джэкъ Клэръ. Копія съ каррикатуры пришла къ нему въ полковую казарму, и онъ развернулъ ее съ довольною улыбкой. На талантъ и остроуміе Сильвестра можно было подожиться, а онъ сказалъ, что ему извѣстно большое мѣсто кандидата и покровителя его. Но каковъ же былъ ужасъ Клэра, когда развернувъ листокъ, онъ увидѣлъ на немъ царипу своей души, Эдлу! Въ первую минуту, онъ словно окаменѣлъ; потомъ схватилъ себя за волосы и сталъ бѣгать по комнатамъ въ безумномъ отчаяніи, бѣшено потрясая кулаками по адресу Сильвестра. Попадись ему тотъ подъ руку въ эту минуту, онъ растерзалъ бы его въ клочки.

Освободившись отъ обязанностей службы, Клэръ помчался въ Голлоубэй, прямо къ маіору Гэрду, посоветоваться, что дѣлать. Тотъ былъ пораженъ и возмущенъ не менѣе его самого, и тотчасъ послалъ людей сорвать всѣ расклеенные листки каррикатуры.

— Если бы я зналъ, кто это внушилъ, — кричалъ маіоръ, дергая себя за длинные усы и весь красный отъ негодованія, — я сдѣлалъ бы пятьдесятъ миль лишь для того, чтобы разбить носъ этому человеку. Клянусь, сэръ, сдѣлалъ бы!

— Если бы мнѣ попался въ руки тотъ, кто это исполнилъ, — кричалъ Джэкъ съ полною искренностью, хотя и сознавая, что главный виновникъ онъ самъ, — я передомалъ бы ему всѣ ребра!

Къ счастью для всѣхъ сторонъ, гениальный каррикатуристъ еще наканунѣ уѣхалъ въ Лондонъ, вызванный туда по случаю серьезной болѣзни одного изъ своихъ коллегъ, и Джэкъ Клэръ встрѣтился съ нимъ послѣ того только черезъ годъ.

Между тѣмъ, грубая сатира сильно заинтересовала публику и литографщикъ сдѣлалъ очень выгодную аферу. Онъ распродалъ ея въ частныя руки болѣе трехсотъ экземпляровъ. За то ненависть между противными партіями разгорѣлась неугасимымъ пожаромъ.

Между тѣмъ, избирательная борьба шла къ предначертанному судьбой результату и, по окончаніи всѣхъ ея ужасовъ, передъ Кимберли открылась новая, еще болѣе ужасная, перспектива: вступленія въ палату общинъ въ качествѣ представителя Голлоубея. Онъ былъ избранъ подавляющимъ большинствомъ.

НАУЧНЫЕ РЕФЕРАТЫ.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ НОВАЯ СИЛА.

Въ небольшомъ французскомъ провинціальномъ городѣ Даксѣ вышла брошюра, которой суждено было обратить на себя вниманіе ученыхъ всего міра и, быть можетъ, составить эпоху въ исторіи науки.

Въ этой брошюрѣ, нѣкто Торъ (Thore) напечаталъ два свои доклада, сдѣланные въ этомъ же году въ научномъ обществѣ въ честь извѣстнѣйшаго французскаго математика и астронома Борда; брошюра озаглавлена «Новая сила», и въ ней Торъ описываетъ слѣдующіе опыты, сдѣланные имъ, и о которыхъ онъ одновременно сообщилъ знаменитому англійскому физику Круксу.

Берется маленькій цилиндръ изъ кости (25 миллиметровъ длины и 5 въ діаметрѣ) и подвѣшивается, какъ маятникъ, на волоскѣ, или шелковой нити (изъ одного волокна), такъ, чтобы аппаратъ былъ защищенъ отъ малѣйшаго движенія атмосферы. Если другой такой же, или какой-либо иной, меньшій предметъ, также висящій на волоскѣ, который держать въ рукѣ, приблизить къ поверхности перваго цилиндра на разстояніе миллиметра, то, по словамъ Тора, получаютъ слѣдующія явленія:

1) Подвѣшенный цилиндръ начинаетъ вращаться справа на лѣво, или слѣва на право, смотря по тому, съ какой стороны къ нему подносятъ тѣло: если тѣло подносится справа, то и вращается онъ справа, и т. д.

2) Природа вещества обоихъ цилиндровъ, а также и масса ихъ, не имѣютъ вліянія на произведеніе этого движенія.

3) Скорость движенія зависитъ отъ (есть функція) длины цилиндровъ, ихъ приближенія другъ къ другу и діаметра перваго цилиндра.

4) Экраны, помѣщенные между аппаратомъ и экспериментаторомъ, нарушаютъ движеніе. Но они остаются безъ вліянія, если

ихъ помѣстить сбоку, или сверху, или снизу. Полу-цилиндрической экранъ, помѣщенный противъ экспериментатора, измѣняетъ направленіе движенія въ обратную сторону.

5) Скорость движенія измѣняется съ лицами, производимыми опыты, а также и съ однимъ и тѣмъ-же лицомъ въ разные дни и часы.

6) Если два лица помѣщаются другъ противъ друга съ каждой стороны такого маятника и держатъ неподвижный цилиндръ противоположными руками, то всегда замѣчается сильное нарушеніе движенія, а иногда его полное уничтоженіе.

Торъ предположилъ здѣсь проявленіе еще неизвѣстной силы, свойственной человѣческому организму, а быть можетъ, и всякой живой матеріи.

Чтобы это явленіе не могло быть приписано влиянію электрическихъ токовъ, онъ погружалъ свой цилиндръ въ воду, и результаты были тѣ же. Онъ нашелъ также, что полюсы магнита нисколько не вліяютъ на вращеніе цилиндра, наконецъ, чтобы показать, что и теплота (тѣла человѣка) не играетъ тутъ никакой роли, онъ приближалъ къ своему аппарату сосудъ съ обширной металлической поверхностью, обладающій сильной разсѣивающею теплоту способностью, и наполненный кипящею водою, но никакого измѣненія въ движеніяхъ цилиндра это не повлекло.

Послѣ перепечатки этихъ свѣдѣній въ «Revue Scientifique» (21 мая 1887 г.), Торъ обратился въ этотъ журналъ съ письмомъ, въ которомъ говоритъ, что сдѣланное въ журналѣ «Cosmos» предположеніе, что вращеніе цилиндра можетъ производиться истеченіемъ воздушныхъ волнъ, проходящихъ между цилиндрами, и вызываемыхъ термическимъ излученіемъ отъ экспериментатора, не выдерживаетъ критики; что Круксъ, изучавшій результаты его опытовъ и сдѣлавшій о нихъ докладъ лондонскому королевскому обществу, полагаетъ, что объясненія сѣдуетъ искать въ свойствахъ лучистой матеріи (4-е состояніе матеріи, Крукса, т.-е. разрѣженной матеріи), что авторъ не раздѣляетъ и этого мнѣнія и послалъ Круксу возраженія. Что мнѣніе «Revue Scientifique», предполагающаго тутъ возможность электричества, также не выдерживаетъ критики: теперь на электричество сваливаютъ все, что еще недостаточно объяснено, или изслѣдовано. Но электричество уже настолько хорошо извѣстно въ своихъ дѣйствіяхъ и динамическихъ законахъ, что можно впередъ предвидѣть во многихъ случаяхъ, результаты опытовъ сдѣланныхъ надъ инертными тѣлами. Его же опыты были такъ обставлены, что электричество,

если оно и могло тутъ явиться, могло производить, въ концѣ концовъ, развѣ только притяженіе или отталкиваніе другъ отъ друга цилиндровъ въ плоскости, пересѣкающей ихъ въ ихъ осяхъ, но никакъ не движенія вращенія, да притомъ еще и измѣняющіяся.

Кромѣ того, онъ произвелъ массу опытовъ съ электричествомъ статическимъ и динамическимъ, для подтвержденія своихъ положеній.

Это письмо появилось въ «R. S.» 4 іюня (№ 23), а въ одномъ изъ послѣднихъ №№ (отъ 23 іюля) напечатано въ томъ же журналѣ резюме изъ доклада Крукса въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ и возраженіе Тора. Круксъ говоритъ, что онъ повторилъ опыты Тора, но съ слѣдующимъ аппаратомъ: онъ состоитъ изъ стеклянной кѣтки или ящика шести съ половиной квадратныхъ дюймовъ, при семи дюймахъ высоты, снабженнымъ спереди и по сторонамъ подвижными стѣнками. Вершина кѣтки состоитъ изъ картона, въ которомъ сдѣлана очень маленькая дырочка. Цилиндръ подвѣшивается посрединѣ кѣтки на шелковой ниточкѣ изъ одного волокна, около пяти футовъ длины, окруженной картонною трубкой, утвержденной на верху кѣтки.

Второй цилиндръ утверждается на подставкѣ посредствомъ шара, ходящаго въ трубкѣ, что позволяетъ придавать ему всевозможныя положенія. Эта подставка продолжается вѣн стеклянной кѣтки, такъ, что бы можно было маневрировать ей столбикомъ¹⁾ приближать, его къ цилиндру, передвигать съ одной стороны на другую. Къ подвижному стеклу, находящемуся передъ наблюдателемъ, прикрѣплена струна; на одномъ концѣ виситъ тяжесть, другой конецъ движется на блокѣ, позволяя поднимать и опускать стекло.

Для цилиндра и столбика употреблялись: кость, стекло, эбонитъ, металлы. Столбикъ дѣлается то квадратный, то круглый, то углообразный; поверхность то была блестящая, то ее покрывали копотью отъ лампы. Опыты производились въ такомъ порядкѣ.

Висящій цилиндръ приводился въ покойное состояніе, наблюдатель садился противъ аппарата, такъ что его лицо было около 8 дюймовъ отъ цилиндра и столбика, и старался, насколько возможно, удерживать дыханіе. Столбикъ помѣщался сперва справа отъ цилиндра. Поднимая подвижное стекло, нахо-

¹⁾ Т. е. подвижнымъ цилиндромъ Тора.

дившееся передъ лицомъ наблюдателя, получали движеніе цилиндра въ направленіи обратномъ движенію часовой стрѣлки, т.-е. сторона цилиндра, ближайшая къ наблюдателю, двигалась слѣва на право³⁾. Въ другихъ опытахъ пользовались бутылкой съ кипящею водой, свѣчей, платиновою проволокой, накаленною до красна, къ качествѣ источниковъ излученія. Результаты больше 50 опытовъ собраны въ особой таблицѣ. Были еще дѣлаемы опыты съ восходящими токами воздуха, различной степени силы, производимыми противъ аппарата; оказалось, что эти токи совершенно не могутъ произвести вышеозначеннаго движенія.

По словамъ Крукса, результаты почти не оставляютъ сомнѣній, что дѣйствіе не зависитъ отъ теплоты излученія отъ наблюдателя или какихъ-либо иныхъ нагрѣтыхъ тѣлъ, и чтобы въ тѣлѣ чело-вѣка было нѣчто иное, кромѣ теплоты, что, излучаясь, производило бы вращеніе цилиндра. Лучистая теплота (и свѣтъ, въ меньшей степени), падая на зачерненную поверхность цилиндра и поглощаясь ею, можетъ увеличить поверхностное нагрѣваніе, но это увеличеніе температуры можетъ дѣйствовать лишь двумя способами:

1) Оно можетъ произвести токъ нагрѣтаго воздуха, поднимающагося по длинѣ тѣла и могущаго заставить его двигаться; этотъ воздухъ замѣщается холоднымъ воздухомъ, который, осаждаясь со всѣхъ сторонъ, поражая цилиндръ, очень деликатно подвѣшенный, можетъ заставить его двигаться. Однако, если источникъ теплоты занимаетъ извѣстную поверхность, какъ, на примѣръ, лицо чело-вѣка или бутылка (quart Винчестера), наполненная кипящею водой, то трудно себѣ объяснить, почему всегда является стремленіе вращаться въ одну сторону, а не въ другую.

2) Увеличеніе температуры на поверхности цилиндра и столбика можетъ произвести усиленіе молекулярнаго (частичнаго) давленія между двумя тѣлами и дать, такимъ образомъ, начало движенію, какъ это происходитъ въ радиометрѣ. Но въ этомъ случаѣ, какъ и въ предъидущемъ, движеніе должно бы быть обратнымъ тому, которое имѣется въ дѣйствительности, такъ какъ оно производится взаимнымъ отталкиваніемъ, дѣйствующимъ между двумя сторонами, наиболѣе приближенными къ источнику теплоты.

³⁾ Это авторъ называетъ движеніемъ отрицательнымъ, а движеніе по направленію стрѣлки часовъ—положительнымъ.

Круксъ надѣялся найти примиреніе обоихъ этихъ предположеній, помѣстивъ цилиндръ въ стеклянной трубкѣ, соединенной съ воздушнымъ насосомъ Шпренгеля и сдѣлавъ наблюденія при различныхъ степеняхъ разрѣженія воздуха.

Въ опытахъ, которые онъ производилъ въ 1875 г., онъ подтвердилъ тотъ замѣчательный фактъ, что два тѣла различной температуры взаимно притягиваются при нормальномъ атмосферномъ давленіи, и что это притяженіе усиливается по мѣрѣ того, какъ уменьшается давленіе до $1\text{m},015$, гдѣ оно въ четыре почти раза выше, чѣмъ въ свободномъ воздухѣ. При высшей степени разрѣженія, притяженіе вдругъ прекращается и измѣняется въ отталкиваніе, которое при наибольшей пустотѣ, какую мы можемъ получить, становится въ тринадцать разъ сильнѣе, чѣмъ притяженіе въ воздухѣ.

При этихъ новыхъ опытахъ, явленія происходили параллельно явленіямъ Тора. Когда было притяженіе, то появлялось и отрицательное вращеніе (см. выше примѣч.); когда разрѣженіе доходило до того, что притяженіе равнялось нулю, вращенія также не было; когда притяженіе измѣнялось въ отталкиваніе, вращеніе изъ отрицательнаго становилось положительнымъ; наконецъ, когда пустота была достаточна для того, чтобы отталкиваніе достигло своего максимума, въ это время было и самое сильное положительное вращеніе. Отсюда нельзя не вывести, что два этихъ ряда явленій зависятъ отъ одной причины и что воздушные токи, которые не могли произвести притяженія въ опытахъ 1875 г., не могутъ производить и вращенія подвѣшеннаго цилиндра, служившаго объектомъ теперешнихъ опытовъ.

Если вращеніе производится реакціей между тѣломъ подвѣшеннымъ, и тѣломъ неподвижнымъ, то, слѣдовательно, если бы они были свободны оба, они вращались бы, но въ противоположномъ направленіи. Круксъ провѣрилъ опытами и это положеніе, устроивъ соответственный аппаратъ. Ниже четырнадцати миллиметровъ давленія, два цилиндра получили отрицательное вращательное движеніе (цилиндръ, помѣщенный справа, вращался въ направленіи часовой иглы, т. е. положительномъ, а лѣвый цилиндръ въ противоположномъ направленіи). Между четырнадцатью и тремя миллиметрами давленія, вращеніе прекращалось; ниже трехъ миллиметровъ оно превращалось въ положительное, а при разрѣженіи, доходящемъ до $0,1\text{m}0495$, было въ пять разъ сильнѣе первоначальнаго.

По мнѣнію Крукса, сила, производящая эти вращенія, когда

воздухъ очень разрѣженъ, происходитъ отъ давленія молекулярнаго (ударовъ молекулъ) между смежными поверхностями подвѣшенныхъ цилиндровъ, давленія, происходящаго отъ радіаціи нагрѣтой воды, или проволоки, доведенной до краснаго калѣнія, или пламени свѣчи (каковъ бы ни былъ источникъ теплоты, результатъ тотъ же) Но въ чемъ заключается причина, производящая отрицательное движеніе при обыкновенномъ давленіи атмосферы? Воздушные токи приходятъ на умъ прежде всего, но есть основанія противъ этого. Въ слѣдующемъ докладѣ, Круксъ, уже получившій возраженія и подробные отчеты Тора, находитъ изъ этого доклада всего интереснѣе слѣдующее возраженіе Тора противъ вліянія теплоты въ его опытахъ: онъ выставялъ свой аппаратъ на полное солнце, а затѣмъ переносилъ его въ темную и прохладную комнату; онъ вѣшалъ его надъ сосудомъ съ кипящею водою, а между наблюдателемъ и цилиндромъ помѣщалъ большой кусокъ льда; затѣмъ, между наблюдателемъ и цилиндромъ онъ помѣщалъ металлическій сосудъ съ кипящею водою, и ни разу все это не повліяло на правильность движеній. Круксъ повторилъ эти опыты и подтверждаетъ ихъ, но онъ утверждаетъ, что все же тутъ дѣло не въ вліяніи наблюдателя, ибо, помѣстивъ вмѣсто себя бутылку съ теплою водою и наблюдая цилиндры издали, черезъ оптическія стекла, онъ наблюдалъ тѣ же движенія. Приводя затѣмъ опыты Тора съ правою и съ лѣвою рукою, причѣмъ если держать цилиндръ правой, то движеніе положительно, если — лѣвой, оно отрицательно, Круксъ говоритъ, что признаетъ недостаточность объясненія всѣхъ этихъ явленій своею теоріей ударовъ молекулъ, но онъ вѣритъ, что эта теорія все же способна объяснить ихъ, а потому еще нѣтъ основанія допустить существованіе новой и особой силы.

Торъ, въ своемъ отвѣтѣ, повторяетъ, что онъ оставилъ опыты свои такъ, что невозможно предположить вліяніе теплоты: кругомъ всего аппарата онъ, напримѣръ, помѣщалъ бутылки съ горячею водою въ разстояніи отъ аппарата меньшемъ, чѣмъ самъ онъ находился, и движенія были тѣ же. Самъ онъ помѣщался съ аппаратомъ въ баняхъ съ измѣняющеюся температурой до 35 и 40°, и движенія были тѣ же. Температура лица человѣка не выше 37,°5, а между тѣмъ, между нимъ и аппаратомъ помѣщался сосудъ со 100° температуры, этотъ же сосудъ помѣщался на противоположной сторонѣ аппарата, и надъ аппаратомъ и, конечно, имѣлъ бы вліяніе больше, чѣмъ лицо, и долженъ бы былъ нарушить движеніе, но ничего такого не случилось!

Ясно, что если не излученіе теплоты дѣйствуетъ, то въ организмѣ есть особая сила, помимо теплоты. То же и со льдомъ и съ баней въ 37,°5, которые должны бы измѣнять движенія, но этого не было.

Опытъ съ нагрѣтой бутылкой ровно ничего не значитъ: если бы Круксъ помѣстилъ бутылку пустую или холодную, движеніе бы также произошло, ибо оно было произведено вовсе не ею, по словамъ Тора.

По нашему мнѣнію, заключеніе Крукса не вполне свободно отъ обычнаго и вполне понятнаго желанія подвести новые факты подъ свою любимую теорію, но едва-ли въ данномъ случаѣ онъ правъ. Опыты Тора заслуживаютъ болѣе глубокаго и покойнаго изслѣдованія. На его сторонѣ много вѣроятностей.

Л. О.

НЕКРОЛОГЪ.

Умеръ извѣстный публицистъ М. Н. Катковъ. О его жизни и значеніи постараемся сказать нѣсколько словъ въ слѣдующей книгѣ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. Ф. ЦИЗЕРЛИГА,

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 46, противъ
Гостивнаго двора,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Баранцевичъ, К. Маленькіе рассказы («Юморист. Сборникъ»). Спб., 1887 г. Ц. 60 к.

Батюшковъ, К. К. Сочин. 3 т. Спб., 1887 г. Ц. 15 р.

Вернъ, Жюль, «Гекторъ Сервадакъ». Путешеств. и приключ. въ солнечн. мірѣ. Москва, 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Дельвигъ, А., баронъ. Полное собр. стих. Съ портр. и биогр. (Деш. библ.). Ц. 20 к.

Диккенсъ, Ч. Оливеръ Твистъ». Романъ. 2 т. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Кольцовъ. Стих. Изд. 9-е. Москва, 1887 г. Ц. 20 к.

М. Н. Т. «Въ собачьемъ обществѣ». Водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1887 г. Ц. 50 к.

Толстой, Л. Н. «Власть Тьмы». Драма въ 5-ти дѣйств. Спб., 1887 г. Ц. 10 к.

Юсуповъ, Н. Б. «Тайна». Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 80 к.

Ясинскій, І. (М. Бѣлинскій). Повѣстм и рассказы. «Наташка». — «Катря». — «Тертій Ивановичъ». — «Лилія». — «Ворбей». — «Новый годъ». — «In's Grine». — «Проводы». Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Его же. «Вѣрочка». — «Спящая красавица». — «Тенденціозная прогулка». Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ФИЛОСОФІЯ.

Алексѣевъ. Анализъ газовъ. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гейденрейцъ. Прибавленіе къ 1-му изданію методовъ изслѣдованія низшихъ организмовъ, съ 30 рисунками въ текстѣ. Спб., Ц. 60 к.

Клаузіусъ, І. О запасахъ энергіи въ природѣ и пользованіи ими для нашего блага. Спб., 1887 г. Ц. 30 к.

Сидоровъ. Вооруженіе растений и защита ихъ отъ враговъ. Спб., Ц. 75 к.

Станкевичъ, А. Гигіена. Главныя средства для достиженія и сохраненія здоровья. Спб. Цѣна 25 к.

Шоненгауэръ, А. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ полнаго собранія твореній Шоненгауэра Юліусомъ Фрауэнштеттомъ, съ приложеніемъ статьи о воспитаніи. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юделевичъ, Я., врачъ. Употребленіе минеральныхъ водъ. Практическіе совѣты больнымъ относительно діеты, образа жизни и другихъ предосторожностей во время леченія минеральными водами. 2-е изданіе, доп. Вильна, 1887 г. Ц. 25 к.

ИСТОРИЯ И ПРАВО.

Борткевичъ, І. Нѣсколько словъ о гербовыхъ пошлинахъ и о налогѣ на наслѣдственныя имущества, съ приложеніями. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Грегоровіусъ. Исторія города

Рима въ средніе вѣка. Т. IV. Спб., 1887 г. Ц. 2 р.

Дубровинъ, Н. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Т. V. Спб., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

Пясецкій, И. Наглядная таблица всемірной исторіи. Съ объясненіемъ. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

ХОЗЯЙСТВО И ТЕХНОЛОГІЯ.

Баръ, Ф. Организациа сельскихъ имѣній и абсентеизмъ. Москва, 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Алибеговъ, М. Г., и В. К. Долгининъ. Керосиновые лампы, выборъ ихъ и уходъ за ними. Съ приложеніемъ таблицъ и чертежей. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 35 к.

Андерсонъ. Руководство для поисковъ золота и другихъ металловъ. Перев. съ англійскаго. Москва, 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлелюбскій, Н. А., и Богуславскій. Таблицы для подбора поперечныхъ сѣченій и исчисленія вѣса частей желѣзныхъ сооружений. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 85 к.

Веберъ, К. К. Значеніе сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ для нашего хозяйства. Спб., 1887 г. Ц. 1 р.

Головинъ, К. Сельская община въ литературѣ и въ дѣйствительности. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Гулишамбаровъ, Ст. Нефтяное отопленіе комнатныхъ, кухонныхъ, хлѣбопекарныхъ и друг. печей. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кленце, Фрицъ, д-ръ. Молочное хозяйство. Практическое руководство къ уходу за молочнымъ скотомъ къ обработкѣ молока и приготовленію масла и сыру. Съ 115 рисун. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

Котельниковъ, В. Г. О воздѣ-

лываніи широколиственныхъ мучнистыхъ растений. Спб., 1887 г. Ц. 25 к.

Куманинъ, Ѳ. А. Новыя правила о производствѣ на дрожжево-винокуренныхъ заводахъ сухихъ дрожжей и спирта. Москва, 1887 г. Ц. 50 к.

Сербиновичъ. Поземельный кредитъ, его прошлое, настоящее и будущее. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Успѣхи мукомольнаго и крахмального производствъ. 1887 г. Кн. I. Спб. Ц. 2 р.

Черноглазовъ, Л. А., и Кичуновъ, Н. И. Огурцы, дыни, арбузы и тыквы. Описаніе породъ и уходъ за ними. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

ПЕДАГОГИКА.

Кривенко. Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лесгафтъ, П. Краткій курсъ общей анатоміи чловѣка, разборъ простыхъ физическихъ упражненій и описаніе пшколь для приготовленія учителей гимнастики для арміи въ государствахъ Западной Европы. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

СМѢСЬ.

Кайгородовъ, Д. О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Чтеніе для народа. Съ рисунками. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 20 к.

К. Е. Т. Справочная книга для уѣздныхъ предводителей дворянства. Спб., 1887 г. Ц. 50 к.

Лаврентьевъ, В. Справочно-памятная книжка для охотниковъ. Спб., 1887 г. Ц. 2 р.

Майновъ, В. Путеводитель по Финляндіи. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михневичъ, Н. Ц. Военно-истор-

рические примѣры; приложения
ко второй части «Учебника так-
тики» Д. К. Дуропа. Изд. 2-е,
исправленнее (съ чертежами).
Спб., 1887 г. Ц. 1 р.

Нотемкинъ, Д. Д. Велосипедъ
и примѣненіе его въ военномъ
дѣлѣ. Спб., 1887 г. Ц. 50 к.

Симоновъ, Л., д-ръ. Иллюстри-
рованный словарь практическихъ
свѣдѣній, необходимыхъ въ жиз-
ни всякому. Вып. 9-й. Ц. 2 р.
Подписная цѣна на все изданіе

(2 т.) 10 р., съ пересылкой 11
р. 50 к.

Служба въ учебныхъ лагеряхъ
и въ походахъ въ мирное время.
Спб., 1887 г. Ц. 25 к.

Составъ чистокровнаго отдѣле-
нія государственнаго хрѣнов-
скаго конскаго завода въ 1886
году. Спб., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шаверновская, Н. В. Новая
пракгическая метода изученія
французскаго языка, приспособ-
ленная для русскихъ. Изд. 4-е.
Спб., 1887 г. Ц. 30 к.

Въ редакціи «Русскаго Богатства»:

Физиологія ума. Соч. В. Карпентера. 2 тома. Цѣна за 2 тома
4 руб. Выписывающіе черезъ редакцію за пересылку не платятъ.
Одинъ первый томъ 2 рубля.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

«ПОСРЕДНИКЪ»

(оптовая и иногородная продажа картинъ и книгъ для
народнаго чтенія) ПЕРЕВЕДЕНЪ на Мойку, д № 12,
кв. 25.

СОДЕРЖАНИЕ VII-й КНИГИ.

Беллетристика:

	стр.
ДНЕВНИКЪ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ. Н. Д. Кившенко.	3
ГАДАНЬЕ. Стих. С. Фруга.	37
ПОЭТУ. Стих. К. Фозанова.	55
О КИТАЙСКОЙ ЖЕНЩИНѢ. Изъ путешествія по Китаю. А. В. Потаниной	57
МИЛЛИОНЕРЪ. Романъ Кристи Муррей (съ англ.).	114

Научный отдѣлъ.

ЭТЮДЫ ПО ВОПРОСАМЪ ОБЩЕЙ ЗООЛОГИИ. Наслѣд- ственность. Проф. Н. Холодковского	39
ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ НОВАЯ СИЛА. Рефератъ по Круксу и Тору. Л. О.	141
ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ПСИХОЛОГИИ ВЪ ЕЯ ПРИМѢ- НЕНИИ КЪ ВОСПИТАНІЮ. Джемса Селли. Листы 13-й, 14-й и 15-й. (въ концѣ кн.)	
ЭТИКА. Исслѣдованіе фактовъ и законовъ нравственной жизни. Вильгельма Вундта. Листы 17-й и 18-й. (въ концѣ кн.).	

Общественный и критическій отдѣлъ.

ОБО ВСЕМЪ. Новый типъ критики, созданный г. Скаби- чевскимъ. — Подвиги г. Скабичевского относительно нашего журнала, драмы г. Рѣшетникова и народныхъ изданій склада «Посредникъ». — Къ юбилею г. Буренина. Созерцателя.	90
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Мѣры, принятыя министер- ствомъ народнаго просвѣщенія относительно гимназій, университетовъ и пр. — Что дѣлаетъ земство? — Подвиги остзейскихъ бароновъ, русскихъ землевладѣльцевъ и русскихъ ростовщиковъ	100
НОВЫЯ КНИГИ: КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЯ РЕДАКЦІЕЙ.	109
ОБЪЯВЛЕНІЯ: о выходѣ книги Л. Оболенскаго: «Графъ Толстой, его философія и нравственныя идеи». (на обложкѣ).	

понятія, соответствующія абстрактнымъ названіямъ, допускаютъ такое расположеніе въ систематическомъ порядкѣ; мы можемъ, напримѣръ, классифицировать различные роды цвѣтовъ (красокъ), движеній, человѣческихъ поступковъ, добродѣтелей и т. д. Располагая предметы въ систематическомъ порядкѣ и выясняя ихъ подобія и различія, мы подготовляемъ путь къ систематическому изслѣдованію ихъ неизвѣстныхъ свойствъ и управляющихъ ими законовъ.

ГЛАВА XIII.

Абстракція и концепція.

Въ предъидущей главѣ мы разсматривали природу процесса абстракціи и результаты его, выражающіеся въ такъ называемыхъ концепціяхъ. Въ настоящей главѣ мы будемъ разсматривать природные недостатки нашихъ понятій и лучшіе способы ихъ исправленія.

Несовершенство и совершенство понятій. Въ нашихъ обыденныхъ понятіяхъ мы склонны ошибаться во многихъ отношеніяхъ. Понятія легче становятся неясными, нежели объекты воспріятія или образы. Это особенное свойство концепцій становится неясными связано съ самою природою процесса концепціи и съ тѣмъ фактомъ, что результаты этого процесса воплощаются въ рѣчи. Можно упогреблять слова для повседневныхъ цѣлей и имѣть лишь весьма грубое (общее) понятіе объ ихъ содержаніи. Мы можемъ производить многіе изъ процессовъ разсужденія, бросая лишь мимолетный взглядъ на значеніе употребляемыхъ нами терминовъ. Отсюда широкое поле для смутныхъ концепцій.

Отчетливость концепцій. Подъ отчетливою, ясною или строго опредѣленною концепціей подразумѣвается концепція, отчетливо представляющая различныя черты или характеръ предметовъ, о которыхъ мы думаемъ. Такъ, ребенокъ имѣетъ отчетливую идею угля, когда ясно различаетъ или охватываетъ, какъ одно цѣлое, различныя его свойства, какъ-то: черный цвѣтъ, хрупкость, горючесть и т. д. И наоборотъ, идея бываетъ неясна, туманна или неопредѣленна, когда не представляетъ отчетливо составляющихъ предметъ свойствъ.

Въ тѣсной связи съ отчетливостью концепцій, какъ мы ее только-что опредѣлили, стоитъ отчетливость ея по отношенію къ

другимъ концепціямъ. Подъ этимъ подразумѣвается, что идея (концепція) тщательно различается отъ другихъ, въ особенности отъ однородныхъ концепцій. Такъ, мы имѣемъ отчетливую идею орѣха, когда различаемъ группу составляющихъ орѣхъ характерныхъ чертъ отъ чертъ обыкновеннаго плода; отчетливую идею планеты, когда различаемъ характерныя черты планеты отъ характерныхъ чертъ неподвижной звѣзды и т. п. И обратно, концепція неясна, когда мы склонны смѣшивать ее съ однородными концепціями. Такъ, ребенокъ, изучающій исторію, смѣшиваетъ понятія, если не можетъ различить наступательной войны отъ оборонительной, ограниченной монархіи отъ абсолютной, и т. д.

Лучше всего мы можемъ испытать отчетливость концепціи тою степенью легкости, съ которою мы примѣняемъ названіе или распознаемъ члена какого-нибудь класса, когда онъ намъ встрѣчается. Вообще, всякій недостатокъ отчетливости, какъ перваго, такъ и втораго рода, долженъ мѣшать быстрому и точному наименованію предметовъ. Отсутствие отчетливости въ пониманіи значенія ведетъ къ отсутствію точности въ обозначеніи. Въ то же время, нерѣдко мы можемъ быстро называть предметы, хотя наши концепціи этихъ предметовъ далеко не вполне отчетливы. Такъ, обыкновенно ребенокъ тотчасъ узнаетъ плодъ, хотя, быть можетъ, не сумѣетъ сказать, въ чемъ заключаются характеризующія плодъ признаки. Это указываетъ на то, что концепція можетъ быть отчетлива во второмъ смыслѣ, не будучи отчетливою въ той же степени и въ первомъ. Группа характерныхъ признаковъ предмета представляется намъ съ отчетливостью, достаточною для отдѣленія названія этого предмета отъ другихъ названій и для примѣненія его вчернѣ къ встрѣчающимся намъ предметамъ; но нѣтъ тщательнаго анализа этихъ признаковъ.

Причины неясности концепцій. Несовершенства концепцій, о которыхъ мы только-что говорили, могутъ зависѣть отъ каждой изъ вышеизложенныхъ причинъ. Многія понятія неясны съ самаго начала, вслѣдствіе того, что неясны объекты воспріятія и образы, или вслѣдствіе того, что процессъ абстракціи былъ проведенъ недостаточно далеко для того, чтобы вполне выяснитъ общіе характерныя признаки класса. Это послѣднее замѣчаніе имѣетъ особенную силу по отношенію къ понятіямъ дѣтей и необразованныхъ людей, которые, въ большинствѣ случаевъ, могутъ различать болѣе знакомые классы предметовъ, каковы: дубъ, дерево, церковь и т. д., но которые не размышляли внимательно о содержаніи своихъ понятій.

Но, кромѣ того, наши понятія склонны становиться неясными (въ обоихъ смыслахъ) съ теченіемъ времени, вслѣдствіе несовершенства памяти. Концепціи развиваются изъ образовъ реальныхъ предметовъ, и если образы изглаживаются изъ нашей памяти, то и понятія наши неизбежно становятся туманными. Ребенокъ, постоянно забывающій конкретные примѣры названій классовъ, каковы: горный хребетъ, римскій консулъ, дѣйствительный глаголь и т. д., непременно придетъ къ смутнымъ идеямъ этихъ классовъ.

Наконецъ, есть извѣстныя свойства языка, способствующія неясности понятій, особенно въ раннемъ возрастѣ. То, что ребенокъ слышитъ высоко разработанный языкъ, какимъ говорятъ окружающіе и въ которомъ воплощаются самыя тонкія подраздѣленія зрѣлаго разума, должно въ началѣ сбивать его съ толку. Ему трудно различать близкія по смыслу и замѣняющія другъ друга слова: «здоровый» и «сильный», «разумный» и «умный» (способный) и т. д. Затѣмъ является болѣе серьезное затрудненіе противоположнаго рода, — затрудненіе, вытекающее изъ несовершенствъ языка, въ особенности изъ двойнаго (или болѣе) смысла словъ. Такія слова, имѣющія нѣсколько значеній (напримѣръ, слово «pretty» — миловидный, и pretty — умѣренно, довольно хорошо); сбиваютъ съ толку ребенка въ его стараніяхъ различить одну идею отъ другой. Это зло, безъ сомнѣнія, усиливается, когда слова небрежно употребляются окружающими. Напримѣръ, мать, не различающая простой неосторожности отъ умышленной небрежности, и наставникъ, способный въ своемъ нетерпѣніи назвать однимъ и тѣмъ же именемъ простое незнаніе и умственную нерашильность, сильно затрудняютъ изученіе языка для ребенка.

Точность концепцій. Мы должны различать простую неясность концепціи отъ безусловной ея неточности. Отчетливое понятіе зависитъ отъ яснаго представленія нами признаковъ, которые мы вводимъ въ наше понятіе; точное понятіе зависитъ отъ введенія въ него надлежащихъ элементовъ, т.-е. общихъ характерныхъ признаковъ класса, и только этого класса, а не другихъ. Или, выражаясь иначе, точная концепція должна быть такова, чтобы воплощающее ее названіе покрывало собою всѣ предметы, обыкновенно обозначаемые этимъ названіемъ, и никакихъ другихъ.

Неточность концепціи, подобно простой неясности, можетъ вытекать или изъ несовершеннаго выполненія начальныхъ процессовъ сравненія и абстракціи, включительно съ различеніемъ одной

группы предметовъ отъ другой, или изъ послѣдующаго процесса разрушенія или дезинтеграціи концепціи.

А) Неточныя понятія, зависящія отъ несовершенства абстракціи, И такъ, прежде всего, понятіе можетъ быть неточнымъ вслѣдствіе неполноты процесса абстракціи или образованія понятій. Всѣ наши первыя понятія безпорядочны и неопредѣленны, такъ какъ отвѣчаютъ невыработанному и торопливому процессу наблюденія предметовъ. Благодаря этимъ несовершенствамъ, наши понятія бывають не точны; т.-е. объемъ названія бываетъ несообразенъ съ объемомъ класса предметовъ, который названіе должно бы собственно обозначать. Такимъ образомъ, наши обозначенія классовъ или наши названія становятся слишкомъ узкими или слишкомъ широкими.

Во-первыхъ, понятіе можетъ быть основано на слишкомъ узкомъ наблюденіи предметовъ, послѣдствіемъ чего бываетъ то, что случайныя черты, присущія не всѣмъ членамъ класса, вводятся въ содержаніе слова, какъ часть его существеннаго значенія. Напр., ребенокъ, видѣвшій только красныя розы, склоненъ считать красный цвѣтъ частью значенія слова роза; а ребенокъ, познанія котораго о металлахъ ограничиваются только болѣе извѣстными экземплярами: желѣзомъ и т. п., естественно включаетъ въ свою идею класса металловъ свойства твердости и плотности, — свойства, исключаящія ртуть. Всѣ мы склонны вводить въ наши понятія случайныя ассоціаціи нашего личнаго опыта, мѣсто и время, въ которыхъ мы живемъ. Такъ, для англійскаго ребенка въ понятіе «человѣкъ» входитъ понятіе о бѣлой кожѣ, въ понятіе «правительство» — понятіе о государѣ, и т. п.

Во-вторыхъ, понятіе можетъ быть неточнымъ вслѣдствіе того, что придаетъ классу слишкомъ широкій объемъ. Если наше наблюденіе предметовъ поверхностно и торопливо, то только часть общихъ чертъ или признаковъ, а именно, тѣ изъ нихъ, которые бросаются въ глаза и дѣлають сильное впечатлѣніе, воплощаются нами въ названіи класса. Дѣти и необразованные люди склонны давать слишкомъ широкое содержаніе понятіямъ; они схватываютъ только часть значенія словъ, которыя слышатъ, и вкладываютъ въ нее весь смыслъ слова. Такъ, у различныхъ существъ, называемыхъ рыбами, они замѣчаютъ тотъ выдающійся признакъ, что они живутъ въ водѣ, и готовы назвать рыбой морскую свинью или тюленя. Точно такъ же ребенокъ называетъ всякую трапезу чаемъ, просматривая тотъ фактъ, что чай есть болѣе специальное названіе трапезы, указывающее на опредѣленную часть дня.

В) Неточныя понятія, зависящія отъ потери первоначальныхъ элементовъ. Хотя, такимъ образомъ, понятія могутъ быть неточными съ самаго начала, вслѣдствіе недостаточнаго или ошибочнаго наблюденія; однако, они имѣютъ и дальнѣйшее стремленіе становиться неточными съ теченіемъ времени и по мѣрѣ постепеннаго изглаживанія составляющихъ ихъ элементовъ. Каждая послѣдовательная потеря такихъ элементовъ ведетъ къ возрастающему расхожденію названія съ обозначаемыми имъ предметами. Другими словами, концепція становится слишкомъ широкою. По мѣрѣ того, какъ названія теряютъ свое полное значеніе, они пріобрѣтаютъ слишкомъ широкій объемъ. Такъ, ребенокъ, забывающій, что понятіе «недобрый» подразумѣваетъ намѣреніе вредить другому, называетъ недобрыми своихъ товарищей или свою мать и тогда, когда съ ихъ стороны не было такого намѣренія. Довольно обыкновенна также и обратная ошибка, когда случайныя дополненія вкрадываются въ наши понятія и смѣшиваются съ ними. Такъ, по замѣчанію Уэтца, ребенокъ, выучившій, что величина угла не зависитъ отъ длины его сторонъ, легко впадаетъ въ заблужденіе, воплощая этотъ случайный элементъ въ свое понятіе о величинѣ угла.

Необходимо только напомнить читателю, что неясность концепціи тѣсно связана съ неточностью, и обыкновенно ведетъ къ ней. Тамъ, гдѣ наши идеи предметовъ туманны, мы подвергаемся особенной опасности опустить существенные элементы и взять вмѣсто нихъ случайные, и, такимъ образомъ, слишкомъ расширить или слишкомъ сѣзуть классъ предметовъ. Мало того, такая неясность концепціи въ высшей степени благопріятствуетъ смѣшенію идей между собою и подстановкѣ, вмѣсто настоящаго значенія термина, значенія какого-нибудь однороднаго термина.

О провѣркѣ нашихъ понятій. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что въ образованіе законченной концепціи входитъ не одинъ процессъ сравненія и абстракціи, но послѣдовательный рядъ такихъ процессовъ, которые исправляютъ первые черновые наброски нашихъ идей и противодействуютъ стремленію словъ терять свое настоящее значеніе. Концепція, которая ошибочна съ самаго начала, можетъ быть исправлена лишь болѣе тщательнымъ, широкимъ и разнообразнымъ изслѣдованіемъ, какъ самыхъ предметовъ наблюденія, такъ и ихъ отношеній подобія и различія.

Но этого мало: даже и тогда, когда наши концепціи были составлены надлежащимъ образомъ, мы можемъ сохранить ихъ отчетливость, а слѣдовательно и точность, только въ томъ слу-

чаѣ, если будемъ непрерывно возвращаться къ конкретнымъ предметамъ, изъ которыхъ онѣ были какъ бы извлечены. Только при этомъ условіи мы можемъ избѣжать ошибочной замѣны реальныхъ предметовъ пустыми названіями и сохранить свѣжесть и живость нашихъ представлений. Если воспитатель желаетъ избѣжать того разъединенія словъ съ предметами, противъ котораго возставалъ Коменій, онъ долженъ воскрешать понятія своихъ питомцевъ непрерывнымъ обращеніемъ къ конкретнымъ предметамъ.

Отношеніе процесса концепціи къ воображенію. Вышеприведенныя замѣчанія еще яснѣе обнаруживаютъ связь между воображеніемъ и мыслью. Какъ мы видѣли, понятіе отличается отъ образа тѣмъ, что содержитъ представленіе только общихъ чертъ, а не индивидуальныхъ особенностей предметовъ. При сильномъ стремленіи связывать со словами образы опредѣленныхъ конкретныхъ предметовъ, процессы мысли замедляются. Высоко-развитое воображеніе, мгновенно сводящее слово къ какому-нибудь конкретному примѣру, представляетъ тяжелый добавочный грузъ для души въ ея слѣдованіи за ходомъ абстрактной мысли 1). Большое количество интересныхъ дополнительныхъ признаковъ индивидуальныхъ предметовъ мѣшаетъ обхватыванію ихъ общихъ сторонъ.

Въ то же время понятія состоятъ изъ образовъ. Такимъ образомъ, мышленіе основано на воображеніи (какъ репродуктивномъ, такъ и конструктивномъ). Значеніе или содержаніе слова получается цѣликомъ изъ наблюденія конкретныхъ предметовъ. Поэтому, понятіе, для того, чтобы оно могло имѣть вещественное содержаніе и строгую опредѣленность формы, должно непрерывно поддерживаться образами. Для того, чтобы думать ясно, ребенокъ долженъ уметь воображать отчетливо, чтобы вызывать въ душѣ, когда понадобится, индивидуальные члены класса.

Объ опредѣленіи понятій. Наши понятія становятся ясными и

1) Обыкновенно такъ бываетъ съ дѣтьми и необразованными людьми. Узкость ихъ опыта и слабость способности абстракціи дѣлаютъ для нихъ слова скорѣе картинными описаніями конкретныхъ индивидуальныхъ предметовъ, нежели символическими изображеніями классовъ. Мистеръ Гальтонъ приводитъ забавный примѣръ этой склонности вкладывать въ слова слишкомъ конкретный смыслъ. Кто-то началъ рассказывать: «Я хочу вамъ рассказать о лодкѣ...» Когда присутствовавшую при этомъ молодую дѣвушку, отличавшуюся сильнымъ воображеніемъ, спросили: что значитъ слово «лодка»? она отвѣчала: «Довольно большая лодка, отчаливающая отъ берега, наполненная дамами и мужчинами».

точными, не только благодаря возвращенію къ конкретнымъ фактамъ или примѣрамъ, но и благодаря множеству дополнительныхъ процессовъ, которые могутъ быть сгруппированы въ общій разрядъ опредѣленія. Опредѣлить слово въ логическомъ смыслѣ значитъ раскрыть его содержаніе, перечислить болѣе или менѣе полно различные характерныя черты или признаки, составляющіе его значеніе. Какъ мы видѣли, многія изъ нашихъ концепцій, каковы: металлъ, человекъ, цивилизованная страна и т. п., мы образуемъ прежде, чѣмъ бываемъ въ состояніи отчетливо представить себѣ различные признаки, составляющіе содержаніе этихъ словъ. Лишь съ усиленіемъ способности абстракціи становится возможною для души эта болѣе высокая стадія анализа. Когда эта стадія достигнута, душа получаетъ возможность удерживать сущность концепцій съ помощью словеснаго опредѣленія. Когда, напримѣръ, ребенокъ выучилъ, что стекло вещество прозрачное, состоящее изъ нѣсколькихъ веществъ, что оно хрупко, легкоплавно, дурной проводникъ тепла и т. д., то рядъ свойствъ, накопленный въ его душѣ помощью памяти словъ, придаетъ отчетливость его концепціи стекла.

Вторая и подчиненная часть процесса опредѣленія названій состоитъ въ различеніи понятія отъ другихъ понятій. Только сопоставляя понятіе съ противоположными ему понятіями и различая его отъ сродныхъ ему понятій, мы выдѣляемъ точное значеніе слова. Ясное мышленіе подразумеваетъ привычку тщательнаго различенія между собою словъ и ихъ значеній. Такъ, напримѣръ, понятіе «разумный» выясняется противоположеніемъ его понятію «глупый» и, кромѣ того, различеніемъ его отъ сродныхъ понятій, напримѣръ, отъ понятія «знающій» (ученый). Равнымъ образомъ, понятіе «грубый» слѣдуетъ противопоставлять понятію «вѣжливый» и различать его отъ понятія «неуклюжій» или «неловкій»; понятіе «храбрый» слѣдуетъ противопоставлять понятію «трусливый» и различать отъ понятія «безумно отважный».

Наконецъ, мы опредѣляемъ или тоньше очерчиваемъ наши понятія съ помощью классификаціи предметовъ. Логики говорятъ, что лучший способъ опредѣлить названіе класса (въ особенности, когда свойства этого класса слишкомъ многочисленны, и многія изъ нихъ слишкомъ мало извѣстны, чтобы мы могли перечислить ихъ всѣ), это — назвать болѣе высокій классъ или «родъ» и прибавить къ нему «отличіе», т.-е. главные черты, отличающія этотъ классъ отъ классовъ того же разряда. Такъ, мы опредѣ-

ляемъ параллелограммъ, говоря, что это четырехъсторонняя фигура (болѣе высокій классъ), противоположныя стороны которой параллельны (отличіе). Такое опредѣленіе закрѣпляетъ въ душѣ нѣкоторые изъ наиболее важныхъ признаковъ предметовъ и отчетливо отдѣляетъ концепцію отъ другихъ концепцій (въ вышеприведенномъ примѣрѣ концепцію параллелограмма отъ концепцій другихъ четырехъстороннихъ фигуръ).

Но кромѣ того, дѣленіе термина или указываніе различныхъ болѣе мелкихъ классовъ, составляющихъ крупный классъ, служитъ выясненію или опредѣленію нашихъ понятій. Такъ какъ концепція образуется съ помощью наблюденія предметовъ, то, обращаясь отъ времени до времени ко всей области предметовъ, покрываемыхъ названіемъ, мы придаемъ реальность и тѣлесность нашимъ концепціямъ. Такъ, объясняя ребенку значеніе такого термина, какъ металлъ, слѣдуетъ связывать въ его душѣ этотъ терминъ со всѣми главными или болѣе извѣстными видами металловъ. Въ сущности, оба процесса, о которыхъ здѣсь упоминается, выясняя значеніе (логическое «опредѣленіе») и излагая обозначеніе (логическое «дѣленіе»), взаимно дополняются.

Ростъ способности созиданія концепцій. Способность, съ помощью которой душа образуетъ общія понятія, есть просто расширеніе способностей, проявляющихся въ зачаточной формѣ въ самыхъ раннихъ процессахъ воспріятія. Такъ, способности сравненія и абстракціи въ ея широкомъ смыслѣ развиваются въ связи съ процессомъ самаго воспріятія и проявляются въ подробномъ всестороннемъ изслѣдованіи чувственныхъ предметовъ, обуславливающимъ образованіе ясныхъ объектовъ воспріятія. Далѣе, способность схватыванія подобій посреди разнообразія, представляющая существенный процессъ въ созиданіи понятій классовъ и свойствъ предметовъ, въ болѣе низкой формѣ проявляется на первомъ году жизни. Ясно, напримѣръ, что для того, чтобы узнать материнскій голосъ, какъ одинъ и тотъ же во всѣхъ разнообразныхъ измѣненіяхъ силы звука и высоты тона, или материнскую фигуру во всѣхъ измѣняющихся условіяхъ освѣщенія разстоянія и положенія, ребенокъ долженъ обладать извѣстною зачаточною способностью сравниванія несходныхъ впечатлѣній и распознаванія сходства посреди несходства.

Раннія понятія. Постепенное развитіе способности сравниванія предметовъ и распредѣленія ихъ по классамъ есть одна изъ самыхъ интересныхъ фазъ душевной исторіи индивидуума. Тщательное наблюденіе надъ дѣтьми въ то время, когда они начина-

ють понимать и употреблять слова, может научить насъ многому относительно способовъ, по которымъ самопроизвольно развивается эта способность. Особенно поучительно прослѣдить тотъ способъ, по которому дѣти отъ года до пятнадцати мѣсяцевъ отъ роду изобрѣтають собственные слова и самопроизвольно расширяють смыслъ словъ, которыя узнають отъ другихъ, примѣняя ихъ въ аналогичныхъ случаяхъ.

Какъ и слѣдуетъ ожидать, первыя понятія дѣтей отвѣчаютъ узкимъ классамъ предметовъ, имѣющимъ много поражающихъ точекъ подобія, и далѣе, тѣмъ видамъ предметовъ, которые представляютъ для нихъ особенный интересъ. Такъ, ребенокъ быстро связываетъ общимъ названіемъ различные виды пищи, напримеръ, молоко и пуддингъ. Точно также онъ скоро выучивается уподоблять извѣстные классы игрушекъ, какъ-то: куклу, книгу съ картинками и другіе предметы, обладающіе рѣзко очерченными признаками, напримеръ, шляпу и верхнее платье и т. д. По той же причинѣ, такія термины, какъ «киска», «папа», примѣняющіеся имъ вначалѣ къ опредѣленнымъ индивидуумамъ, онъ сразу распространяетъ на другихъ индивидуумовъ, на основаніи многочисленныхъ и выдающихся точекъ подобія.

Ростъ концепціи и различенія. Надо замѣтить, что концепціи ребенка возрастають въ ясности и опредѣленности, вмѣстѣ со способностью замѣчать различія и сходства ¹⁾. Вначалѣ, по видимому, не существуетъ яснаго различенія классовъ отъ индивидуумовъ. Названіе примѣняется ко множеству предметовъ, въ которыхъ замѣчается сходство, но, насколько мы можемъ видѣть, безъ всякаго яснаго пониманія того—разные-ли это предметы, или одинъ и тотъ же. По всей вѣроятности, это можно сказать о перенесеніи слова «папа» съ отца на другихъ мужчинъ. Концепціи приобрѣтають опредѣленность по мѣрѣ того, какъ распознаются различія, и образы индивидуальныхъ предметовъ (такого-то и такого-то лица, той и другой собаки и т. п.), становятся раздѣльными въ душѣ ребенка. Это же обстоятельство объясняетъ и другой фактъ, а именно, что ребенокъ часто начинаетъ употреблять названія родовъ (если они не слишкомъ обширны) раньше названій видовъ. Такъ, собакъ и всѣхъ животныхъ, похожихъ на собакъ по величинѣ, напр., козъ, онъ соединяетъ въ общемъ названіи «гамъ-гамъ». Или же слово «яблоко» онъ при-

¹⁾ М. Пьерецъ говоритъ, что дѣти около 15-ти мѣсяцевъ отъ роду очень плохо замѣчаютъ различія, хотя жадно схватываютъ сходство.

мѣняетъ къ плодамъ вообще, извѣстной или къ обширной группѣ плодовъ, какъ-то: къ грушамъ, апельсинамъ и т. д. Точно такъ же въ общемъ онъ пойметъ слово «цвѣтокъ» раньше, чѣмъ названіе «маргаритка» или «роза».

Образованіе болѣе абстрактныхъ концепцій. Ребенокъ достигаетъ болѣе высокой ступени абстракціи, когда начинаетъ образовывать классы, основанные только на одномъ свойствѣ. Первые примѣры такой болѣе высокой способности абстракціи имѣютъ отношеніе къ тѣмъ сторонамъ предметовъ, которыя имѣютъ для него особенный интересъ. Прежде всего, онъ проявляетъ значительную способность обобщенія въ группированіи съѣстныхъ предметовъ. Дарвинъ, въ своемъ интересномъ отчетѣ о раннемъ душевномъ развитіи одного изъ своихъ дѣтей, рассказываетъ, что когда этому ребенку былъ ровно годъ, онъ придумалъ слово «шш» для обозначенія всякаго рода пищи. Затѣмъ онъ продолжалъ различать разные виды пищи при помощи какой-нибудь квалифицирующей прибавки; такъ, сахаръ назывался у него «shu-shu». Вниманіе къ общимъ видимымъ чертамъ приходитъ позднѣе. Маленькій мальчикъ, лично извѣстный автору, на 18-мъ мѣсяцѣ примѣнилъ слово «шарикъ» къ пузырькамъ, замѣченнымъ имъ на поверхности стакана съ пивомъ. Такое примѣненіе подразумеваетъ способность отвлеченія отъ цвѣта и величины и сосредоточенія на шарообразной формѣ.

По мѣрѣ расширенія опыта и усиленія способности абстракціи, схватываются менѣе выдающіяся и болѣе тонкія черты сходства. Нерѣдко дѣти приводятъ взрослыхъ въ недоумѣніе своеобразнымъ употребленіемъ словъ, именно потому, что взрослые не могутъ схватить той аналогіи между предметами или событіями, которую замѣчаетъ юная душа. ¹⁾ Мало по малу душа, приближается къ образованію болѣе абстрактныхъ идей. Одна изъ самыхъ раннихъ абстрактныхъ идей есть идея исчезновенія или состоянія отсутствія, выражаемая обыкновенно слогомъ «тю-тю» или другими однородными слогами ²⁾.

Употребленіе прилагательныхъ. Прогрессъ способности абстракціи

¹⁾ Напримѣръ, ребенокъ двухъ съ половиною лѣтъ, увидѣвъ стаю птицъ сидѣвшую въ рядъ на оградѣ, сказалъ: «онѣ пьютъ чай». Идею птицъ, сидящихъ въ рядъ, онъ ассоціировалъ съ идеей сидящихъ за столомъ.

²⁾ Профессоръ Прейеръ говоритъ, что его сынъ достигъ понятія исчезновенія на 15-мъ мѣсяцѣ. Мальчикъ, извѣстный автору, несомнѣнно употреблялъ звукъ «ta-ta», или «ao» (all gone—всѣ ушли) для обозначенія, какъ исчезновенія, такъ и отсутствія предмета, когда ему было 16 мѣсяцевъ отъ роду.

обнаруживается отчетливо тогда, когда ребенокъ начинаетъ употреблять прилагательныя для квалифицированія предметовъ. Еще въ первой стадіи рѣчи ребенокъ подхватываетъ и начинаетъ употреблять нѣкоторыя прилагательныя, какъ, напр., «горячій», «хорошій», «красивый» и т. п., отвѣчающія простымъ ощущеніямъ, представляющимъ для него особенный интересъ. Боле труднымъ является пониманіе значенія относительныхъ терминовъ, напр., «большой». Мальчикъ, о которомъ упоминалось выше, въ первый разъ употребилъ это слово, когда ему было около 22-хъ мѣсяцевъ. Увидѣвъ грача, пролетавашаго надъ его головой, онъ сказалъ: «большая птица».

Изъ такихъ боле абстрактныхъ концепцій, достигаемыхъ въ раннемъ возрастѣ, концепціи чиселъ и времянъ заслуживаютъ нѣсколькихъ бѣглыхъ словъ. Профессоръ Прейеръ говоритъ, что его сынъ, когда ему было 22 мѣсяца, различалъ одинъ предметъ отъ нѣсколькихъ, и это было гораздо раньше, чѣмъ онъ сталъ различать два отъ трехъ и т. д. Всякое количество предметовъ (кромя одного) онъ называлъ «два, три, четыре», согласно формулѣ, которой его научила мать. Трехъ съ половиной лѣтъ онъ еще смѣшивалъ число съ величиной. Такъ, изъ шариковъ трехъ разныхъ величинъ, самый маленькій онъ называлъ «четыре, средній—«пять», а самый большой—«шесть»¹⁾. Этотъ самый ребенокъ въ періоды прошедшаго обозначалъ общимъ названіемъ «вчера», а въ періоды будущаго общимъ названіемъ «завтра» или «скоро». Необходимо значительное развитіе интеллекта (съ наблюдательностью включительно) для того, чтобы ребенокъ могъ перейти отъ общаго грубаго различенія одного предмета отъ нѣсколькихъ къ распознаванію опредѣленныхъ чиселъ, и отъ простаго различенія прошедшаго отъ будущаго къ распознаванію опредѣленныхъ дѣлений времени, какъ-то: вчера, завтра, на прошлой недѣлѣ, на будущей недѣлѣ.

¹⁾ Это соотвѣтствуетъ тому факту, что многія дикія расы не умѣютъ считать дальше пяти, т.-е. дальше той точки, до которой числовыя различія ясно видны на глазъ. Животныя обладаютъ, повидимому, лишь зачаточною способностью воспріятія чиселъ. Перець говоритъ, что то, что рассказано выше о ребенкѣ, не различавшемъ никакихъ чиселъ, кромя одного, соотвѣтствуетъ способности различенія чиселъ у животныхъ. Кошка, которой оставляли одного котенка изъ нѣсколькихъ, чувствовала себя несчастною; но та же кошка, когда ей оставляли двухъ котятъ изъ пяти, была довольна. Ола, значить, дѣлала различіе между однимъ и нѣсколькими. Сэръ Джонъ Леббокъ замѣтилъ недавно, что если въ гнѣздѣ лежатъ четыре яйца, то можно взять одно, не потревоживъ мать; но если взять два яйца, то самка обыкновенно покидаетъ гнѣздо.

Періодъ болѣе полного развитія. Способность абстракціи, анализа предметовъ и раскрыванія ихъ общихъ сторонъ, свойствъ и отношеній достигаетъ своего полного развитія лишь медленно. Обозначенію названій мы выучиваемся задолго до тщательнаго анализа ихъ значенія. Это ясно обнаруживается въ позднемъ наступленіи пониманія и употребленія отвлеченныхъ названій. Какъ замѣтилъ Перецъ, двухъ-лѣтній ребенокъ вполнѣ понимаетъ фразу «этотъ стаканъ больше пробки», но не пойметъ выраженія «величина этого дома». Ясное пониманіе болѣе абстрактныхъ понятій, обнимающихъ собою понятія душевныхъ и моральныхъ свойствъ, принадлежитъ періоду отрочества, какъ различаемаго отъ періода дѣтства. Періодъ дѣтства есть періодъ конкретнаго знанія по преимуществу. Количество концепцій, слагающихся въ теченіи этого періода, сравнительно невелико, и состоитъ изъ такихъ концепцій, которыя обусловливаются присутствіемъ многочисленныхъ или яркихъ точекъ сходства. Но, начиная приблизительно съ двѣнадцатаго года, обыкновенно наблюдается замѣтное усиленіе способности абстракціи. У дѣтей, наблюдательность и воображеніе которыхъ были развиваемы какъ слѣдуетъ, замѣчается въ этомъ возрастѣ сильная склонность разсматривать предметы съ ихъ общихъ сторонъ. Соответственно этому и языкъ ихъ становится общіе и абстрактнѣе.

Какъ измѣряется прогрессъ способности созиданія концепціи. Прогрессъ способности созиданія концепціи можетъ быть измѣряемъ различными способами. По мѣрѣ развитія способности абстракціи, частныя впечатлѣнія и наблюденія все болѣе и болѣе сводятся къ общимъ отдѣламъ. Затѣмъ мы замѣчаемъ, что концепціи равной степени общности слагаются все легче и легче. Образованіе новаго понятія требуетъ менѣе времени и меньшаго усилія. Кроме того, образуемая нами концепціи обнаруживаютъ болѣе высокую степень общности и болѣе абстрактный характеръ. Употребленіе такихъ словъ, какъ «дѣйствія», «жизнь», «идея», указываетъ на значительный шагъ впередъ. Далѣе, прогрессъ способности созиданія концепціи отмѣчается усиленіемъ отчетливости уже образовавшихся концепцій, болѣею легкостью въ опредѣленіи употребляемыхъ нами терминовъ и въ различеніи ихъ отъ другихъ терминовъ, съ которыми ихъ легко смѣшать.

Виды способности созиданія концепцій. Способность абстракціи значительно различается у разныхъ индивидуумовъ. Одни несравненно быстрѣе другихъ видятъ сходство среди разнообразія, подмѣчаютъ аналогіи и освѣщаютъ общія стороны предметовъ. Та-

нія индивидуальныя различія объясняются частью неравенствомъ способности вниманія, отвлеченія мыслей отъ того, что ихъ притягиваетъ въ данную минуту, и сосредоточенія ихъ на томъ, что мы желаемъ изслѣдовать. Частью они зависятъ также отъ неравенства способности уподобленія у разныхъ индивидуумовъ. Какъ было замѣчено выше, весьма вѣроятно, что нѣкоторые лица отмѣчаются специальною склонностью къ различенію сходства, тогда какъ другія лучше воспринимаютъ различія.

Такъ называемая хорошая способность абстракціи проявляется въ общей легкости распознаванія общихъ свойствъ и отношеній предметовъ. Въ то же время мы видимъ обыкновенно, что способность эта проявляется въ специальной формѣ въ какой-нибудь определенной области объектовъ воспріятія и идей. Такъ, одинъ ребенокъ выказываетъ особенную способность абстракціи въ классификаціи предметовъ природы, на примѣръ, минераловъ и растений; другой—въ анализѣ физическихъ процессовъ; третій—въ построеніи идеальныхъ математическихъ понятій; четвертый—въ классификаціи типовъ человѣческихъ характеровъ и побужденій.

Далѣе, ясно, что различія эти зависятъ частью отъ врожденныхъ особенностей. Съ самаго начала дѣти бываютъ одарены способностью уподобленія въ неравной степени. Часто трехлѣтній ребенокъ обнаруживаетъ замѣчательную проникаемость въ схватываніи сходства формъ предметовъ, привычекъ разныхъ лицъ и т. п. Кроме того, та или другая душевная организація и индивидуальныя вкусы могутъ вызвать специальную склонность къ определенной формѣ концепцій. Такъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ребенокъ, особенно внимательный къ формамъ, выказываетъ особенную легкость пониманія геометрическихъ концепцій, тогда какъ у другаго, отличающагося избыткомъ мышечной энергіи и сильною склонностью къ практическимъ изобрѣтеніямъ, естественно будутъ слагаться понятія о процессахъ природы,—понятія, составляющія специальность механики.

Въ то же время степень способности абстракціи, какъ въ общемъ, такъ и въ какомъ-нибудь специальномъ направленіи, зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ количества упражненія, развиванія или культуры. Въ общемъ можно сказать, что самое рѣзкое отличіе образованнаго юноши отъ необразованнаго—это обладаніе большимъ запасомъ общихъ понятій и легкостью въ распознаваніи и выдѣленіи общихъ сторонъ окружающихъ предметовъ. Не менѣе очевидно и то, что пристрастіе къ какой-нибудь

спеціальної отрасли изученія, наприкладъ, къ языкамъ или къ математикѣ, ведетъ, въ среднемъ, къ замѣтному усиленію спеціальной способности созиданія концепцій въ этой опредѣленной области.

Развиваніе способности абстракціи. Задача упражненія способности абстракціи и обобщенія сопряжена съ особенными трудностями. Вообще говорятъ, что дѣти очень любятъ конкретное и чувствуютъ отвращеніе къ абстракціи, находятъ ее трудною. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно и то, что они самопроизвольно упражняются въ отыскиваніи подобія предметовъ и въ болѣе простыхъ родахъ обобщенія. Дѣйствительно, открывать подобія является для ребенка истиннымъ интеллектуальнымъ удовольствіемъ. Мы видимъ, какъ сіяетъ лицо маленькаго ребенка, когда онъ открываетъ новую точку сходства между предметами. ¹⁾ Вызывая къ дѣятельности и развивая способности ребенка, воспитатель можетъ до извѣстной степени утилизировать это удовольствіе, испытываемое ребенкомъ при видѣ сходства. Отсутствіе въ дѣтяхъ интереса къ общимъ свойствамъ предметовъ нерѣдко является слѣдствіемъ того, что душа ихъ не имѣетъ необходимаго запаса конкретныхъ примѣровъ, изъ котораго могли бы образоваться понятія ²⁾.

Упражненіе въ классификаціи предметовъ. Развиваніе способности созиданія концепцій должно бы начинаться въ связи съ чувственнымъ наблюденіемъ. Какъ было указано выше, способность абстракціи обнаруживается, прежде всего, въ анализѣ составныхъ частей и свойствъ предметовъ. И упражненіе это должно бы идти рука объ руку съ сравненіемъ предметовъ между собою. Такимъ образомъ, первые уроки классификаціи предметовъ и распознаванія ихъ абстрактныхъ свойствъ должны бы, естественно, вытекать изъ упражненія внѣшнихъ чувствъ и наблюдательности. Для того, чтобы придать болѣе живой интересъ упражненіямъ воспитатель долженъ бы какъ можно больше пользоваться побужденіями ребенка къ дѣятельности, заставляя его выбирать и сортировать предметы.

¹⁾ Напр., одинъ мальчикъ (26 мѣсяцевъ), увидѣвъ собаку, тяжело дышавшую послѣ быстрого бѣга, воскликнулъ съ видимымъ удовольствіемъ: «Точно пухъ пухъ» (локомотивъ).

²⁾ «Ни на что душа человѣческая не бросается съ такимъ восторгомъ, какъ на обобщеніе или классификацію послѣ того, какъ успѣла накопить запасъ частныхъ, и ни отъ чего не отворачивается она съ большимъ отвращеніемъ въ своемъ первобытномъ состояніи голода». (Исаакъ Тэйлоръ).

Далѣ, наставникъ можетъ способствовать процессу обобщенія разумнымъ выборомъ частныхъ для наблюденія. Здѣсь онъ долженъ помнить, что первыя впечатлѣнія самыя прочныя, и что экземпляры перваго изучаемаго класса кладутъ свой отпечатокъ на окончательное понятіе. Поэтому, первыми экземплярами, которые онъ предложитъ вниманію воспитанниковъ, должны быть такіе, въ которыхъ всего яснѣе выражаются характерныя свойства класса, и которые, слѣдовательно, могутъ служить лучшими представителями этого класса. Такъ, —возьмемъ наглядный примѣръ, —при построеніи класса «пища» лучше брать обыкновенныя и извѣстныя виды пищи, каковы: молоко, хлѣбъ и т. п., нежели исключительныя ея виды. Точно такъ же въ элементарномъ урокѣ ботаники, хорошіе средніе образцы, представляющіе типичныя формы растений, предпочтительны передъ необыкновенными или крайними экземплярами. По той же причинѣ первымъ примѣромъ острова лучше взять такой островъ, какъ Исландія, окруженный большимъ пространствомъ воды, чѣмъ такой, какъ Ньюфаундленъ или Вайтъ, имѣющіе ту поражающую случайную черту, что они являются какъ бы дополненіемъ материка. При переходѣ къ геометрическимъ концепціямъ наставникъ долженъ быть очень внимательнымъ къ тому, чтобы приводимыя имъ примѣры были типичны. Такъ, первый треугольникъ, который онъ покажетъ ученикамъ, не долженъ имѣть какой-нибудь крайней формы, въ родѣ равнобедреннаго треугольника съ очень узкимъ основаніемъ, а такую, въ которой всѣ три стороны и всѣ углы видны отчетливо и сразу.

Слѣдуетъ съ самаго начала съ помощью практическихъ средствъ ослабить по возможности притягательную силу индивидуальныхъ особенностей, противъ которой приходится бороться способности абстракціи. При обученіи геометріи, это достигается посредствомъ отдѣленія формы отъ ея конкретнаго воплощенія и въ особенности отъ привлекательнаго для ребенка спутника — цвѣта. Черченіе геометрическихъ фигуръ на черной доскѣ въ высшей степени помогаетъ образованію абстрактнаго идеальнаго понятія о совершенной формѣ, отдѣльной отъ субстанции. До извѣстной степени это средство годится и для объясненія формъ конкретныхъ предметовъ. Такъ, преподаватель хорошо сдѣлаетъ, если дастъ учащимся контуры типичной формы (или формъ) горы прежде, чѣмъ переходить къ разсматриванію индивидуальныхъ образцовъ съ ихъ неправильностями и особенностями. Точно такъ же, при построеніи болѣе простыхъ числовыхъ понятій, лучше начинать съ

простыхъ и не особенно интересныхъ предметовъ, напримѣръ, съ мелкихъ камешковъ, гдѣ развлекающее вліяніе цвѣта и ассоціацій удовольствія доведено до минимума.

Далѣе, необходимо достаточное разнообразіе примѣровъ для того, чтобы избѣжать поспѣшности въ сравненіи и вытекающей изъ нея неясности и неточности концепцій. По замѣчанію Уэтца, надѣ доводить учащагося до того, чтобы онъ усвоилъ концепцію во всемъ ея объемѣ и могъ бы воспроизвести ее; иначе она будетъ страдать въ отношеніи ясности и опредѣленности въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ. Нѣтъ ничего пагубнѣе торопливости въ подготовительномъ процессѣ закладыванія основанія для абстрактной концепціи, заключающагося въ наблюденіи конкретныхъ примѣровъ; основаніе это должно быть широко и прочно. Безъ сомнѣнія, и въ этомъ должна быть соблюдаема извѣстная осмотрительность. Количество примѣровъ, необходимое для ясной концепціи, не во всѣхъ случаяхъ одинаково. Какъ замѣтилъ д-ръ Бэнъ, для усвоенія какого-нибудь одного свойства, напримѣръ, тяжести или прозрачности, ребенку достаточно одного—двухъ хорошо выбранныхъ примѣровъ, тогда какъ для распознаванія классовъ, характеризуемыхъ многими, связанными между собою свойствами, напримѣръ, класса металловъ, растений и т. п., необходимо множество примѣровъ. Даже идеи чиселъ не могутъ быть усвоены, какъ слѣдуетъ, безъ достаточнаго количества конкретныхъ примѣровъ. Выяснить ребенку сущность идеи числа, какъ чего-то независимаго отъ опредѣленнаго мѣстнаго расположенія предметовъ, мы можемъ лишь съ помощью видоизмѣненія этого расположенія, напримѣръ, представивъ ему число «три» въ видѣ трехъ точекъ или крапинокъ, расположенныхъ сперва въ рядъ, потомъ треугольникомъ и т. д. Только сравнивая группы разныхъ предметовъ: деревьевъ, бусинокъ и т. п., ребенокъ вполнѣ схватываетъ абстрактную идею чиселъ: три, четыре и т. д., въ отличіе ея отъ идеи трехъ бусинокъ и т. п. Отчасти и родители должны бы руководить построеніемъ элементарныхъ числовыхъ идей ребенка въ его наблюденіяхъ надъ нѣсколько обыкновенными группами предметовъ.

Кромѣ того, въ процессѣ развиванія способности абстракціи преподаватель долженъ стараться комбинировать упражненіе способности различенія съ упражненіемъ способности уподобленія. Такъ, онъ долженъ заставлять ребенка дѣлать различіе между прозрачными и непрозрачными, твердыми и жидкими, органическими и неорганическими, трехъ-угольными и четырехъ-угольными

тѣлами и т. д., и упражнять его въ систематической классификаціи предметовъ. Такимъ образомъ, концепціи ребенка будутъ развиваться въ смыслѣ опредѣленности и систематичности.

Этотъ процессъ сравниванія и классификаціи долженъ дополняться наименованіемъ группъ и указываніемъ въ формѣ опредѣленія наиболѣе важныхъ общихъ чертъ предметовъ. Этой части процесса присущи особаго рода опасности. Родители и наставники нерѣдко страдаютъ небрежностью въ опредѣленіяхъ. Слѣдуетъ строго соблюдать правила опредѣленія: выбирать существенныя и важныя свойства предметовъ и давать ихъ учащимся въ достаточномъ количествѣ, для того, чтобы они могли распознавать членовъ класса. Мѣрило хорошаго опредѣленія заключается въ томъ, насколько опредѣленіе указываетъ на отличительный характеръ обозначаемыхъ имъ предметовъ, и насколько оно, такимъ образомъ, помогаетъ намъ отождествлять ихъ. Для достиженія этого результата нѣтъ надобности указывать учащемуся съ самаго начала на всѣ, даже на самыя неясныя свойства предмета. Такъ, мы можемъ вполне достаточно выяснить ребенку термины «металлъ» или «растеніе», не утомляя его вниманія всѣми тѣми свойствами, которыя подразумеваютъ подъ этими терминами химии и ботаники. Однако, при употребленіи опредѣленій, преподаватель долженъ остерегаться подстановки словесной формулы опредѣленія вмѣсто самыхъ реальныхъ предметовъ и ихъ свойствъ: Опредѣленіе должно быть основано на дѣйствительномъ наблюденіи предметовъ, должно вытекать изъ этого наблюденія, и жизненность понятія должна поддерживаться непрерывнымъ обращеніемъ къ конкретнымъ примѣрамъ, обращеніемъ, выражающимся въ отождествленіи, выдѣленіи единичныхъ предметовъ и т. д.

Согласно главному девизу современнаго воспитанія: «вещи прежде названій», желательно, чтобы каждое опредѣленіе было основано на сравненіи между собою реальныхъ предметовъ. Эта истина вполне признана для такихъ предметовъ, преподаваніе которыхъ вообще считается нужнымъ начинать съ опредѣленій, каковы: ариѳметика, геометрія и физика. Безполезно заставлять ребенка углубляться въ опредѣленія Эвклида до тѣхъ поръ, пока наблюденіе надъ реальными предметами не научило его построенію идей болѣе простыхъ геометрическихъ формъ. Не замедлять признать и то, что преподаваніе грамматическихъ различій должно слѣдовать тому же правилу. Другими словами, для того, чтобы понять истинное значеніе той или другой части рѣчи, или

роль ея въ предложеніи, лучше всего начинать съ разсматриванія живыхъ образцовъ устныхъ или письменныхъ предложеній и сравниванія между собою многихъ такихъ предложеній.

Объясненіе значенія словъ. При развиваніи въ дѣтяхъ способности абстракціи особенно труднымъ является образованіе такихъ понятій, которыя не могутъ быть построены помощью прямого наблюденія предметовъ. Въ самомъ элементарномъ урокѣ географіи или исторіи неизбѣжно употребляется извѣстное количество такихъ терминовъ. При объясненіи началъ нравственности приходится отъ времени до времени вводить и объяснять новыя и трудныя слова. Искусство пояснять удачными примѣрами и подходящимъ языкомъ смыслъ новыхъ терминовъ есть одна изъ отличительныхъ чертъ хорошаго преподавателя. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ имѣетъ запасъ конкретныхъ примѣровъ, какъ, напримѣръ, при объясненіи нравственныхъ свойствъ, лучше всего прямо обращаться къ его личному опыту. Напр., такія свойства, какъ умѣренность, справедливость и т. п., слѣдуетъ объяснять наглядно, примѣрами описываемаго или противоположнаго ему свойства, взятыми изъ собственной жизни ребенка. Но такіе примѣры слѣдуетъ дополнять выдающимися историческими или литературными примѣрами, въ родѣ патриотизма Горація, смѣлости Гресь Дарлингъ, и т. п. А гдѣ, какъ при объясненіи многихъ историческихъ терминовъ, наставникъ не можетъ привести примѣровъ изъ личнаго опыта ребенка, онъ долженъ какъ можно болѣе пользоваться представляемыми этимъ опытомъ аналогіями, чтобы обезпечить построеніе ясныхъ типичныхъ образовъ, а слѣдовательно, и ясныхъ понятій.

Контролированіе употребленія дѣтьми словъ. Нѣтъ, быть можетъ, ни одного отдѣла развиванія интеллекта, который требовалъ бы такого пристальнаго вниманія, какъ контролированіе употребленія дѣтьми словъ. Съ одной стороны, вредно, когда ребенокъ подхватываетъ и начинаетъ употреблять слово прежде, чѣмъ бываетъ въ состояніи связать съ нимъ точную идею, — начинаетъ употреблять его только потому, что слово это употребляютъ старшіе и что оно звучитъ для него величественно. «Когда, — говоритъ г-жа Неккеръ, — нужда въ словѣ предшествуетъ обладанію имъ, ребенокъ примѣняетъ его естественно и вѣрно». Но, съ другой стороны, по мѣрѣ развитія интеллекта и его требованій, слѣдуетъ вводить и объяснять новыя слова. По замѣчанію той же писательницы, «умѣнье выражать мысли помогаетъ выясненію ихъ».

Воспитатель долженъ ревниво слѣдить за тѣмъ, какъ ребенокъ употребляетъ слова, для того, чтобы оградить его отъ неряшливаго примѣненія. Рано вкоренившаяся небрежность и смутность выражений вообще ведутъ къ привычкѣ неряшливаго мышленія. Только заставляя учащагося какъ можно лучше выяснять свои понятія, можемъ мы предотвратить эту опасность. Съ самаго начала слѣдуетъ упражнять его въ объясненіи употребляемыхъ имъ словъ. Въ высшей степени важно слѣдить за тѣмъ, чтобы ребенокъ не употреблялъ ни одного слова, съ которымъ для него не связывалось бы какого-нибудь понятнаго для него смысла. Слѣдуетъ спрашивать дѣтей о значеніи словъ, требовать отъ нихъ конкретныхъ примѣровъ понятій и (гдѣ возможно) опредѣленія обозначающихъ ихъ терминовъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ. Для начала незачѣмъ требовать, чтобы смыслъ, который ребенокъ связываетъ со словомъ, былъ точенъ. Наставникъ можетъ довольствоваться грубымъ приближеніемъ къ точному смыслу, лишь бы смыслъ этотъ былъ опредѣленъ и ясенъ душѣ ребенка. По мѣрѣ расширенія познаній ребенка, воспитатель долженъ дополнять и исправлять эти первыя необработанныя понятія, замѣняя грубыя и неточныя приближенія точными опредѣленіями.

Порядокъ изученія абстрактныхъ наукъ. Способность абстракціи упражняется въ весьма неравной степени въ различныхъ предметахъ обученія; поэтому, ихъ слѣдуетъ вводить въ разное время. Классификація предметовъ природы, напр., требуетъ такой слабой степени этой способности, что, какъ было замѣчено выше, ее (классификацію) можно начинать въ самомъ раннемъ возрастѣ—возрастѣ наблюденія—еще въ дѣтской, или въ дѣтскихъ садахъ. Упражненіе способности абстракціи въ построеніи идей чиселъ принадлежитъ болѣе позднему періоду. Немногія дѣти, я полагаю, бываютъ готовы къ такому упражненію до достиженія четвертаго или пятаго года. То же можно сказать объ образованіи элементарныхъ геометрическихъ идей. Строгая классификація естественныхъ наукъ, напр., классификація растений, предполагаетъ еще болѣе высокую степень способности сравненія, уподобленія и различенія. Еще болѣе рѣшительнымъ скачкомъ впередъ является переходъ отъ классификаціи естественныхъ наукъ къ болѣе высокимъ абстракціямъ (концепціямъ) физическихъ наукъ, каковы: сила, скорость движенія и т. п., къ болѣе труднымъ математическимъ концепціямъ, каковы: синусъ угла и др., и къ болѣе глубокимъ* (запутаннымъ) и неяснымъ идеямъ

исторіи и нравственности, какъ-то: государство, представительное правленіе, справедливость и т. д. *).

Вопросъ, когда является возможнымъ и наиболее выгоднымъ приступить къ этимъ болѣе отвлеченнымъ предметамъ, есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ въ дѣлѣ воспитанія. По быстротѣ этой стороны интеллектуальнаго развитія (абстракціи) разные индивидуумы до такой степени отличаются одинъ отъ другого, что въ этомъ вопросѣ невозможно установить никакого общаго правила. Впрочемъ, можно утверждать только одно: что прежніе преподаватели вообще слишкомъ рано приступали къ отвлеченнымъ предметамъ, и весьма вѣроятно, что необходимость пройти множество предметовъ въ сравнительно короткое время, — необходимость, которой должны подчиняться современные преподаватели, ведетъ къ неблагоразумному, если не безусловно вредному, введенію абстрактныхъ наукъ до достиженія учащимся полной подготовки къ изученію ихъ.

*) Въ установленіи порядка отвлеченности наукъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ пунктовъ является опредѣленіе истиннаго положенія грамматики съ логической точки зрѣнія.

Глава XIV.

Сужденіе и разсужденіе.

Процессы абстракціи и концепціи, изложенные нами въ предъидущей главѣ, готовятъ путь къ болѣе высокой стадіи развитія мысли, а именно, къ сужденію и разсужденію. Эти два процесса такъ тѣсно связаны между собою, что лучше будетъ рассмотретьъ ихъ вмѣстѣ.

Природа сужденія. Въ обыденной жизни судить, значитъ приходить къ рѣшенію по какому-нибудь вопросу, въ родѣ того, какъ судья приходитъ къ рѣшенію судебного дѣла. Такое рѣшеніе предполагаетъ вопросъ, нѣкоторое поле для сомнѣній и сложный процессъ взвѣшиванія доказательствъ.

Въ наукѣ о душѣ терминъ «сужденіе» употребляется въ болѣе обширномъ смыслѣ. Мы судимъ, когда утверждаемъ что-либо, или отрицаемъ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ яснѣн и точенъ (какъ, напримѣръ, когда мы говоримъ «это роза», «два и два равняется четыремъ»), такъ и въ тѣхъ, когда предметъ допускаетъ сомнѣніе (напримѣръ, «этотъ планъ самый лучший»). Актъ сужденія состоитъ въ томъ, чтобы видѣть, что предметъ таковъ-то, или таковъ-то, и быть готовымъ утверждать это.

Результатъ этого акта называется сужденіемъ. Каждое сужденіе можетъ быть выражено положеніемъ или такъ-называемымъ въ логикѣ «предложеніемъ». «Подлежащее» предложенія отвѣчаетъ предмету, о которомъ что-либо утверждается, сказуемое—тому, что утверждается. Такъ, въ положеніи: «огонь грѣетъ» душа высказываетъ нѣчто о подлежащемъ «огонь», а именно, что онъ обладаетъ свойствомъ давать тепло.

Очевидно, что утвержденіе чего-либо о предметѣ обуславливается отношеніемъ къ факту или дѣйствительности. Когда ре-

бенокъ говорить, что его пища горяча, или что тарелка грязна, онъ думаетъ объ этихъ предметахъ, какъ дѣйствительно находящихся въ этихъ состояніяхъ. Другими словами, сужденіе подразумѣваетъ вѣру въ извѣстный фактъ. Если мы не вѣримъ, что предмету дѣйствительно принадлежитъ то, что про него утверждается, мы не судимъ. Далѣе, ясно, что такъ какъ въ актѣ сужденія мы представляемъ себѣ предметъ такимъ-то, или такимъ-то, то сужденіе наше можетъ быть правильно и неправильно, или ошибочно соотвѣтственно тому, согласуется или не согласуется наше представленіе съ реальнымъ фактомъ. И, наконецъ, по той же причинѣ предложеніе, излагающее сужденіе, можетъ быть вѣрно или невѣрно.

Въ нашихъ положеніяхъ мы не во всѣхъ случаяхъ высказываемъ или рѣшаемъ о предметѣ одно и то же. Иногда мы помѣщаемъ предметъ въ извѣстный классъ или надѣляемъ его извѣстными свойствами, какъ, напримѣръ, въ утвержденіяхъ: «это время», «этотъ ножъ заржавѣлъ». Въ другихъ случаяхъ мы представляемъ на видѣ отношенія между предметами, какъ въ предложеніяхъ: «Ирландія лежитъ на западѣ отъ Великобританіи», «тепло смягчаетъ тѣла». Одинъ важный классъ утверждений имѣетъ дѣло съ отношеніями подобія и различія, какъ въ сужденіяхъ: «Французскій языкъ похожъ на латинскій», «противоположныя стороны параллелограмма равны между собою», «сумма двухъ сторонъ треугольника больше третьей его стороны».

Всякое сказуемое утверждаетъ сходство или несходство, или открыто, или подразумѣваемо. Такъ, когда мы помѣщаемъ предметъ въ извѣстный классъ или (менѣе отчетливо), когда мы приписываемъ ему извѣстное свойство, мы уподобляемъ его другимъ предметамъ. Точно такъ же, высказывая отношеніе между предметами, напримѣръ, отношеніе причины и слѣдствія, мы уподобляемъ опредѣленную, дѣйствующую причину, какъ таковую, другимъ извѣстнымъ намъ причинамъ.

Изъ этого краткаго опредѣленія сужденія можно видѣть, что оно контекстивно со всею областью знанія. Все, что мы знаемъ или думаемъ—что знаемъ, заключаетъ въ себѣ элементъ сужденія, и когда сужденіе это становится отчетливымъ знаніемъ, оно можетъ быть выражено ясно въ предложеніи. Такъ, даже въ нашихъ повседневныхъ актахъ воспріятія мы безотчетно утверждаемъ, что то, что мы видимъ, есть реальный, осязаемый предметъ, что онъ находится въ опредѣленномъ разстояніи отъ насъ, что онъ представляетъ такіа-то черты, и т. д. Самый простой

актъ анализа, выполняемаго нами надъ предметомъ воспріятія, заключаетъ, такимъ образомъ, зачатокъ сужденія. Это сужденіе можетъ не достигъ ясности и не выразиться въ предложеніи (высказанномъ или не высказанномъ), но существенная дѣятельность процесса сужденія будетъ присутствовать въ немъ въ извѣстной мѣрѣ.

Отношеніе концепціи къ сужденію. Очевидно, что сужденіе, какъ связующее между собою двѣ идеи, есть болѣе сложный душевный продуктъ, чѣмъ концепція. Каждый ясный актъ сужденія подразумѣваетъ уже образовавшуюся концепцію. Мы не можемъ утверждать чего-либо о конкретномъ, индивидуальномъ предметѣ, не имѣя идеи того, что утверждаемъ. Говоря, на примѣръ, «этотъ камень ископаемъ», или «это вещество прозрачно», мы уже имѣемъ идею ископаемаго и прозрачности.

Съ другой стороны, хотя сужденіе и предполагаетъ существованіе концепціи, въ образованіе самой концепціи входитъ зачаточная форма сужденія. Такъ, ребенокъ не можетъ образовать идеи «тяжелый» безъ предварительнаго сравненія между собою тяжелыхъ предметовъ и подразумѣваемаго утвержденія, что они сходятся относительно этого качества. Каждая послѣдующая стадія обобщенія достигается, такимъ образомъ, посредствомъ процесса сужденія, признающаго предметы подобными. Въ построеніе же болѣе сложныхъ концепцій классовъ, на примѣръ, классовъ «жельзо» или «металлъ», ребенокъ связываетъ множество свойствъ, каковы: вѣсъ, твердость, металлическій блескъ. Эта работа комбинированія свойствъ постепенно расширяется, по мѣрѣ того, какъ ребенокъ открываетъ въ предметахъ новыя свойства, и выполняется послѣдовательными актами сужденія. Другими словами, результатъ акта сужденія воплощается въ концепціи. Найдя, на примѣръ, что жельзо смягчается отъ жара, ребенокъ вводитъ этотъ фактъ въ свою идею жельза, которая, такимъ образомъ, становится полнѣе и богаче. Затѣмъ, мы видимъ, что послѣдовательныя ступени развитія нашихъ концепцій достигаются посредствомъ актовъ сужденія, и каждое такое расширеніе концепціи доставляетъ элементъ для болѣе высокой формы сужденія. Такимъ образомъ, ростъ концепціи и ростъ сужденія идутъ рука объ руку и поддерживаютъ другъ друга.

Процессъ сужденія. Душевный процессъ, который ведетъ къ рѣшенію и утвержденію, можетъ быть кратокъ и простъ или продолжителенъ и сложенъ. Впрочемъ, вообще мы можемъ сказать, что процессъ сужденія требуетъ: а) готовыхъ матеріаловъ для

образованія сужденія, и в) процесса размышленія надъ этими матеріалами, для того, чтобы видѣть, на какой результатъ они указываютъ. |

а) Матеріалы, дающіе намъ возможность судить о предметахъ, доставляются намъ или собственнымъ личнымъ опытомъ, или словами, или свидѣтельствами другихъ лицъ. Опытъ и авторитетъ суть, такимъ образомъ, два крупныхъ источника нашихъ фактовъ или данныхъ.

Очевидно, что способность судить о предметѣ предполагаетъ тщательное наблюденіе въ прошломъ и быстрое воспроизведеніе наблюденнаго. Я не могу рѣшить, принадлежитъ-ли этотъ цвѣтокъ къ виду ятрышника, или онискъ-ли этотъ камень, если я не замѣтилъ тщательно характерныхъ чертъ класса, отличающихъ его отъ другихъ классовъ. Мало того: если мы не наблюдаемъ и не воспроизводимъ въ памяти предметовъ въ ихъ истинныхъ соотношеніяхъ времени и мѣста, мы не будемъ въ состояніи придти относительно ихъ ни къ какому рѣшенію. Такъ, для того, чтобы судить о природѣ такой-то скалы, мы должны вызвать въ памяти не только точный видъ скалы, на которія она походитъ, но и положеніе этихъ скалъ по отношенію къ другимъ наслоеніямъ.

Свидѣтельства другихъ лицъ, съ преданіемъ и авторитетомъ включительно, представляютъ крупный добавочный источникъ матеріаловъ сужденія. Если бы ребенокъ вѣрилъ исключительно своему личному опыту и не придавалъ никакой цѣнности утвержденіямъ другихъ лицъ, онъ былъ бы не въ состояніи придти къ какому бы то ни было рѣшенію относительно многихъ предметовъ. Но авторитетъ легко можетъ приобрести чрезмѣрное вліяніе на сужденіе. Человѣкъ, который вѣритъ чему-нибудь только потому, что ему такъ сказали, тогда какъ могъ бы удостовѣриться собственнымъ наблюденіемъ, дѣйствительно-ли вѣренъ тотъ или другой фактъ, не пользуется своими матеріалами сужденія.

в) Процессъ размышленія надъ матеріалами требуетъ акта воли. Для того, чтобы придти къ здравому рѣшенію по маломальски трудному вопросу, нужно, чтобы душа отбросила все не относящееся къ дѣлу, твердо сосредоточилась на тѣхъ лишь фактахъ, которые относятся къ дѣлу, и завѣсила бы, какъ слѣдуетъ, точное отношеніе къ дѣлу каждаго факта. Все это представляетъ специальное упражненіе способности произвольнаго сосредоточенія мыслей. Чѣмъ выше эта способность произвольнаго контролиро-

ванія содержимаго души, тѣмъ яснѣе и быстрѣе будетъ рѣшеніе.

Процессъ сужденія вызываетъ къ полной дѣятельности процессы уподобленія и различенія. Чтобы судить о какомъ-нибудь предметѣ, мы должны умѣть распознавать его сходство съ тѣмъ, что намъ уже знакомо. Для того, чтобы мы могли сказать: «это камень», нужно, чтобы наша душа классифицировала этотъ предметъ съ известными намъ раньше предметами, на основаніи известныхъ пунктовъ подобія. Но хотя уподобленіе является, такимъ образомъ, выдающимся ингредиентомъ въ процессѣ сужденія, различеніе играетъ въ немъ не менѣе выдающую роль. Актъ различенія посредствомъ вѣдшихъ чувствъ есть простѣйшій типъ сужденія. И при классификаціи какого-нибудь предмета, напримѣръ, кремня, душа должна тщательно различать существенные признаки кремня отъ признаковъ другихъ камней, съ которыми его можно смѣшивать. Только при условіи такого различенія, а черезъ различеніе и посредствомъ уподобленія новаго старому въ существенныхъ пунктахъ сходства, получаемъ мы возможность судить правильно.

Завершающимъ элементомъ въ этомъ процессѣ произвольнаго размышленія и контролированія является подавленіе чувствованія и склонности. Когда мы сильно желаемъ найти предметъ такимъ или другимъ, наша душа легко склоняется въ этомъ направленіи. Правильное сужденіе о разумности или умѣстности той или другой мѣры предполагаетъ подавленіе какъ всякой склонности къ этой мѣрѣ, такъ и предубѣжденія противъ нея.

Когда процессъ сужденія завершился, остается достигнуть выраженія его результата подлежащимъ языкомъ. Это выраженіе является отнюдь не незначущею частью процесса. Люди, не привыкшіе ясно схватывать значеніе терминовъ и небрежные въ выборѣ словъ, вообще дурно выражаютъ свои рѣшенія. Ясное мышленіе обнимаетъ собою способность и наклонность придавать возможно точную форму выраженію мыслей.

Утвержденіе и отрицаніе.

Простѣйшій типъ сужденія есть утвержденіе, положительное удостовѣреніе въ томъ, что предметъ таковъ-то, или таковъ-то. Но не всѣ наши сужденія утвердительны. Логикѣ различаютъ сужденія и предложенія утвердительныя, и отрицательныя. Мы можемъ какъ утверждать, такъ и отрицать; можемъ сказать, что предметъ таковъ-то, или, что онъ не таковъ. Отрицаніе обращается назадъ къ предшествовавшему утвержденію, дѣйствительно

сдѣланному или возникшему въ душѣ. Такъ, фраза: «дождя не будетъ», подразумѣваетъ, что соответствующее утверженіе («дождь будетъ») было дѣйствительно кѣмъ-нибудь сдѣлано, или какимъ-нибудь образомъ было внушено вопросомъ: «будетъ-ли дождь?» или какъ-нибудь иначе. Отрицаніе есть отбрасываніе въ сторону утверженія, какъ невѣрнаго или ложнаго. Оно означаетъ, что наша душа неспособна скомбинировать идей, отвѣчающихъ предмету, и утверждать предлагаемымъ способомъ.

Очевидно, что утверженіе въ широкой мѣрѣ основано на открываніи подобія, отрицаніе основано на распознаваніи различій. Когда я говорю: «это не настоящее ископаемое», или «это не равносходный треугольникъ», я говорю это потому, что различаю черты, обнаруживаемыя находящимся передо мною предметомъ, отъ признаковъ извѣстнаго класса предметовъ. Отрицательныя сужденія въ высокой степени важны, какъ выясняющія различіе между предметами. Душа, тонко различающая факты и идеи, естественно, обращается къ этому типу сужденій.

Логикъ говорятъ намъ, что каждое положеніе, которое можетъ быть сдѣлано или предложено, должно быть или вѣрнымъ, или ложнымъ: «Этотъ цвѣтокъ или принадлежитъ къ виду ятрышника, или не принадлежитъ». Отсюда слѣдуетъ, что когда душа призывается судить о какомъ-нибудь предметѣ, она должна выбрать между утверженіемъ и отрицаніемъ. Мы должны рѣшить, напримѣръ, настоящій это алмазъ, или поддѣльный; виноватъ этотъ мальчикъ, или не виноватъ, и т. п. Поэтому, актъ сужденія (если выяснить его смыслъ) является въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выборомъ между двумя альтернативами, и, такимъ образомъ, напоминаетъ рѣшеніе судьи, къ которому, какъ было указано выше, относилось, повидимому, первоначально выраженіе «судить». Способность приходитъ къ рѣшенію по каждому вопросу зависитъ, такимъ образомъ, отъ способности различать: 1) что говорить за и что противъ предложенія, и 2) которое изъ соображеній (или группъ соображеній) имѣетъ большую важность.

Вѣра и сомнѣніе. До сихъ поръ мы предполагали, что душа должна приходитъ къ тому или иному рѣшенію по каждому представляющемуся ей вопросу. Но это не единственная альтернатива. Мы можемъ колебаться между утверженіемъ, что это настоящій алмазъ, и отрицаніемъ этого; въ послѣднемъ случаѣ говорить, что мы приостанавливаемъ, откладываемъ наше сужденіе. Такое

душевное состояніе называется состояніем сомнѣнія ¹⁾. Такъ, я могу быть совершенно неувереннымъ въ томъ, будетъ дождь или не будетъ, и тогда нельзя сказать, что я составилъ сужденіе объ этомъ предметѣ. Это состояніе души противоположно состоянію вѣры или опредѣленной увѣренности и исключаетъ его. Когда мы приходимъ къ опредѣленному рѣшенію по какому-нибудь вопросу, мы говоримъ: «я убѣжденъ», что это такъ; и выраженіе это показываетъ, что наша душа находится въ покоѣ, и что мы готовы дѣйствовать. Когда же, наоборотъ, мы сомнѣваемся, и нашу душу, такъ сказать, тянетъ по двумъ противоположнымъ направленіямъ, въ насъ является ощущеніе борьбы или разногласія, и дѣйствіе становится невозможнымъ. Сомнѣніе есть болѣе сложное душевное состояніе, нежели вѣра: оно обуславливается обхватомъ противоположныхъ соображеній. Поэтому, въ жизни ребенка оно проявляется позднѣе.

Объемъ сужденія. Различіе между утвердительными и отрицательными сужденіями называется качественнымъ различіемъ. Въ дополненіе къ нему логики признають количественное различіе, или различіе объема. Такъ, нѣкоторыя предложенія утверждаютъ или отрицають что-либо объ индивидуальномъ предметѣ, какъ, напримѣръ: «это раковина». Такія предложенія называются единичными. Другія же высказываютъ нѣчто о классахъ предметовъ. Изъ нихъ одни утверждаютъ о цѣломъ классѣ, какъ-то: «всѣ раковины строятся животными». Это общія предложенія. Другія утверждаютъ нѣчто объ одной части класса, какъ, напримѣръ: «нѣкоторыя (или многія) раковины находятъ въ морѣ». Такія предложенія называются частными.

Очевидно, что всѣ эти сужденія весьма различны по степени цѣнности. Самый важный классъ сужденій—сужденія общія. Они достигаются несравненно труднѣе, нежели единичныя или частныя, и только съ ихъ помощью, какъ мы сейчасъ увидимъ, получаемъ мы возможность рассуждать ясно и увѣренно.

Степень совершенства сужденій: ясность. Наши сужденія, такъ же, какъ и наши понятія, имѣють различныя стороны совершенства, и согласно со степенью, въ какой проявляются эти различныя совершенства, мы говоримъ, что человѣкъ отличается высокою или низкою способностью сужденія.

Первое изъ этихъ совершенствъ есть ясность. Подъ этимъ

¹⁾ Этимологія слова (dubio отъ duo, нѣмецкаго zweifeln отъ zwei) возбуждаетъ мысль о колебаніи души между двумя столкнувшимися альтернативами.

подразумѣвается, что концепціи, скомбинированныя въ сужденіе, отчетливы, и что отношенія ихъ отчетливо поняты. Недостатокъ отчетливости въ терминахъ ведетъ къ неопредѣленности въ утвержденіяхъ. Сужденіе: «порокъ унижаетъ», имѣетъ для души мальчика ровно столько ясности, сколько имѣютъ ее идеи: «порокъ» и «унижать». Мало того: сужденіе не можетъ быть яснымъ, если душа не различаетъ какъ всего непосредственно подразумѣваемаго въ утвержденіи, такъ и равноцѣнности этого утвержденія другимъ, словесно несходнымъ утвержденіямъ, и несомвѣстности его съ другими, противорѣчащими ему положеніями.

Сужденія имѣютъ стремленіе къ неясности во многихъ отношеніяхъ. Обычный источникъ неопредѣленности есть несовершенное наблюденіе, которое можетъ дать начало смутному познанию того или другаго отношенія предметовъ, хотя точный характеръ этого отношенія можетъ остаться неяснымъ для души. Такъ, если мальчикъ не замѣчаетъ положенія предмета относительно другихъ, смежныхъ предметовъ, или точнаго порядка явленій въ какомъ-нибудь естественномъ процессѣ, онъ не въ состояніи судить о нихъ. Недостатокъ памяти, приводя къ неясному воспроизведенію, представляетъ также крупное препятствіе для ясности сужденія. Если душа не умѣетъ воспроизводить точныхъ свойствъ предметовъ, она не способна составить о нихъ опредѣленныхъ утвержденій.

Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что, какъ въ отношеніи концепцій, такъ и въ отношеніи сужденій, то, что раньше было ясно, можетъ стать туманнымъ или неопредѣленнымъ, благодаря разъединенію словъ съ идеями. Когда мальчикъ забываетъ факты, обосновывающіе законъ, онъ уже не имѣетъ яснаго воспріятія реальности и истинности закона. Такимъ путемъ истины, вначалѣ познанныя ясно, могутъ современнымъ, вслѣдствіе механическаго повторенія, перейти въ безжизненную формулу, лишенную какъ яснаго познания содержимаго, такъ и живой вѣры.

Кромѣ этого, къ смутности сужденія неизбежно ведетъ вторженіе чувствованія въ интеллектуальную область. Сильное чувствованіе несомвѣстимо съ тщательнымъ наблюденіемъ, тонкимъ различеніемъ идей и т. п. Сужденія, составляемыя подъ вліяніемъ сильной эмоціи, отличаются вообще смутностью и преувеличеніемъ.

Съ особенною силой проявляется смутность сужденія въ тѣхъ вѣрованіяхъ и мнѣніяхъ, которыя мы принимаемъ пассивно отъ другихъ, не стараясь усвоить ихъ себѣ личнымъ наблюденіемъ.

и размышленіемъ. Слишкомъ большая привычка брать на вѣру преобладающіе взгляды окружающихъ пагубна для упражненія яснаго сужденія.

Точность сужденія. Далѣе, наши сужденія, подобно нашимъ понятіямъ, могутъ быть точными и неточными. Точное сужденіе есть такое, которое въ точности соответствуетъ представляемой имъ дѣйствительности или вѣрно выражаетъ отношенія предметовъ. Отсутствие ясности въ процессѣ сужденія естественно ведетъ къ смутности самаго сужденія. Предложенія, которыя неясно поняты, имѣютъ стремленіе быть понятыми не вѣрно. Наиболее яркія формы неточности вытекаютъ изъ неточнаго наблюденія и неточнаго воспроизведенія. Сильное чувствованіе можетъ также повести къ значительному уклоненію положенія отъ дѣйствительности.

Въ дополненіе къ этимъ источникамъ неточности мы должны признать несовершенство и ограниченность каждаго индивидуальнаго опыта. Наши сужденія суть выводъ или изъ спеціальнаго опыта, нашего типа или изъ нашихъ индивидуальныхъ ассоціацій. Такимъ образомъ, точность сужденія предполагаетъ взаимодействие индивидуальнаго и общественнаго интеллекта. Ребенокъ долженъ постоянно исправлять свои сужденія о предметахъ, сопоставляя ихъ съ указною мѣрой общаго опыта.

Другія достоинства сужденія. Кромѣ ясности и точности существуютъ и другія достоинства сужденія, вытекающія изъ того способа, какимъ душа приходитъ къ своимъ рѣшеніямъ и держится ихъ. Такъ, извѣстная степень быстроты въ рѣшеніяхъ есть условіе хорошей способности сужденія. Душа, колеблемая во все стороны сталкивающимися стремленіями и неспособная преодолѣть ихъ, слаба въ сужденіи. Дѣти часто не могутъ рѣшить: что для нихъ самое пріятное и лучшее именно потому, что душа ихъ находится во власти противоположныхъ идей. Съ другой стороны, существуетъ противоположный недостатокъ сужденія: импульсивность или опрометчивость, другими словами, слишкомъ сильное стремленіе придти къ рѣшенію, сопровождаемое нетерпѣніемъ передъ замедленіемъ, которое обусловливается размышленіемъ, взвѣшиваніемъ доказательствъ и т. п. Послѣдній недостатокъ еще болѣе обыкновененъ у дѣтей, нежели первый. Хорошая способность сужденія соединяетъ быстроту съ обдуманностью.

Далѣе, рѣшеніе хорошо, когда оно не мимолетно и обнаруживаетъ извѣстную степень постоянства. Естественно и должно,

чтобы рѣшеніе, разъ мы къ нему пришли, оставалось постояннымъ. Такое постоянство, очевидно, необходимо для твердости нашихъ мнѣній о предметахъ и для поддержки связи между нашими вѣрованіями. Утверждать сегодня одно, а завтра другое, значить обнаруживать слабую и неразвитую способность сужденія. Шатаніе мнѣній, на примѣръ, мнѣнія объ относительномъ достоинствѣ предметовъ, о характерахъ разныхъ лицъ и т. п., весьма обыкновенно для несложившагося душевнаго состоянія дѣтскаго возраста. Съ другой стороны, наши сужденія склонны видоизмѣняться вслѣдствіе новыхъ вліяній, будутъ-ли это новые факты личнаго опыта, новыя сообщенія другихъ лицъ, или дальнѣйшіе процессы размышленія надъ данными. Поэтому, если твердость и стойкость сужденія суть достоинства, упорство есть, очевидно, недостатокъ. Люди съ узкимъ опытомъ и суровыми душевными привычками обнаруживаютъ такую узкость сужденій. Въ дѣтяхъ такая суровость встрѣчается рѣдко. Стадіи невѣдѣнія свойственна душевная открытость. Первое условіе душевнаго роста это, чтобы душа была открыта новымъ впечатлѣніямъ, и чѣмъ дольше мы удержимъ хоть часть дѣтской воспримчивости къ новымъ впечатлѣніямъ, тѣмъ больше будемъ мы продолжать развиваться. И такъ, мы видимъ, что и здѣсь совершенство сужденія лежитъ между двумя крайностями, а именно: непостоянствомъ и упорствомъ.

Съ постоянствомъ сужденія тѣсно связана его независимость. Тамъ, гдѣ нѣтъ сильнаго индивидуальнаго мнѣнія, душа находится во власти соціальной обстановки, окружающей ее въ данное время. Дѣти не съ особенно сильнымъ характеромъ склонны чрезмерно опираться на сужденія родителей и товарищей. Съ другой стороны, неуваженіе къ чужимъ вѣрованіямъ есть признакъ упорнаго и несговорчиваго интеллекта. Упрямые, своевольныя дѣти, не поддающіяся исправленію, такъ же непріятны, какъ, къ счастью, и рѣдки. И здѣсь опять совершенство сужденія лежитъ между двумя крайностями. Душа, обладающая хорошою способностью сужденія, соединяетъ извѣстную долю интеллектуальной независимости съ достоюльнымъ уваженіемъ къ чужимъ убѣжденіямъ.

Заключеніе (или выводъ) и разсужденіе. Когда душа переходитъ отъ одного факта къ другому, разсматривая первый, какъ признакъ втораго, и допуская его ранѣе дѣйствительнаго наблюденія, говорится, что она заключаетъ. Такъ, мы заключаемъ, когда замѣчаемъ что небо покрыто тучами и предсказываемъ дождь.

Увѣренность въ наступленіи дождя вызывается наблюдениемъ чего-то такого, на что опытъ нашъ заставилъ насъ смотрѣть, какъ на признакъ этого явленія.

Изъ этого примѣра ясно, что заключеніе основано на распознаваніи сходства между фактами или опытами. Такъ, я предсказываю дождь, потому что отождествляю настоящій видъ неба съ замѣченнымъ мною раньше его видомъ, за которымъ въ дѣйствительности слѣдовалъ дождь. Узнавая часть всего настоящаго положенія, — а именно, пасмурное небо, — сходною съ видѣннымъ мною когда-то раньше, я знаю и другія части, которыя за нею слѣдовали, а именно, дождь. Въ заключеніи мы отождествляемъ предметы или событія въ ихъ связи или отношеніи къ другимъ предметамъ или событіямъ и, такимъ образомъ, получаемъ возможность выходить за предѣлы того, что видимъ въ дѣйствительности въ данный моментъ, за предѣлы извѣстнаго, и переходить къ тому, чего не видимъ — къ неизвѣстному.

Заключеніе можетъ принимать болѣе низкую или болѣе высокую форму. Въ первой формѣ душа сразу переходитъ отъ отдѣльныхъ фактовъ прошлаго опыта къ другимъ фактамъ, безъ яснаго выраженія основанія или причины заключенія. Такъ, ребенокъ заключаетъ, что эта вода его замочитъ, что этотъ взрослый человекъ будетъ въ состояніи сказать ему то, что онъ желаетъ знать, и т. д., не выясняя себѣ той общей причины, что всякая вода мочитъ, или что взрослые люди вообще превышаютъ познаніями дѣтей. Такой способъ заключенія можетъ быть названъ подразумеваемымъ разсужденіемъ. Это первобытный и инстинктивный способъ заключенія. Когда животныя заключаютъ о близости добычи, врага и т. п., они заключаютъ по этому способу. И дѣти, до пріобрѣтенія абстрактныхъ идей и умѣнья владѣть общимъ языкомъ, обыкновенно выводятъ заключенія этимъ информальнымъ способомъ. Отъ такого первобытнаго, информальнаго заключенія мы должны отличать ясное, формальное или логическое разсужденіе. Въ этомъ послѣднемъ процессѣ душа отчетливо схватываетъ общую истину и дѣлаетъ ее основаніемъ своего заключенія. Такъ, съ развитіемъ своего интеллекта, ребенокъ знаетъ и начинаетъ понимать, что взрослые знаютъ больше дѣтей, и, овладѣвъ этою истиной, онъ становится въ состояніи разсуждать, что каждый взрослый индивидуумъ долженъ обнаруживать тѣже характерныя черты.

Преимущества формальнаго способа разсужденія очевидны. До тѣхъ поръ, пока ребенокъ прямо переходитъ отъ одного факта

къ другому, на основаніи сходства или аналогіи, заключенія его будутъ болѣе или менѣе сомнительны. Если, напримѣръ, мальчикъ заключаетъ, что кусокъ дерева будетъ плавать, потому что другіе куски плавали, онъ можетъ ошибиться. Если же онъ сперва удостовѣрится на счетъ общаго вопроса, всё-ли виды деревьевъ плаваютъ, онъ будетъ въ состояніи сдѣлать заключеніе съ достовѣрностью. Эти преимущества определенности и достовѣрности ведутъ къ постепенному принятію болѣе высокой и логической формы разсужденія, поскольку она нужна. Всѣ высшіе процессы мысли, влючительно со всѣмъ тѣмъ, что мы подразумеваемъ подъ словомъ наука, суть примѣры яснаго логическаго разсужденія.

Отношеніе сужденія къ разсужденію. Теперь мы можемъ понять отношеніе сужденія къ заключенію. Въ своей высшей или болѣе развитой формѣ разсужденіе предполагаетъ сужденіе. Разсматриваемое формально, разсужденіе есть переходъ отъ извѣстныхъ сужденій къ другимъ сужденіямъ. Такъ, для того, чтобы мальчикъ могъ ясно доказать, что такое-то вещество будетъ плавать въ водѣ, онъ долженъ раньше составить сужденіе, что всѣ вещества извѣстнаго порядка (а именно тѣ, которыя легче воды) будутъ плавать въ водѣ.

Хотя, такимъ образомъ, для формальнаго разсужденія необходимо сужденіе, однако, въ большинствѣ, если не во всѣхъ, нашихъ процессахъ сужденія присутствуетъ элементъ заключенія. Такъ, въ простомъ актѣ узнаванія предмета по извѣстнымъ признакамъ душа обыкновенно выходитъ за предѣлы дѣйствительно наблюдаемаго въ данную минуту. Говоря, напримѣръ: «это кремень», я подразумеваю утвержденіе, что онъ твердъ, что я могу высѣчь изъ него искры, и т. д. Этотъ ингредиентъ заключенія становится несравненно отчетливѣе въ нѣкоторыхъ сложныхъ процессахъ сужденія, напримѣръ, въ сужденіяхъ о подлинности монеты или картины ¹⁾. Наконецъ, ясно, что каждый процессъ разсужденія заканчивается сужденіемъ, какъ своимъ результатомъ или заключеніемъ. Такимъ образомъ, наши процессы разсужденія помогаютъ намъ достигать нашихъ сужденій, и обратно, сужденія наши, разъ они достигнуты, становятся точками отправленія для новыхъ процессовъ разсужденія. Тутъ отношеніе взаимной зави-

¹⁾ Наши повседневныя сужденія о вопросахъ вѣроятности суть, въ сущности, выводы изъ прошлаго опыта, выводы часто инстинктивнаго или полу-инстинктивнаго характера, но могущіе до нѣкоторой степени быть представленными формально, согласно извѣстнымъ законамъ или принципамъ вѣроятности.

сности, подобное вышеупомянутому отношенію между концепціей и сужденіемъ.

Индуктивное и дедуктивное разсужденіе. Обыкновенно говорятъ, что полный, ясный процессъ разсужденія посредствомъ общихъ сужденій распадается на двѣ части или стадіи: А) Первая изъ этихъ стадій есть процессъ достиженія общей истины или принципа помощью изслѣдованія и сравненія фактовъ, этотъ процессъ называется индукціей. В) Вторая стадія есть процессъ приложенія достигнутой такимъ путемъ общей истины къ частному случаю; этотъ процессъ называется дедукціей. Индукція есть движеніе мысли снизу вверхъ, отъ частныхъ примѣровъ къ общей истинѣ, принципу или закону; дедукція есть движеніе мысли сверху внизъ, отъ общаго принципа къ частному заключенію.

А) **Природа индуктивнаго разсужденія.** Процессъ индуктивнаго разсужденія иллюстрируетъ душевную дѣятельность, лежащую въ основѣ всякаго мышленія, а именно, различеніе сходства среди разнообразія. Разсмотримъ примѣръ индуктивнаго разсужденія. Ребенокъ замѣчаетъ, что его игрушки, лежки, ножи, самъ онъ и множество другихъ предметовъ падаютъ, если ничѣмъ не поддерживаются. Мало по малу, онъ сравниваетъ эти факты одинъ съ другимъ и схватываетъ ихъ существенную черту и заключающуюся въ нихъ общую истину. Онъ замѣчаетъ, что общаго во всѣхъ этихъ предметахъ то, что они суть вещественныя тѣла. Затѣмъ онъ выдѣляетъ это обстоятельство, а вмѣстѣ съ нимъ и инцидентъ (паденіе на землю), который неизмѣнно его сопровождаетъ. Другими словами, онъ составляетъ сужденіе, что всѣ вещественныя тѣла имѣютъ стремленіе падать.

Очевидно, что при достиженіи этой общей истины, юный изслѣдователь выходитъ далеко за предѣлы наблюденія настоящей минуты. Ибо предположеніе его (что всѣ вещественныя тѣла падаютъ) обвиняетъ собою всѣ вещественныя тѣла, какія онъ когда-либо видѣлъ. Такимъ образомъ, оно представляетъ процессъ вывода и результатъ его—заключеніе.

Ясна связь этого процесса съ процессомъ обобщенія, описаннымъ выше,). Въ обоихъ случаяхъ мы ищемъ сходства среди разнообразія предметовъ. Разница лишь та, что въ обобщеніи мы употребляемъ предметы просто какъ таковые, въ индукціи

• ?) Дѣйствительно, индукція часто называется обобщеніемъ, какъ, напр., когда мы говоримъ о «торопливомъ обобщеніи», подразумѣвая общее положеніе построенное слишкомъ поспѣшно на фактъ или опытъ.

мы уподобляемъ предметы, разсматриваемые въ связи съ какими-либо другими предметами.

Кромѣ того, какъ существуютъ болѣе высокія и болѣе низкія концепціи, такъ существуютъ и болѣе высокія, и болѣе низкія индукціи. Ребенокъ начинаетъ съ нѣсколькихъ узкихъ индукцій, какъ-то: «мухи умираютъ», «птицы умираютъ» и т. п. Затѣмъ онъ сравниваетъ эти индукціи одну съ другою и, извлекая то, что онѣ имѣютъ общаго, достигаетъ болѣе высокой истины: «всѣ животныя умираютъ». Позднѣе онъ совокупляетъ эту истину съ родственною ей истиною, достигнутой одинаковымъ путемъ: «всѣ растенія умираютъ», и, такимъ образомъ, приходитъ къ еще болѣе обширной индукціи: «все живущее умираетъ».

Самонпроизвольная индукція. Хотя вообще дѣти выводятъ заключенія прямо изъ частныхъ случаевъ, но, приобрьта способность абстракціи и овладѣвъ языкомъ, они обнаруживаютъ стремленіе выводить общія заключенія изъ фактовъ своего опыта. Одного или двухъ примѣровъ, въ особенности, если они поразительны и хорошо запечатлѣлись, бываетъ достаточно для того, чтобы обратить заключеніе въ общее правило. Одного опыта, указывающаго на свойство огня жечь, достаточно для индукціи. «Ребенокъ, который обжегся, боится огня». Это естественное побужденіе (выводить общее правило) ведетъ въ раннемъ возрастѣ къ слишкомъ поспѣшной индукціи. Вотъ примѣръ. Мальчикъ двухъ съ половиной лѣтъ привыкъ думать о томъ, что современемъ онъ вырастетъ. Однажды, когда онъ шелъ, опираясь на маленькую палку, его мать сказала ему, что эта палка для него слишкомъ мала, на что онъ тотчасъ замѣтилъ: «я буду ходить съ этою палкой, когда она вырастетъ». Онъ безотчетно заключилъ, что всѣ предметы имѣютъ стремленіе дѣлаться больше со временемъ. Индукціи дѣтей и необразованныхъ людей часто бываютъ этого типа. Всѣ мы имѣемъ стремленіе заключать, что то, что вѣрно относительно насъ самихъ и нашей маленькой, личной сферы наблюденія, вѣрно и относительно человѣчества и предметовъ вообще.

Урегулированная индукція. Естественное побужденіе строить общія заключенія на узкомъ и сомнительномъ базисѣ исправляется какъ расширеніемъ опыта, такъ и воспитаніемъ. Такъ, ребенокъ, заключающій, что во всѣхъ дѣтскихъ есть лошадь-качалка, какъ въ его дѣтской, что всѣ собаки любятъ воду и т. д., узнаетъ или изъ собственныхъ наблюденій, или съ чужихъ словъ, что заключеніе его было слишкомъ поспѣшно и неточно. При-

остановленный, так сказать, въ своихъ раннихъ попыткахъ къ достиженію общихъ истинъ, онъ становится осторожнѣе. Побужденіе къ подведенію частныхъ фактовъ подъ общія истины не подавляется въ немъ, оно только руководится и контролируется. Индукція продолжаетъ работать болѣе осмотрительно и методически. Юный изслѣдователь начинаетъ собирать больше и болѣе разнообразныя наблюденія, и такимъ путемъ выучивается различать то, что вѣрно относительно части класса, отъ того, что вѣрно относительно всего класса. Этого мало: онъ внимательно изслѣдуетъ собираемые имъ примѣры, чтобы опредѣлить ихъ болѣе глубокое и существенное сходство въ отличіе отъ поверхностнаго и случайнаго. Такъ, на примѣръ, онъ находитъ, что явленіе роста связано съ жизнью, и вслѣдствіе этого ограничиваетъ идею роста лишь тѣмъ, что живетъ.

Индукція и причинность. Одна изъ самыхъ важныхъ истинъ, достигаемыхъ съ помощью процесса индуктивнаго сравненія, суть истины, относящіяся къ причинамъ вещей. Чтобы вызвать результатъ, мы должны знать регулирующія или опредѣляющія его условія. Мы только тогда можемъ предсказывать событія съ достовѣрностью, когда знаемъ условія, отъ которыхъ они зависятъ. Поэтому, изслѣдованіе причинъ вещей всегда составляло главную часть человѣческаго изслѣдованія. Это видно въ самомъ употребленіи слова «причина». Найти разумность явленія или событія вообще значитъ опредѣлить его причину и, такимъ образомъ, объяснить, какъ оно случилось или чѣмъ было вызвано.

Дѣтская идея причины. Повседневный опытъ ребенка постоянно представляетъ извѣстный порядокъ явленій или событій. Такъ, онъ скоро находитъ, что пища утоляетъ голодъ, вода — жажду, что сильный ударъ причиняетъ ему боль и т. п. Скоро узнаетъ онъ также, что его собственныя дѣйствія вызываютъ извѣстные результаты. Такъ, онъ открываетъ, что можетъ сломать палку (если она не слишкомъ крѣпка), сгибая ее; что можетъ открыть дверь, повернувъ ручку, и потянувъ ее къ себѣ или толкнувъ, и т. д. Позднѣе онъ замѣчаетъ, что окружающіе его предметы связаны другъ съ другомъ по тому же способу: что, на примѣръ, появленіе солнца связано съ дневнымъ свѣтомъ, появленіе дождя — съ грязными улицами. Безчисленные опыты этого рода постепенно возбуждаютъ въ его душѣ идею причины. Затѣмъ онъ переходитъ границы тѣхъ случаевъ причинной зависимости, которые онъ наблюдалъ въ дѣйствительности, и поднимается къ общему принципу: «Все, что случается, имѣетъ свою причину».

Мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что свою первую идею причины ребенокъ строитъ по образцу собственныхъ дѣйствій и ихъ результатовъ. Первые вопросы маленькихъ дѣтей: «Кто сдѣлалъ снѣгъ»? «Кто велѣлъ цвѣтамъ расти»? и т. д., приводятъ къ этому заключенію. Произведеніе всякаго естественнаго результата приписывается дѣтьми сознательному дѣйствию, аналогичному ихъ собственнымъ дѣйствіямъ. Полное развитіе этой идеи видно въ томъ предположеніи, общемъ всѣмъ маленькимъ дѣтямъ, что все имѣетъ свое примѣненіе и назначеніе. Значеніе вопроса: «зачѣмъ?» въ устахъ трехъ или четырехлѣтняго ребенка равносильно, повидимому, вопросу: «Для какого назначенія или цѣли»? Лишь по достиженіи извѣстнаго развитія интеллекта выучиваются дѣти различать сферу человѣческихъ дѣйствій, съ ихъ назначеніемъ или цѣлью, отъ сферы естественной или физической причинности.

Врожденное рассужденіе о причинахъ. Естественное дѣтское побужденіе переходитъ отъ частныхъ къ общему особенно паразитительно проявляется въ дѣтскихъ заключеніяхъ о причинахъ вещей. Дѣти начинаютъ очень рано изслѣдовать причины явленій, и это приводитъ насъ къ той гипотезѣ, что они обладаютъ наследственнымъ предрасположеніемъ думать по такому способу, т.-е. разсматривать явленія, какъ зависящія отъ извѣстныхъ предшествующихъ имъ условій. Дѣятельность этого естественнаго побужденія приводитъ ко многимъ черезчуръ поспѣшнымъ индукціямъ. Нерѣдко самая слабая аналогія (сходство) между предметами приводитъ ребенка къ заключенію, что эти предметы имѣютъ одну общую причину или подлежатъ воздействию однихъ и тѣхъ же силъ. Это проявляется въ забавной формѣ въ раннихъ разсужденіяхъ ребенка. Такъ, одинъ мальчикъ, двухъ лѣтъ и десяти мѣсяцевъ, сказалъ однажды, что онъ намочитъ водой лежащія на его тарелкѣ крошки хлѣба, чтобъ уничтожить ихъ. Здѣсь аналогія растворяющагося въ молокѣ сахара привела его къ неправильному разсужденію.

Слишкомъ поспѣшная индукція по отношенію къ причинамъ проявляется и другими путями. Желаніе найти причину какаго-нибудь явленія нерѣдко ведетъ къ сосредоточенію души на какомъ-нибудь сопутствующемъ обстоятельстве, хотя оно можетъ только случайно присутствовать въ данномъ случаѣ и не имѣетъ ничего общаго съ произошедшимъ результатомъ. Такъ, одинъ двухлѣтній мальчикъ заключилъ, что молоко было потому, что оно отъ бѣлой коровы, которую онъ случайно видѣлъ; а въ другой

разъ, когда ему дали холоднаго молока, онъ сказалъ: «холодная корова сдѣлала молоко холоднымъ»¹⁾).

Далѣе, душа ребенка склонна къ заключенію, что одно и то же явленіе всегда вызывается одною и тою же причиною, и это также ведетъ къ ошибкамъ. Такъ, одинъ двухлѣтній ребенокъ оцарапался, и когда его спросили, отчего у него на рукахъ кровь, онъ сказалъ: «я упалъ на дорогѣ». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя тотъ же самый ребенокъ рѣшилъ, что перчатка соскользнула съ его руки, потому что ее сдуло вѣтромъ. Въ этихъ случаяхъ побужденіе объяснять вещи уже извѣстными причинами привело къ совершенному пренебреженію наблюденіемъ. Дѣти думаютъ, что всѣ красивыя вещи покупаются въ лавкахъ, что растенія, попорченныя вѣтромъ, сломаны руками человѣческими и ими же могутъ быть исправлены, и т. п.

Урегулированное разсужденіе о причинахъ. Тщательное изслѣдованіе причины является часто очень труднымъ процессомъ и всегда требуетъ систематической процедуры. Совершенную форму такой процедуры мы видимъ въ научномъ изслѣдованіи²⁾. Одни изъ самыхъ важныхъ, участвующихъ въ немъ процессовъ, суть тщательное наблюденіе и задерживаніе разнообразныхъ примѣровъ происшедшаго результата старательный анализъ этихъ примѣровъ и различеніе въ нихъ неизмѣннаго и существеннаго отъ измѣняемаго и случайнаго. Такъ, желая опредѣлить причины горѣнія, мы сравниваемъ между собою многочисленныя примѣры, какъ-то: горѣніе угля на каминной рѣшеткѣ, пламя газа и т. д., и анализируя эти примѣры и очистивъ ихъ отъ всего случайнаго, приходимъ къ общему ихъ условію — присутствію извѣстныхъ горючихъ веществъ и кислорода, съ которыми они стремятся соединиться.

Кромѣ того, процессъ научной индукціи требуетъ активнаго производства опытовъ надъ предметами. Подъ этимъ подразумѣвается, что мы можемъ по желанію мѣнять обстановку явленія или процесса, которые наблюдаемъ, и этимъ самымъ получаемъ возможность опредѣлять, какія изъ условій могутъ быть удалены, не нарушивъ результата, и какія не могутъ. Такъ, изслѣдуя при-

¹⁾ Очень вѣроятно, что каждое изъ этихъ торопливыхъ заключеній было основано на наблюденіи перехода качества или состоянія отъ одного тѣла къ другому.

²⁾ Къ этому систематическому и точному типу изслѣдованія и примѣняется обыкновенно терминъ «индукція»; терминъ же «обобщеніе» употребляется для болѣе грубыхъ, повседневныхъ способовъ достиженія общихъ положеній.

чину горѣнія, мы находимъ, что азотъ воздуха можетъ быть удаленъ, и процессъ горѣнія будетъ все-таки продолжаться, тогда какъ безъ кислорода горѣніе обойтись не можетъ.

Изъ этого краткаго изслѣдованія индуктивнаго разсужденія является очевиднымъ, что для того, чтобы процессъ этотъ могъ быть веденъ надлежащимъ образомъ, нужно много старанія и трудолюбія. Правильная индукція предполагаетъ развитую способность наблюденія. Глубокое изученіе фактовъ требуетъ двухъ вещей: а) наблюденія достаточнаго количества примѣровъ, и б) надлежащаго разсмотрѣнія и анализа наблюденныхъ фактовъ. Недостатокъ въ выполненіи перваго условія ведетъ къ «торопливому обобщенію», какъ бываетъ, когда ребенокъ говоритъ, что его отецъ или наставникъ не справедливъ,—говоритъ это, ограничивая свое вниманіе однимъ или двумя двусмысленными случаями и не принимая въ расчетъ общаго способа дѣйствій. Недостатокъ втораго условія можетъ породить невѣрное пониманіе, какъ, напримѣръ, когда ребенокъ называетъ своего наставника несправедливымъ на основаніи одного или нѣсколькихъ его поступковъ, болѣе глубокое изслѣдованіе которыхъ показало бы ему, что въ дѣйствительности въ нихъ нѣтъ несправедливости. Наконецъ, для надлежащаго выполненія индуктивнаго процесса нужно, чтобы изслѣдующій освободилъ свою душу отъ предубѣжденій и склонностей, и былъ бы готовъ принять всякую истину которую откроютъ ему факты, будетъ-ли она отвѣчать его ожиданіямъ и наклонностямъ, или нѣтъ 1).

1) Читатель долженъ обратить вниманіе на тѣсное соответствіе между источниками ошибочной индукція и неточной концепціи.

Глава XV.

Сужденіе и рассужденіе (продолженіе).

Дедуктивное рассужденіе. Съ помощью индукціи, ребенокъ достигаетъ значительнаго количества общаго знанія о предметахъ, куда входитъ знаніе свойствъ различныхъ веществъ, причинъ измѣненій въ предметахъ, законовъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями, и болѣе простыхъ истинъ пространства, количества и чиселъ. Въ достиженіи этихъ истинъ ему, безъ сомнѣнія, значительно помогаютъ свѣдѣнія, получаемыя отъ другихъ лицъ; во многихъ случаяхъ начало общаго знанія онъ получаетъ исключительно отъ окружающихъ. Накопивъ, такимъ образомъ, нѣкоторый запасъ общаго знанія, онъ уже можетъ перейти ко второй стадіи яснаго рассужденія, а именно, къ дедукціи. Подъ дедукціей подразумѣвается рассужденіе, направленное сверху внизъ, отъ общей истины или принципа къ какому-нибудь частному случаю или классу случаевъ. Такъ, ребенокъ, узнавшій, частью изъ наблюденій, частью съ чужихъ словъ, что всѣ люди склонны ошибаться, можетъ сдѣлать примѣненіе этой истины, заключивъ, что его мать или наставница ошибаются. Типъ волею выраженнаго дедуктивнаго рассужденія называется силлогизмомъ. Вотъ его образчикъ:

Всѣ животныя чувствуютъ боль.

Мухи — животныя.

Слѣдовательно, онѣ чувствуютъ боль.

Или образчикъ отрицательной аргументаціи:

Лѣнныя дѣти не дѣлаютъ успѣховъ.

Это — лѣннвой ребенокъ.

Слѣдовательно, онъ не сдѣлаетъ успѣховъ.

Существеннымъ процессомъ и здѣсь, какъ и въ индукціи,

является распознаваніе сходства или подобія. Мы подводимъ частный случай (напримѣръ—мухъ) подъ общее правило или принципъ (животныхъ, чувствующихъ боль), и дѣлаемъ это потому, что признаемъ тождество между частнымъ случаемъ и случаями, составляющими общее правило.

Хотя распознаваніе сходства является, такимъ образомъ, существеннымъ процессомъ въ дедукціи, однако, и различеніе играетъ въ ней важную подчиненную роль. Во всякой аргументаціи, посредствомъ которой мы достигаемъ отрицательныхъ заключеній, мы заняты, главнымъ образомъ, распознаваніемъ различающихся между собою предметовъ, свойствъ или процессовъ. Такъ, когда отецъ, разсуждая съ ребенкомъ, говоритъ ему: «Этотъ мальчикъ не джентльменъ, потому что истинный джентльменъ не презираетъ бѣдныхъ», онъ дѣлаетъ различіе между подлинными чертами джентльмена и тѣми, которыя принадлежатъ ложному, не джентльменскому типу.

Примѣненіе принциповъ и объясненія. Дедуктивное разсужденіе можетъ начинаться съ одного изъ двухъ концовъ. Иногда намъ данъ принципъ и требуется вывести изъ него заключенія. Это будетъ примѣненіемъ принципа или отыскиваніемъ новыхъ поясненій къ готовой истинѣ. Новые открытія могутъ быть сдѣланы посредствомъ искуснаго комбинированія уже извѣстныхъ истинъ. Такъ, напримѣръ, когда ребенку скажутъ, или онъ самъ откроетъ, что воздухъ имѣетъ вѣсъ и что онъ эластиченъ или сжимаемъ, онъ можетъ самъ собою открыть, что нижніе слои воздуха должны быть плотнѣе верхнихъ. Такимъ образомъ, душа можетъ опережать наблюденія и заключать впередъ, какъ должно происходить то или другое.

И обратно—мы можемъ исходить не изъ общей истины, а изъ частнаго факта или положенія, и отыскивать ту болѣе общую истину, подъ которую они могутъ быть подведены. Такой процессъ называется объясненіемъ. Въ своей простѣйшей формѣ объясненіе освѣщаетъ новой, незнакомый фактъ, указывая его аналогію съ какимъ-нибудь знакомымъ фактомъ. Такое объясненіе—единственно возможное у маленькихъ дѣтей, которыя еще не могутъ схватывать общихъ принциповъ. Болѣе высокій видъ объясненія заключается въ подведеніи частнаго случая подъ общій принципъ. Такъ, мы объясняемъ естественныя явленія, напримѣръ, пассатные вѣтры или поднятія уровня воды въ рѣкахъ весной, относя ихъ къ извѣстнымъ двигателямъ, которые ихъ производятъ. Точно такъ же мы находимъ основаніе для такого-то

положенія, подводя его подъ болѣе общее правило. Такъ, наставникъ оправдываетъ какое-нибудь свое приказаніе или запрещеніе, напримѣръ, запрещеніе списывать потихоньку у товарищей, представляя такое списыванье частнымъ случаемъ болѣе широкаго отдѣла: нечестности или обмана.

Урегулированная дедукція. Процессы дедуктивнаго разсужденія могутъ приводить къ законному или незаконному заключенію. Дѣло логики указать, какія условія должны быть выполнены для того, чтобы заключеніе могло быть принято за законное.

Не входя въ техническія подробности дедуктивныхъ ошибокъ или уклоненій, мы укажемъ только, что такъ какъ разсужденіе есть, по существу, распознаваніе сходства, то крупнымъ источникомъ ошибочнаго разсужденія является смѣшеніе предметовъ, въ дѣйствительности и въ основаніи несходныхъ; другими словами — недостатокъ различенія.

Плохой логикъ не видитъ, гдѣ кончается сходство и начинается различіе. Однѣ изъ наиболѣе выдающихся ошибокъ дедуктивной аргументаціи суть ошибки, вытекающія изъ двойнаго смысла терминовъ. Если душа не умѣетъ распознавать различныхъ отбѣнковъ идеи, выражаемыхъ однимъ и тѣмъ же словомъ, она въ высшей степени способна удаляться отъ истины. Напримѣръ, заключивъ, что такъ какъ всякое знаніе есть результатъ самовоспитанія, то лучше всего предоставлять дѣтей самимъ себѣ; разсуждающій можетъ быть обвиненъ въ смѣшеніи двухъ смысловъ самовоспитанія, а именно, самовоспитанія одареннаго юноши, подобнаго Попу, который самъ беретъ на себя свое воспитаніе, и того самовоспитанія, котораго можно и должно ожидать отъ каждаго ребенка, побуждаемаго и руководимаго другими. Самая наша страстность въ отыскиваніи причинъ факторовъ можетъ вовлекать насъ въ смѣшеніе идей, а черезъ это и въ неточныя разсужденія. Всякое возбужденіе чувствъ, притупляя временно способность различія, также сильно благоприятствуетъ такой сбивчивости мысли.

Такая склонность къ сбивчивому мышленію поддерживается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нашихъ процессахъ разсужденія, слова легко замѣняютъ собою ясныя идеи предметовъ. Душа, опытная въ аргументаціи, легко оцѣниваетъ логическое отношеніе между данными предложеніями, не давая себѣ труда разсматривать внимательно значеніе терминовъ. Отсюда опасность принятія на вѣру чужихъ словъ, безъ надлежащаго критическаго изслѣдованія вложенныхъ въ нихъ идей. Если въ чужомъ поло-

женіи мы находимъ хоть видимый логическій порядокъ, мы сильно расположены принять положеніе, какъ законное.

Другія формы разсужденія: аналогія. Въ дополненіе къ индукціи и дедукціи принято различать и другія формы разсужденія. Важнѣйшая изъ этихъ формъ называется аналогіей. Когда мы разсуждаемъ по аналогіи, мы воспринимаемъ извѣстное частное сходство между предметами, но не можемъ распознать того полнаго тождества ихъ существенныхъ чертъ или условій, на которомъ основана работа индукціи. Напримѣръ, говорить, что такъ какъ отношеніе метрополія къ колоніямъ или наставника къ воспитанникамъ похоже на отношеніе родителей къ дѣтямъ, то въ первыхъ и въ послѣднемъ случаѣ должны возбуждаться одинаковыя чувства, или, что такъ какъ земля походитъ на другія планеты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то планеты, подобно землѣ, должны быть населены живыми существами—значитъ разсуждать по аналогіи.

Такъ какъ въ этихъ случаяхъ (разсужденія по аналогіи) существуетъ только частное сходство, то заключеніе никогда не можетъ имѣть достовѣрности настоящей индукціи. Поэтому, къ этой формѣ разсужденія (аналогіи) слѣдуетъ прибѣгать лишь тамъ, гдѣ неприложимы процессы индукціи и дедукціи. Наставнику часто приходится пояснять свой предметъ аналогіями и параллельными случаями. Умственные и моральныя качества до извѣстной степени освѣщаются аналогіями ихъ съ матеріальными свойствами и процессами. Кромѣ того, пока ребенокъ не достигъ умѣнья пользоваться анализомъ и т. п., необходимымъ для индукціи, онъ можетъ разсуждать только по аналогіи, т.-е. посредствомъ безотчетнаго воспріятія сходства, и поэтому воспитатель долженъ довольствоваться частными объясненіями естественныхъ процессовъ, основанными на аналогіи. Такое разсужденіе по аналогіи цѣнно тогда, когда мы распознаемъ истинныя точки аналогіи и различаемъ ихъ отъ ложныхъ, и прибѣгаемъ къ нему только, какъ къ временному объясненію, представляющему переходную ступень къ настоящему научному объясненію.

Развитіе способностей сужденія и разсужденія. Процессы сужденія и разсужденія въ ихъ ясной и раздѣльной формѣ проявляются позднѣе, чѣмъ процессы концепціи. Годовалый ребенокъ можетъ, какъ мы видѣли, называть предметы и составлять о нихъ зачаточныя понятія, но онъ еще не можетъ образовать ясныхъ сужденій. Въ раннемъ періодѣ рѣчи мы видимъ лишь грубые зачатки утвержденія, какъ, напримѣръ, когда ребенокъ

восклицаетъ: «Гамъ-гамъ!» (вотъ собака) или «жижа» (пища горяча) и т. п. Любопытный видъ такихъ сжатыхъ суждений представляетъ знакъ исчезновения (тю-тю), подразумевающей, повидимому, по замѣчанію М. Пареца, прекращеніе существованія. Первое ясное сужденіе относится къ индивидуальнымъ предметамъ. Ребенокъ замѣчаетъ въ предметъ что-нибудь неожиданное или поражающее и результатъ своего наблюденія выражаетъ въ сужденіи. Такъ, напримѣръ, ребенокъ, котораго мы назовемъ С., въ первый разъ, какъ было замѣчено, составилъ ясное сужденіе, когда ему было 19 мѣсяцевъ, сказавъ: «Dit ki» (сестра плачетъ).

Эти первые сужденія касаются, главнымъ образомъ, пищи ребенка или другихъ предметовъ, представляющихъ для него высшей практической интересъ. Такъ, однимъ изъ самыхъ раннихъ попытокъ С. соединенія словъ въ предложенія были слѣдующія: «Ka in milk» (что-то скверное въ молокѣ), «milk dare now» (въ чашкѣ есть еще молоко). Къ концу второго года объемъ различенія замѣтно расширяется, ребенокъ начинаетъ наблюдать и замѣчать въ попадающихся ему предметахъ все новое и поражающее, какъ-то: необыкновенные размѣры, положеніе и т. п. Такъ, въ этомъ возрастѣ С. восклицаетъ: «Dat a big wow-wow» (вотъ большая собака), «Dit naughty» (сестра злая), «Dit gow ga» (сестра на травѣ). По мѣрѣ роста наблюдательности и расширения дѣтскаго интереса къ окружающимъ предметамъ, растетъ и число суждений ребенка; по мѣрѣ же развитія способности сравненія и различенія отношеній предметовъ, сужденія его получаютъ, мало по малу, болѣе глубокой характеръ. Этотъ прогрессъ въ утвержденіяхъ зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ возрастающаго умѣнья владѣть языкомъ, необходимаго для составленія фразъ. Переходъ къ болѣе выработаннымъ положеніямъ обнаруживается къ концу второго года въ попыткахъ такого типа: «Мама это дурно сказала».

Любопытную фазу этой ранней стадіи роста сужденія представляетъ приобрѣтеніе знаковъ отрицанія: «не, нѣтъ». Первый знакъ отрицанія—качанье головой; но онъ употребляется скорѣе какъ признакъ нежеланія или нерасположенія, нежели логическаго отрицанія. С. только къ концу третьяго года началъ составлять отчетливыя отрицательныя предложенія.

Употребленіе знака «нѣтъ» предполагаетъ знаніе двухъ альтернативъ (истины и лжи). Ему значительно помогаетъ постоянное употребленіе во п р о с о в ъ. Вопросъ, когда онъ понятъ ребенкомъ, сопоставляетъ въ его душѣ два противоположныя и

взаимно исключаящія положенія. Способъ, по которому начинаютъ употребляться отрицательныя частички, очень поучителенъ. С. (въ началѣ третьяго года) имѣлъ привычку составлять положеніе и затѣмъ дополнять его знакомъ отрицанія: «N (имя ребенка) войдетъ въ воду—нѣтъ». Далѣе, на двухъ дѣтихъ было замѣчено, что на третьемъ году они часто соединяли утвердительныя положенія съ отрицательными, напримѣръ: «это моя чашка, а не мамина чашка»; «это хорошая собака, а не дрянная собака». Это заставляетъ предположить, что когда ребенокъ начинаетъ понимать смыслъ отрицанія, онъ чувствуетъ потребность, дѣлая утвержденіе, выразить ясно подразумеваемое за нимъ отрицаніе.

По мѣрѣ развитія интеллекта дѣтская сфера сужденія постепенно расширяется. Упражненіе воображенія открываетъ ребенку много новыхъ предметовъ для сужденія, какъ-то: нравы и обычаи людей и животныхъ, и т. п. Въ то же время накопленіе плодовъ личнаго опыта доставляетъ ему болѣе полныя средства для сужденія о предметахъ. Кромѣ того, теперь онъ становится способнымъ судить не только объ отдѣльныхъ предметахъ, но и о цѣлыхъ классахъ. Такъ, онъ подхватываетъ и повторяетъ общія положенія, составляемыя окружающими, напримѣръ: «дурныя дѣти играютъ съ соромъ». Увеличеніе словаря и прогрессъ абстракціи и концепціи постепенно приводятъ его къ болѣе абстрактному типу сужденія.

Ростъ способности сужденія отличается усиленіемъ духа осторожности и критики по отношенію къ утвержденіямъ. Предметы и ихъ отношенія различаются тверже, а слѣдовательно, и описываются яснѣе и подробнѣе. Далѣе, стремленіе къ преувеличенію и ложнымъ заявленіямъ, рождающееся подъ вліяніемъ чувства (напримѣръ, желанія удивить или размѣшнить), мало по малу, сдерживается, вслѣдствіе чего сужденія выигрываютъ въ точности и вѣрности представленія. Вмѣстѣ съ этими перемѣнами, мы замѣчаемъ, что дѣтское стремленіе реализовать произведенія фантазіи обуздывается. Возрастающій опытъ помогаетъ ребенку установить зачаточное мѣрило возможнаго и невозможнаго, вѣроятнаго и невѣроятнаго, и въ результатѣ онъ становится осмотрительнѣе въ своихъ утвержденіяхъ. Наконецъ, прогрессъ критическаго различенія проявляется въ изслѣдованіи и отбрасываніи всего несвязаннаго съ тѣмъ, что ему уже знакомо. Приближеніе конца періода дѣтства отмѣчается, какъ оно и должно быть, значительнымъ усиленіемъ независимости сужденій.

Ростъ способности разсужденія. Въ тѣсной связи съ прогрессомъ сужденія идетъ развитіе способности заключенія или составленія выводовъ. Вначалѣ, какъ было уже замѣчено, этотъ процессъ (разсужденія) безотчетевъ и переходитъ отъ частныхъ къ частностямъ, отъ одного факта или положенія къ другому, болѣе или менѣе сходному. Первое упражненіе этой способности проявляется въ попыткахъ сдѣлать вещь, въ приспособленіи средствъ къ цѣлямъ—съ помощью аналогіи—съ прежними опытами. Такъ, у С. первый отчетливый слѣдъ процесса разсужденія обнаружился, когда ему было 17 мѣсяцевъ. Онъ попросилъ хлѣба съ масломъ (которое называлъ «вир»). Когда его просьбу не тотчасъ исполнили, онъ протянулъ руку къ лежавшему на столѣ ножу, позто-ря слогъ: «вир». Этотъ актъ указыванія на ножъ былъ видимымъ распространеніемъ на новый случай извѣстныхъ ребенку результатовъ указыванія, и, кромѣ того, въ немъ заключалось признаніе отношенія между ножомъ и удовлетвореніемъ настоящаго желанія. Дальнѣйшій шагъ въ процессъ разсужденія былъ замѣченъ у С. къ концу 21-го мѣсяца. Его отецъ сказалъ ему, чтобы онъ не ѣлъ грязнаго сахара, который онъ таскалъ изъ мѣшка. Онъ отвѣтилъ быстро и выразительно: «Ni» (вкусно). Ясно, что онъ нашелъ основаніе, которое и привелъ въ свое оправданіе: «Я ѣлъ сахаръ, потому что онъ вкусенъ».

Первыя разсужденія о причинѣ. Какъ было уже замѣчено, первыя разсужденія ребенка о причинахъ очень незрѣлы. Желая объяснить, какъ происходитъ то или другое, онъ выхватываетъ изъ своего прошлаго опыта аналогичный случай и примѣняетъ его къ настоящему. Это приводитъ къ антропоморфическому¹⁾ объясненію явленій. Напримѣръ, С. на 24-мъ мѣсяцѣ нашелъ камешекъ въ своемъ ящикѣ съ кирпичиками. Его мать спросила его, что дѣлаетъ тамъ камешекъ, и онъ отвѣчалъ: «хочетъ играть съ кирпичиками²⁾». Въ началѣ третьяго года онъ взялъ привычку спрашивать, кто сдѣлалъ то-то и то-то. Онъ заключалъ, что все несовершенно, напримѣръ, цвѣтокъ безъ стебля, можетъ быть «исправлено». Замѣтивъ какъ-то косточки въ апельсинѣ, онъ спросилъ: «кто положилъ туда косточки, кухарка?»

Къ концу третьяго года, ребенокъ обыкновенно ставитъ свою мать въ затрудненіе вѣчными вопросами «зачѣмъ?» Это важный

¹⁾ Человѣкоподобительному. Р е д.

²⁾ Къ чести С. надо прибавить, что онъ немедленно принялся размышлять. Поглядѣвъ на камешекъ, онъ мудро замѣтилъ: «нѣтъ рукъ».

моментъ, указывающій на развитіе смутной, общей идеи того, что всякая вещь имѣетъ свою причину и основаніе и можетъ быть объяснена. Но типъ причинности все еще остается антропоморфичнымъ. Ребенокъ смотритъ на явленія, какъ на случающіяся для какой-нибудь цѣли, и можетъ понять ихъ лишь постольку, поскольку они представляютъ аналогію съ его собственными дѣйствіями, направленными къ извѣстнымъ цѣлямъ.

По мѣрѣ развитія дѣтской души, ребенокъ начинаетъ проявлять большую способность изслѣдованія того, что видитъ, анализа предметовъ въ ихъ составныхъ частяхъ и сравненія своихъ опытовъ. Такимъ путемъ, мало по малу, достигаются болѣе широкія индукціи и болѣе абстрактныя истины. Въ то же время прогрессируетъ и способность различенія, приводя къ болѣе тщательному распознаванію элементовъ опытовъ, а слѣдовательно, и къ болѣе осмотрительности въ составленіи общихъ положеній. Такъ, часто замѣчали, что дѣти, приблизительно съ конца четвертаго года, начинали употреблять выраженія: «Нѣкоторые люди, многіе, вообще», и т. д. Благодаря тому же прогрессу способности различенія, постепенно раздѣляются, области естественныхъ явленій и сознательныхъ дѣйствій хотя завершается это дѣленіе, по всей вѣроятности, только къ концу періода дѣтства, если не позднѣе ¹⁾.

Тотъ же рядъ замѣчаній можно приложить и къ прогрессу дедуктивнаго разсужденія. Трехъ или четырехлѣтній мальчикъ прикладываетъ простое общее правило къ частнымъ примѣрамъ. Но это будутъ приложения самаго прямого, несложнаго рода. Для того, чтобы признать, что предметъ тяжелъ и можетъ ушибить, или, что разрывать мухъ на куски жестоко и потому дурно, нужна лишь небольшая способность распознаванія сходства среди различія. Ростъ способности разсужденія проявляется въ открываніи менѣе прямыхъ приложений общаго правила или принципа, на примѣръ, что жестоко обманывать другаго. Такія приложения суть результатъ многократныхъ упражненій этой способности. По мѣрѣ увеличенія дѣтскаго запаса общихъ истинъ, ребенокъ находитъ болѣе и болѣе простора для упражненія своей способности разсужденія въ заключеніяхъ, которыя онъ выводитъ изъ этихъ истинъ. Пяти или шести-лѣтній мальчикъ съ удовольствіемъ прикладываетъ извѣстныя ему истины къ объясненію того, что

¹⁾ Одна дѣвочка пяти лѣтъ и девяти мѣсяцевъ спросила свою мать: «Какъ дѣлаютъ вѣтеръ, мама? Вѣрно, есть гдѣ-нибудь большой, большой вѣтеръ».

видить. Позднѣе, когда его способность разсужденія укрѣпится такими сравнительно простыми упражненіями, онъ будетъ въ состояніи выполнять болѣе продолжительныя и трудныя задачи аргументаціи, въ родѣ выработки доказательствъ Эвклида.

Виды способности сужденія и разсужденія. Разные индивидуумы замѣтно различаются между собою способностью судить и разсуждать о предметахъ. Такъ, иные лучше сравниваютъ данный матеріалъ въ отдѣльныхъ частяхъ и рѣшаютъ ту или другую частность. Въ невѣрной области мнѣній, т.-е. внѣ области доказуемыхъ, истинъ, разные индивидуумы обнаруживаютъ поразительныя различія въ способахъ сужденія ¹⁾. Точно такъ же мы замѣчаемъ различія у разныхъ людей и въ способности разсужденія. Такъ, изъ двухъ человекъ, стоящихъ лицомъ къ лицу передъ одною и тою же группой фактовъ, одинъ быстро перешагнетъ къ общему закону или принципу, лежащему въ ихъ основѣ, тогда какъ другой не сумѣетъ распознать этого закона. Равнымъ образомъ, одинъ человекъ несравненно быстрѣе другаго подводитъ новые факты подъ общія истины.

Эти различія, подобно различіямъ въ другихъ способностяхъ, бываютъ общія и спеціальныя. А. можетъ отличаться лучшею способностью сужденія о разныхъ вопросахъ, чѣмъ В; или, какъ обыкновенно случается, онъ можетъ проявлять замѣтное превосходство въ известной области, напримѣръ, въ практическихъ дѣлахъ, въ дѣлѣ изящнаго вкуса и т. п. Точно такъ же А. можетъ быть лучшимъ мыслителемъ вообще, нежели В., или проявлять свое превосходство въ какомъ-нибудь спеціальному направленіи. Такъ, бываютъ «индуктивные умы», быстрые въ наблюденіи и анализѣ фактовъ и находящіе наслажденіе, въ открываніи законовъ явленій—типъ естествоиспытателя. Съ другой стороны, бываютъ умы дедуктивные или демонстративные, сосредоточивающіеся легче на абстрактныхъ истинахъ, чѣмъ на конкретныхъ фактахъ, и искусные въ комбинированіи этихъ истинъ въ систематическую аргументацію—типъ математика. Кроме того, превосходство способности разсужденія можетъ обнаруживаться по отношенію къ какому-нибудь опредѣленному роду предметовъ изслѣдованія, какъ-то: къ области человѣческихъ дѣйствій и исторіи, къ геометріи или физикѣ. Эти различія подобно другимъ интеллектуальнымъ различіямъ, зависятъ частью отъ неравенства

¹⁾ Этотъ фактъ осмѣялъ Попомъ въ слѣдующихъ строкахъ: «Наши сужденія то же, что наши часы: всѣ идутъ разное, но каждый вѣритъ своимъ».

ствомъ внѣшнихъ впечатлѣній, вмѣсто того, чтобы самая душа отражалась во внѣшнемъ мірѣ.

Греческое искусство прошло эти три стадіи возрѣвія на природу, причѣмъ лишь въ незначительной степени подверглось разнообразнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Изъ миеологической ступени гомеровскаго эпоса возникло сначала болѣе свободное «чувство природы» лирической и драматической поэзіи классической эпохи, а изъ этого послѣдняго, наконецъ, возникло, помощью переходовъ, замѣтныхъ еще въ теченіи самой классической эпохи, — сознательное и мечтательное наслажденіе природой, свойственное александрійской эпохѣ и вылившееся, главнымъ образомъ, въ идиллію — родъ поэзіи, особенно важный для этой цѣли. Огромное вліяніе оказанное искусствомъ грековъ на позднѣйшія эпохи, препятствуетъ въ этомъ случаѣ ясному разграниченію различныхъ стадій. Какъ римской, такъ и новѣйшей культурѣ сразу досталось то, что было выработано греками мало помалу. Но съ тѣхъ поръ, какъ гуманизмъ вновь открытъ, вмѣстѣ съ сокровищами древней науки и искусства, также и классическое «чувство природы», почти утраченное христіанскою средневѣковою эпохой, уклонявшейся отъ всякихъ свѣтскихъ соблазновъ, — съ той поры и «чувство природы» новѣйшихъ народовъ достигло болѣе глубокаго и болѣе равносторонняго развитія. При этомъ характерныя различія національныхъ способностей и болѣе живыя сношенія между различными націями даютъ и въ этомъ отношеніи новѣйшей культурѣ такое разнообразіе, котораго никогда не достигала древность. Изъ трехъ ступеней «чувства природы», которыя можно обозначить терминами: «наивное, симпатичное и сентиментальное чувство», двѣ послѣднія стадіи въ особенности являются одновременно существующими факторами духовнаго развитія, измѣняющимися лишь по отношенію къ господствующему душевному настроенію, смотря по національнымъ условіямъ и условіямъ эпохи. Лишь одно наивное «чувство природы», безвозвратно утратившее свои жизненныя условія вмѣстѣ съ утратой первобытнаго міросозерцанія, которому оно принадлежитъ, хотя и можетъ вновь быть перечувствовано человѣкомъ новѣйшаго времени съ помощью размышленія, образующаго какъ разъ крайнюю противоположность наивному чувству, но ни въ какомъ случаѣ первоначальная свѣжесть чувства не можетъ быть при этомъ возобновлена. Впрочемъ, едва-ли необходимо замѣтить, что указанные термины даже по отношенію къ древности являются лишь одностороннимъ выраженіемъ своеобразнаго характера «чувства

природы» въ его различныхъ формахъ; въ особенности весьма важныя генетическія отношенія, нисколько не выражаются ими ¹⁾. Принимая во вниманіе это обстоятельство, быть можетъ, удобнѣе первоначально противопоставлять другъ другу миеологическое и эстетическое чувство природы, и это послѣднее подраздѣлять снова на объективное и субъективное. Тогда миеологическое чувство природы совпадетъ въ существенныхъ чертахъ съ наивнымъ, объективно-эстетическое — съ такъ называемымъ симпатическимъ, и субъективно-эстетическое — съ сентиментальнымъ.

Такъ какъ происхожденіе чувства природы отчасти приводитъ обратно къ этическимъ мотивамъ, которые скрыты то въ миеологической, то въ эстетической оболочкѣ, то и это чувство, въ свою очередь, оказываетъ не меньшія этическія дѣйствія, которыя, какъ большинство духовныхъ вліаній подобнаго же рода, обладаютъ свойствомъ съ своей стороны становиться мотивами воли и, такимъ образомъ, усиливаться при посредствѣ, не имѣющей конца, цѣпи взаимодѣйствій. Но на каждой изъ трехъ названныхъ ступеней развитія этическія дѣйствія проявляются въ своеобразномъ видѣ.

е) Миеологическое чувство природы.

Миеологическое чувство природы, для котораго явленія природы суть внутреннія стремленія, принявшія совершенно вещественную форму, пріобрѣтаетъ, въ созерцаніи не и з м ѣ н н о й п р а в и л ь н о с т и процессовъ природы, могучій стимулъ, служащій для подобной же нормировки собственной жизни, нормировки которая является на помощь упорядоченію жизни обусловленному самыми физическими потребностями. (Сравн. Гл. III). Такимъ образомъ, къ внѣшнему принужденію присоединяется внутренняя духовная потребность, которая разсматриваетъ свою собственную дѣятельность непосредственно, какъ нѣчто родственное природнымъ процессамъ. Божественное начало, влагаемое человекомъ въ природу, снова черпается имъ изъ природы, причемъ поступки божествъ представляются ему, какъ образцы человеческой дѣятельности. Такимъ образомъ, повелѣнія природы являются для человека образцами упорядоченнаго человеческого обычая, и понятіе закона, впервые проявляющее свою сущность въ че-

¹⁾ Ср. А. Biese, Die Entwicklung des Naturgefühls bei den Griechen u. Römern. Kiel 1882—84.

ловъческомъ обществѣ, чтобы въ послѣдствіи путемъ позднѣйшаго размышленія, наконецъ, быть снова перенесеннымъ на природу, — это понятіе въ самомъ началѣ возникло все же изъ природы. Это соотношеніе порядка природы съ порядкомъ, созданнымъ обычаемъ, особенно сохранилось въ религіозномъ воззрѣніи и н д у с о в ѣ. Въ многочисленныхъ символическихъ дѣйствіяхъ выражается здѣсь чувство законнаго порядка, объединяющее между собою небесный и земной міръ, и для живаго чувства природы, узнающаго въ созвѣздіяхъ и стихіяхъ присутствіе силъ, сходныхъ по сущности съ собственною душой человѣка, оба эти порядка представляются по существу однимъ и тѣмъ же. Въ жертвоприношеніяхъ, прежде всего, воспроизводятся тѣ небесныя явленія, въ которыхъ выражается законосообразность природы: въ послѣдствіи самыя жертвоприношенія переносятся въ небесныя пространства, чтобы они, какъ процессы природы, считались тѣмъ болѣе ненарушимыми законами человѣческой дѣятельности. Такъ А г н и и С о м а, — жертвенный огонь и жертвенный напитокъ, — прежде всего являются образами, созданными по подобію космическихъ божествъ; въ послѣдствіи и сами небесныя явленія, въ которыхъ воплощены эти божества, разсматриваются и обоготворяются, какъ дѣйствія особаго рода культа, выполняемаго самими богами ¹⁾).

Въ то время, какъ живость этихъ представленій, которые непосредственно влагаютъ въ порядокъ природы образцы человѣческаго жизненнаго порядка, постепенно убываетъ, остатокъ этого міровоззрѣнія продолжительнѣе всего сохраняется въ томъ страхѣ передъ природой, который удерживаетъ человѣка отъ насильственнаго вторженія въ нее. Для этого чувства, представляющаго смѣшеніе религіознаго благоговѣнія съ эстетическимъ чувствомъ природы, наиболѣе выдающимся примѣромъ является, прежде всего, міровоззрѣніе г р е к о в ѣ. Еще въ Прометей, Икаръ, Фаятонъ мнѣ описываетъ поучительную исторію героическаго стремленія къ дѣятельности, которое губитъ героя потому, что онъ не уважаетъ вѣчнаго порядка природы, вслѣдствіе своего слѣпago высокомѣрія. Въ томъ же смыслѣ судитъ Геродотъ такія дѣла, какъ попытку Ксеркса прорѣзать предгорья Аеона и соединить мостомъ изъ кораблей противоположные берега Геллеспонта. Такъ какъ одни и тѣ же боги пекутся о природѣ и о человѣческой жизни, то нарушеніе порядка природы является въ то же время проступкомъ по отношенію къ нравственнымъ міро-

¹⁾ Abel Bergaigne, *Réligion védique*, p. 224.

вымъ законамъ, и даже проглядываетъ убѣжденіе, что съ нарушеніемъ первыхъ и послѣдніе теряютъ свою власть ¹⁾.

Распространенною (но, конечно, большею частью, вскорѣ вытѣсняемою потребностями существованія) формою этого страха передъ природою является пощада, даваемая животнымъ. Убіеніе животнаго есть, вѣдь, также проступокъ противъ естественнаго порядка, который чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе либо спеціальныя формы миеологическаго мышленія приводятъ въ прямое соотношеніе опредѣленныхъ животныхъ съ богами, либо чѣмъ болѣе представляется однородность чувствованія и дѣятельности животнаго и человѣка. Вѣроятно, приношеніе въ жертву животныхъ, прежде всего, помогло человѣку превозмочь это чувство отвращенія къ убійству. Убіеніе животнаго, не дозволенное для собственныхъ цѣлей, считалось угоднымъ божеству въ формѣ религіозной жертвы, и животное, посвященное богу, могло быть употребляемо также и человѣкомъ. Вотъ почему такъ часто и отчасти даже до нашихъ временъ, существуютъ особые религіозные обряды, которые культъ соединяетъ съ убоемъ животныхъ, даже когда это происходитъ для повседневныхъ цѣлей ²⁾. Весьма характеристично по отношенію къ чувству природы, что въ тѣхъ философскихъ сѣктахъ, въ которыхъ созерцаніе природы стало составною частью мистическихъ религіозныхъ идей, боязнь убіенія живыхъ существъ удержалась долѣе всего. Такъ, пифагорейцы и въ позднѣйшее еще время неоплатоники рекомендовали воздержаніе отъ употребленія мяса. Здѣсь «чувство природы» становится источникомъ аскетизма, который въ своихъ первоначальныхъ мотивахъ весьма далекъ отъ иныхъ факторовъ этого міровоззрѣнія, но, совпадая съ послѣдними по своему дѣйствию, въ концѣ концовъ, согласуется самъ съ ними, благодаря неизбежной реакціи цѣли на мотивъ. Мечтательный приверженецъ натуралистическаго пантеизма, въ концѣ концовъ, предается аскетизму не ради объекта, но ради ведущихъ къ блаженству послѣдствій, которыя онъ старается пріобрѣсти для себя самаго (т.-е. ради субъекта).

Для миеологическаго мышленія, представляющаго вѣчный порядокъ природы тѣсно связаннымъ съ нравственнымъ міровымъ

¹⁾ Ср. L. Schmidt, Ethie der Griechen, II, S. 60.

²⁾ Читатели, конечно, знаютъ, что у евреевъ убой скота подчиняется весьма строгой обрядовой регламентаціи. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ этихъ обрядахъ весьма трудно отдѣлать собственно обрядовой элементъ отъ эмпирической, хотя и грубой, гигиены.

порядкомъ, природа является внѣшнюю воспитательницей, ведущею къ нравственности, подобно тому, какъ религіозныя чувства образуютъ первичныя внутренніе мотивы нравственнаго поведенія. Оба мотива, впрочемъ, снова сливаются для наивнаго сознанія въ одно согласное совокупное дѣйствіе. И такъ, если съ философской или съ религіозной точки зрѣнія выставляютъ на видъ несовершенства этой стадіи развитія, указывая на недостатокъ умственной культуры и безкорыстной (*selbstloser*) религіозности, то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что нравственное чувство, какъ и чувство прекраснаго, возникло на почвѣ мифа, и, насколько мы знаемъ человѣческую природу, только на этой почвѣ и могло возникнуть. Человѣчество обязано мифологическому мышленію, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько въ личной жизни взрослый обязанъ своему состоянію бывшаго ребенка; конечно, дурно всегда оставаться ребенкомъ, но было бы еще хуже никогда не быть имъ.

d) Эстетическое «чувство природы».

Первый шагъ къ измѣненію этого воззрѣнія происходитъ тогда, когда естественный и нравственный міровой порядокъ болѣе не сливаются между собою, какъ въ первоначальномъ мифѣ, но когда внѣшній порядокъ вещей является только символомъ или чувственнымъ свидѣтельствомъ внутренняго жизненнаго порядка — шагъ, который непосредственно совпадаетъ съ превращеніемъ космическихъ божествъ въ нравственныя силы. Освобожденное «чувство природы», которое теперь тѣмъ глубже сознаетъ средство внѣшнихъ впечатлѣній съ внутренними душевными настроеніями, вслѣдствіе этого нисколько не освобождается отъ страха передъ насильственными переменами міроваго порядка. Наоборотъ, переходъ мифологическаго міросозерпанія въ эстетическое заставляетъ тѣмъ глубже чувствовать, какъ средство порядка природы съ нашими собственными чувствами, такъ и значеніе этого порядка, какъ этического образца. Изъ міра, лишеннаго боговъ, не исчезаетъ, дуновение божества. Оно лишь становится болѣе вездѣсущимъ, болѣе свободнымъ отъ вѣрованій, навязанныхъ извнѣ, но не почувствованныхъ изъ глубины души. Все еще самая природа по истинѣ чувствуется, какъ нѣчто божественное, лишь отдѣльные предметы природы перестаютъ считаться человѣкообразными божествами. Религіозное значеніе этого воззрѣнія выступаетъ всюду у поэтовъ и философовъ классической эпохи, всего же краснорѣчивѣе въ Платоновомъ *Тимей*, этомъ вполнѣ

совершенномъ образчикѣ философскаго творчества, возвышающаго миеическій элементъ до эстетической символики: творящее божество воплотило въ мировомъ порядкѣ нравственный законъ; природа, поэтому, уже болѣе сознательно, чѣмъ раньше, разсматривается, какъ чувственное воспроизведеніе божественнаго начала, которое, въ свою очередь, отождествляется съ нравственно-хорошимъ. И она тѣмъ болѣе можетъ содѣйствовать обратно эстетическому облагороженію при посредствѣ этой влагаемой въ нее мысли, что освобождается отъ человѣкообразныхъ двигателей, которые, дѣйствуя по произволу и внѣ законовъ, являлись слишкомъ точными копіями человѣческой жизни, чтобы годиться ей всюду въ образцы. Не лишено значенія то обстоятельство, что этотъ переходъ отъ миеологическаго воззрѣнія на природу къ эстетическому совпадаетъ съ началомъ открытія физическихъ мировыхъ законовъ. Разрушая безвозвратно миеологическое воззрѣніе, эти открытія въ то же время возвышаютъ цѣнность картины, открывающейся эстетическому созерцанію.

Тѣмъ не менѣе научное углубленіе въ задачи, представляемыя природой, влекло за собою неизбѣжно одну опасность: оно вскорѣ стало противодѣйствовать возвышенному мировоззрѣнію, мѣсто котораго замѣняло; эта опасность возникла изъ разсудочнаго созерцанія природы, которое постепенно должно было измѣнить въ свою пользу также и дѣйствіе природы на созерцающаго субъекта, и, такимъ образомъ, положить конецъ тому этическому впечатлѣнію, которое нѣкогда производилось на духъ человѣка мировымъ порядкомъ, какъ въ цѣлы мѣ. Какъ съ первымъ научнымъ пониманіемъ законосообразности мирового порядка связанъ переходъ миеологическаго созерцанія въ эстетическо-религіозное, такъ съ болѣе точнымъ развитіемъ естествознанія связано постепенное изчезновеніе и этого позднѣйшаго воззрѣнія, все еще признающаго объективную этическую цѣнность природы. Природа не перестаетъ вслѣдствіе этого дѣйствовать также и этически, посредствомъ возбуждаемыхъ ею эстетическихъ воздѣйствій; но она производитъ эти воздѣйствія лишь посредствомъ этическихъ идей, произвольно влагаемыхъ въ нее поэтически настроеннымъ чувствомъ, и это послѣднее, по крайней мѣрѣ, настолько относится сознательно къ своей дѣятельности, насколько оно болѣе не вѣрять въ объективное этическое содержаніе явленій природы. Прошло время, когда хотя и исчезло уже миеологическое содержаніе воззрѣнія на природу, но зато оставалось религіозное содержаніе въ тѣмъ болѣе чистой формѣ, что эта форма стала

чисто эстетической. Теперь природа не только была лишена боговъ, у нея было отнято божественное начало, — она отражаетъ, какъ въ миеологическій періодъ, во всѣхъ своихъ единичныхъ проявленіяхъ, лишь человѣческія чувства и страсти, но теперь она отражаетъ ихъ, только какъ человѣческія, а поэтому фантазія и здѣсь, какъ на предыдущей ступени, можетъ осуществляться свободно, не будучи связана преходящими, ходячими представленіями.

И такъ, эта послѣдняя ступень имѣетъ то общее съ миеологическимъ мышленіемъ, что подобно ему съ любовью погружается въ созерцаніе частныхъ, а съ объективно эстетическою ступеню у нея то общее, что обнимъ свойственна субъективная свобода духа. Отъ обихъ прежнихъ ступеней она отличается въ томъ отношеніи, что теперь человѣкъ находитъ въ природѣ лишь себя самого. Онъ ищетъ въ природѣ того, что бы возбуждало его собственное существо и, если она не выполняетъ этого желанія, тогда онъ самъ преобразовываетъ ее сообразно со своими потребностями. Поэтому здѣсь совершенно исчезаютъ какъ страхъ передъ природой, такъ и религиозное чувство, связанное съ ея законосообразностью. Этимъ человѣчески мъ цѣлямъ, которымъ должна служить природа, соответствуетъ то, что въ ней самой милое и трогательное болѣе плѣняетъ воображеніе, чѣмъ просто прекрасное; ужасное и поразительное — болѣе, чѣмъ спокойное и возвышенное, такъ какъ наше воображеніе ищетъ внѣшнихъ образовъ, выражающихъ его внутреннія настроенія.

Тѣсному единенію нашей жизни съ природой, которое такъ свойственно этой формѣ «чувства природы», соответствуютъ новыя этическія воздѣйствія, которыя приобрѣтаютъ власть надъ душой, именно благодаря той непосредственности, съ какою здѣсь человѣческое чувство сливается съ предметами внѣшняго созерцанія. Но вслѣдствіе своего чисто-субъективнаго значенія, именно эти воздѣйствія такъ же разнообразны, какъ и самыя душевныя волненія людей. Они могутъ усиливать нравственныя стремленія и доставлять искусственному воспроизведенію этическихъ мотивовъ живость, которой они раньше никогда не достигали; но та принудительная сила, съ которою нѣкогда запечатлѣвалась объективно въ самомъ міросозерцаніи идея міроваго порядка, охватывающаго и природу и жизнь, эта сила теперь перестала существовать. Отсюда, кромѣ большого разнообразія, и большая свобода этого чувства природы. Въ искусствѣ проявляется противоположность съ предшествующими стадіями раз-

витія, главнымъ образомъ, въ тѣсномъ сочетаніи описаній природы съ изображеніемъ человѣческихъ чувствъ и страстей, причѣмъ на первомъ планѣ является, то душа человѣка, то наоборотъ, природа; иногда же оба элемента, внутренней и внешней, такъ непосредственно сливаются между собою, что невозможно говорить о томъ, что изъ нихъ раньше, что позднѣе. Наиболѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ могущества этого настроенія, опирающагося на природу, является тотъ фактъ, что теперь впервые поэзія и изобразительное искусство овладѣваютъ такими областями, которыя хотя, конечно, въ дѣйствительной жизни никогда не были лишены этического значенія, но лишь теперь стали болѣе доступны для поэтической идеализаціи. Важнѣйшею изъ этихъ областей, такъ сказать, заново завоеванною искусствомъ, является любовь. Какъ была бы мыслима любовь въ такомъ видѣ, въ какомъ ее эксплуатируетъ новѣйшее искусство, сдѣлавъ изъ нея неисчерпаемую основную тему для лирики и романа, безъ нашего новѣйшаго чувства природы, безъ того непосредственнаго сліянія внешней впечатлѣнія съ внутреннимъ настроеніемъ, чему неподражаемый примѣръ мы видимъ въ поэзіи Гёте?

И какъ неизмѣримо ниже этического значенія этого мотива любви новѣйшей поэзіи, стоитъ роль, выпадающая въ древнемъ искусствѣ на долю бога любви, Эроса! Предчувствіе огромнаго этического могущества этого мотива любви встрѣчается впервые въ чудномъ диоирамбѣ Эросу, влагаемомъ Платономъ въ его «Федръ» въ уста своему Сократу. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, этому философу удалось раньше прочихъ предъугадать мысль будущихъ временъ, хотя его мышленіе все еще связано узами ограниченнаго жизненнаго кругозора античной эпохи.

Но возрастанію свободы и разнообразія, котораго достигаетъ чувство природы, руководимое лишь субъективными душевными настроеніями, теперь соответствуетъ, конечно, не только способность этого чувства приспособляться къ этическимъ мотивамъ, какого угодно содержанія, но отсюда происходитъ еще такая переработка впечатлѣній природы, въ интересахъ субъективной индивидуальности, которая въ одинаковой мѣрѣ удовлетворяетъ какъ хорошія, такъ и дурныя стороны этой послѣдней. Для чувства природы, ставшаго субъективнымъ, раскрываются до тѣхъ поръ оставшіяся неизвѣстными отношенія природы къ жизни духа, но ему становится непонятнымъ то объективное значеніе, которымъ обла-

далъ нѣкогда порядокъ природы, какъ образецъ нравственнаго міроваго порядка. Отсюда, какъ разъ на этой ступени, глубочайшее чувство природы и тончайшая воспримчивость къ извѣстнымъ этическимъ жизненнымъ направленіямъ могутъ соединяться съ важными нравственными недостатками. Малѣйшій эгоизмъ и любовь, готовая на самопожертвованіе, суровая жестокость и нѣжная чувствительность — всѣ эти качества чаще встрѣчаются вмѣстѣ въ характерѣ новѣйшаго человѣка нежели человѣка античнаго міра. Даже можно сказать, что вслѣдствіе стремленія контрастовъ къ взаимному уравновѣшенію, иногда подобныя соединенія не представляютъ ничего необычнаго. Смѣшеніе сентиментальной чувствительности съ кровожадною ненавистью къ людямъ, какое встрѣчается, напр., въ характерѣ Робеспьера, составляетъ истинный продуктъ этой новѣйшей мечтательности по отношенію къ природѣ, черпающей возбужденія изъ природы для тѣхъ чувствъ, которыя она желаетъ поддерживать, между тѣмъ внѣ этой сферы эстетическаго наслажденія и односторонняго нравственнаго сентиментальнаго развитія, исчезаетъ тотъ страхъ передъ природой, который одушевлялъ, быть можетъ, менѣе сильное, но болѣе непосредственное и чистое чувство природы прежнихъ временъ. Такимъ образомъ, и здѣсь преимущество большей свободы и большаго разнообразія развитія соединяются съ опасностями, которыя были неизвѣстны болѣе грубой ступени.

2. Культура и нравственность.

а. Регулированіе собственности.

Понятіе культуры въ высшей степени сложно, а потому и въ данномъ случаѣ вопросъ о вліяніи культуры на нравственность не допускаетъ простаго отвѣта. Вопросъ этотъ распадается на множество подчиненныхъ ему вопросовъ, относящихся къ отдѣльнымъ факторамъ, изъ которыхъ складывается вліяніе культуры. Въ изслѣдованіяхъ предшествующей главы уже указано на эти факторы, насколько они проявляются въ обычаѣ, а потому здѣсь остается лишь изслѣдовать вообще главные направленія, въ которыхъ обнаруживается вліяніе культуры. Изъ всѣхъ условій культуры наиболѣе раннимъ является выработка упорядоченныхъ имущественныхъ отношеній. Регулированіе собственности всюду является уже дѣломъ древнѣйшихъ нормъ обычая, оно же оказывается главнѣйшею задачей первобытнаго законодательства. Но собственность, которая равнѣе всего дости-

гаетъ признанія, это поземельная собственность. Въ началѣ она, вѣроятно, повсюду является въ видѣ коллективной собственности. Племенной союзъ разсматриваетъ, воздѣланную имъ и защищаемую общими силами отъ враговъ, почву, какъ общую собственность, изъ которой каждый членъ общины получаетъ въ пользованіе известную долю. Эти первобытныя отношенія, отъ которыхъ остались тамъ и сямъ слѣды у дикарей и у культурныхъ народовъ ¹⁾, измѣняются двумя способами. Съ одной стороны, территория, данная въ пользованіе отдѣльнымъ семьямъ, постепенно становится ихъ полною частною собственностью, съ другой стороны, возникающія сословныя раздѣленія приводятъ къ появленію господствующаго землевладѣльческаго и подчиненнаго (земледѣльческаго) услуживающаго или крѣпостнаго сословія, которому постепенно удѣляется часть земли въ ленное владѣніе, которая впоследствии, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, переходитъ также въ частное владѣніе этихъ бывшихъ вассаловъ ²⁾.

Такимъ образомъ, возникновеніе частной собственности путемъ выдѣленія изъ общаго владѣнія и постепенное освобожденіе ея отъ тягостей и ограниченій, которыя въ слѣдствіе этого еще въ теченіи долгаго времени связаны съ нею, — все это является общимъ и тому, и другому развитію. Воспоминаніе этого труднаго овладѣнія своею собственною землею осталось въ льготахъ и охранительныхъ средствахъ, которыми окружаютъ всюду поземельную собственность древнія законодательства. Такъ, законодательство Солона еще не признаетъ движимаго имущества прочною собственностью, и поэтому оно настолько же стремится смягчить относящіяся къ нему обязательства, насколько, наоборотъ, заботится объ охранѣ и сбереженіи поземельной собственности. Не въ меньшей мѣрѣ и цензъ, приписываемый Сервію Туллію, основанъ на томъ предположеніи, что поземельная собственность исключительно опредѣляетъ величину имущества.

Но еще въ древности возникла постепенно по мѣрѣ раздѣленія

¹⁾ О поземельномъ владѣніи въ Полинезій см. Waitz-Gerland, *Anthropologie* VI. 168, 792; о русской поземельной общинѣ см. Гакстгаузена, а также замѣчанія Экардта, *Baltische Culturstudien*. I. 480 и слѣд.

Въ теченіи 70-хъ годовъ въ Россіи появилась цѣлая литература объ общинномъ землевладѣніи. См., напримѣръ, работы Васильчикова, Посникова, Соколовскаго, Зибера, Ковалевскаго, Ефименко и проч. Изъ иностранныхъ авторовъ укажемъ еще на Лавеле и Мэна.

Р е д.

²⁾ Grimm, *Deutsche Rechtsalterthümer*, 2 Ausg. 491. W. Arnold, *Zur Geschichte des Eigenthums in den deutsche Städten*. Basel 1861.

сословій и особенно по мѣрѣ созданія класса свободныхъ рабочихъ, новая форма движимой собственности — капиталъ. Частный капиталъ, этотъ избытокъ сбереженнаго труда, отложенный въ видѣ мѣнновыхъ цѣнностей, приобрѣлъ все болѣе возрастающее значеніе и въ особенности въ римскомъ законодательствѣ былъ причиной возникновенія учреждений, съ цѣлью признанія его и его охраны, а между прочимъ также и съ цѣлью огражденія отъ злоупотребленій имъ. Какъ только объ эти формы собственности — поземельная собственность и движимый капиталъ — вступили между собою въ конкуренцію при приблизительно сходныхъ условіяхъ правовой охраны, движимая собственность должна была неизбежно одержать верхъ надъ недвижимою, такъ какъ первая была способна къ гораздо разнообразнѣйшимъ способамъ увеличенія своей цѣнности и къ почти неограниченному накопленію. Это перемѣщеніе отношеній цѣнностей, какъ оно представляется въ новѣйшее время, — чему содѣйствовали и другіе успѣхи, сдѣланные матеріальною культурой, — сопровождалось весьма далеко простирающимися этическими послѣдствіями. Пока земля считается по преимуществу обезпеченною собственностью, наследственное имущество имѣетъ преимущество надъ благопріобрѣтеннымъ. Съ послѣднимъ даже связывается, какъ это было даже въ наилучшій періодъ эллинизма, представленіе о занятіяхъ и общественномъ положеніи, недостойныхъ свободаго человека. Это воззрѣніе, вытекающее изъ чувства родовой и семейной общности, въ свою очередь, вполне приспособлено къ тому, чтобы усиливать эту общность. Хранить наследственное имущество и передать его въ неуменьшемъ видѣ потомкамъ, — считается долгомъ благочестія по отношенію къ предкамъ ¹⁾. До нашихъ дней остатки этихъ воззрѣній, частью въ смѣси съ стариннымъ предпочтеніемъ поземельной собственности, сохранился во всѣхъ тѣхъ законодательныхъ опредѣленіяхъ и хозяйственныхъ стремленіяхъ, которыя стараются предупредить раздѣлъ поземельной собственности. Но господствующій ходъ культурнаго развитія все болѣе и болѣе приводилъ къ тому, что цѣнность заработка (благопріобрѣтенія) выступала на передній планъ, а такимъ образомъ, и въ этическомъ отношеніи первое мѣсто выпадало на долю движимой собственности преимущественно передъ недвижимою. Древній человекъ работалъ для настоящаго, новый работаетъ для будущаго. Первый старается

¹⁾ L. Schmidt, Ethik der Griechen II, 390.

остаться вѣрнымъ традиціи своихъ предковъ посредствомъ употребленія, которое дѣлаетъ изъ своей собственности для личныхъ и общественныхъ цѣлей; послѣдній желаетъ отложить для своихъ дѣтей то, что возможно по удовлетвореніи его собственныхъ потребностей и притязаній общества на его трудъ; причемъ нѣрѣдко имъ руководитъ желаніе, чтобы жизнь его дѣтей была болѣе обезпечена, чѣмъ та, которою самъ онъ пользовался. Что каждое изъ этихъ возрѣній имѣетъ свои нравственные преимущества и недостатки, этого никто не станетъ оспаривать. Выбирать между обоими мы не можемъ, такъ какъ ходъ культуры никогда не можетъ быть повернуть вспять. Если нравственные основы имущественныхъ отношеній и могутъ измѣниться въ будущемъ, что весьма даже вѣроятно, то это произойдетъ не путемъ возобновленія стараго, но такимъ образомъ, что изъ новаго возникнетъ нѣчто еще болѣе новое. Если нравственная цѣнность античныхъ возрѣній заключается въ чувствѣ коллективности и благочестія, то обратно, новыя возрѣнія проникнуты болѣе живымъ интересомъ къ болѣе узкому семейному кругу, интересомъ, возроставшимъ по мѣрѣ расширенія сферъ гражданской и политической общности интересовъ. Но, съ другой стороны здѣсь же коренится и опасность эгоистическаго узкосердечія новѣйшаго человѣка, а возростающее стремленіе къ приобрѣтенію благъ хотя и увеличиваетъ способности человѣка къ достиженію нравственныхъ цѣлей, но въ то же время влечетъ за собою опасности для нравственности. Скупость, алчность, эксплуатація и монополія, стремленіе къ наслажденіямъ и полное погруженіе въ матеріальные интересы, все это, безъ сомнѣнія, качества, для которыхъ новѣйшая культура дала почти такія же богатыя вспомогательныя средства, какъ и для осуществленія нравственныхъ добродѣтелей.

в. Изобрѣтеніе орудій.

Въ тѣснѣйшей связи съ имущественными и промышленными отношеніями находится, какъ другой факторъ культуры, орудія и ихъ изобрѣтенія. Къ орудіямъ труда въ широкомъ смыслѣ слова относится также и домашнее животное. Его прирученіе и дрессировка есть одно изъ древнѣйшихъ открытій, исходящихъ изъ возникновенія земледѣлія. Облегчая бремя человѣческаго труда, рабочій скотъ смягчаетъ различіе между свободнымъ и рабомъ. Хотя рабство существовало еще долгое время наряду съ пользованіемъ домашними животными, все же участь рабовъ

стала болѣе человѣчною съ тѣхъ поръ, какъ уже не сами они тащили плугъ по пашнѣ, подобно древнимъ египтянамъ, таскавшимъ камни для постройки палатъ царей и вельможъ. Для дикаря звѣрь есть опаснѣйшій врагъ; онъ ищетъ отъ него убѣжища въ темныхъ пещерахъ или въ нездоровыхъ свайныхъ постройкахъ, воздвигаемыхъ на озерахъ и болотахъ. Въ началѣ культуры животное становится величайшимъ благодѣтелемъ человѣка: оно снабжаетъ его пищей, тащитъ его плугъ, снимаетъ бремя съ его спины, и ко всему этому изощряетъ его предпринимчивый духъ въ изобрѣтеніи и скусственныхыхъ орудій, сдѣлавшихъ возможными цѣлесообразную эксплуатацію мускульной силы животныхъ. Глубокую древность имѣетъ за собою открытіе повозокъ и земледѣльческихъ орудій; но гдѣ человѣкъ ограничивался примѣненіемъ своей собственной силы, какъ и теперь въ многихъ мѣстностяхъ внутренней Африки, тамъ эти орудія остались на первобытнѣйшей ступени развитія. Лишь упряжной скотъ, обладающій болшею способностью къ работѣ, сдѣлалъ эти первыя открытія техники болѣе удобными.

Конечно далеко превзошла все, къ чему въ теченіи продолжительнаго развитія могла побудить человѣка работа животныхъ, та эксплуатація мертвыхъ силъ природы, которая въ такой степени есть дѣло новѣйшей культуры, что теперь можно наблюдать развѣ первыя начала нравственныхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ этого переворота. Не только животное, но и самъ человѣкъ вытѣсняется изъ тѣхъ сферъ производства, къ которымъ онъ привыкъ съ давнихъ поръ. За сферами чисто-механической работы послѣдовала часть тѣхъ, которыя раньше не могли быть выполняемы безъ постоянного участія интеллектуальныхъ силъ. Машина стремится замѣнить не только мускульную силу, но и умъ ремесленника. Безчисленныя малыя суммы умственного труда, которыя истрачивались стариннымъ ремесломъ въ производствѣ отдѣльныхъ предметовъ, теперь собираются помощью разъ сдѣланнаго изобрѣтенія, осуществляющагося въ конструкціи машины. Такимъ образомъ, отдѣльно взятая работа одного человѣка снова низводится къ чисто-механическому труду, съ тою только разницей, что эта механическая работа сама сведена къ минимуму. Умъ и сила ребенка, приученнаго къ немногимъ легкимъ ручнымъ приемамъ могутъ этимъ способомъ иногда производить весьма трудную механическую работу. Но не только внѣшняя цѣнность, а также и нравственная оцѣнка работы неизбѣжно возрастаетъ или падаетъ со-

образно съ высотой индивидуальной способности, требующейся для ея выполнения. И такъ, въ техническомъ прогрессѣ культуры включена тяжелая опасность значительнаго нравственнаго регресса. Если рабочий скотъ нѣкогда освободилъ чловѣка отъ рабства, то, обратно, машина угрожаетъ снова сдѣлать неимущаго рабомъ. Только тотъ можетъ закрыть глаза передъ этою опасностью, кто не замѣчаетъ ударовъ, падающихъ на чужую спину. Но, конечно, было бы нелѣпо и здѣсь надѣяться помочь напрасной попыткой снова повернуть назадъ колесо мировой исторіи. Опасности, которыя приносятъ съ собою культура, могутъ быть устранены лишь дальнѣйшимъ прогрессомъ культуры. Частью можетъ здѣсь явиться помощь отъ того же самаго усовершенствованія орудій, которыя, выполнивъ задачу облегченія бремени механическаго труда, представляютъ этимъ болѣе свободный просторъ тѣмъ интеллектуальнымъ силамъ, которыя никогда не могутъ быть замѣнены мертвыми орудіями, и поэтому никогда не могутъ уменьшить своей цѣнности.

Въ одномъ, конечно, внѣшнемъ направленіи давно уже началось это вліяніе техники, уравнивающее ея собственныя соціальныя невыгоды, а именно въ расширяющемся материальномъ и умственномъ обмѣнѣ, который развивается посредствомъ машинообразнаго примѣненія движущихъ силъ природы, и въ этой области, несомнѣнно, замѣчается прогрессъ болѣе свободныхъ отношеній. Наилучшее же, что останется сдѣлать, выпадетъ на долю нравственнаго настроенія, которое осуществляется частью въ свободныхъ общественныхъ отношеніяхъ людей между собою, частью же въ законодательствѣ. Вѣдь, исчезли уже тѣ древнѣйшія формы нравственной зависимости, которую влекло за собою прежнее культурное развитіе, а именно зависимости раба и крѣпостнаго; эти формы уступили мѣсто, прежде всего, могуществу нравственнаго долга. Но въ то время, какъ снятіе бремени механическаго труда, сковывающаго умственные интересы, распространяется и поддерживается помощью вновь созданныхъ вспомогательныхъ средствъ обмѣна, точно также то нравственное настроеніе, которое придаетъ значеніе заповѣдямъ гуманности какъ въ узкихъ, такъ и въ широчайшихъ предѣлахъ требуетъ необходимаго предварительнаго условія: умственнаго развитія, которое освобождаетъ душу отъ предразсудковъ, свойственныхъ старинному общинному состоянію, и въ то же время дѣлаетъ общедоступными наилучшія жизненныя блага.

с) Усовершенствованіе средствъ сообщенія.

Между техническимъ усовершенствованіемъ вспомогательныхъ средствъ существованія и облагороженіемъ жизни путемъ духовнаго развитія, среднее мѣсто занимаютъ средства сообщенія. Они вполне основаны на примѣненіи извѣстныхъ техническихъ вспомогательныхъ средствъ. Сообщение, превысившее узкія и мимолетныя потребности, начало развиваться впервые съ помощью ѣзды въ повозкахъ и судоходства. Но вѣкъ пара и электричества быстрыми шагами приближается къ тому, что настанетъ время, когда существующія на земномъ шарѣ разстоянія не будутъ болѣе представлять замѣтнаго препятствія, и когда всѣ отрасли человѣчества, подвергшіяся вліянію культуры, будутъ находиться въ непрерывной умственной связи между собою.

Такъ же и здѣсь сначала явились средства, а они уже создали цѣли. Когда были сдѣланы первыя робкія попытки съ новыми средствами сообщенія, представленія объ ихъ значеніи еще вращалось въ тѣсныхъ границахъ предъидущаго опыта. Но здѣсь вспомогательныя средства не только неожиданно и почти противъ воли создали новыя цѣли, но они же все болѣе устраняли препятствія, являвшіяся со стороны старинныхъ жизненныхъ привычекъ и международныхъ правовыхъ отношеній. Въ этомъ рядѣ послѣдствій, сообщеніе само явилось въ видѣ вспомогательнаго средства, которое повлекло за собою новыя, неожиданныя послѣдствія, которыхъ, по обыкновенію, стали сознательно желать лишь вскорѣ послѣ того, какъ они уже стали извѣстны. Мы еще теперь охвачены социальнымъ и международнымъ переворотомъ, возникшимъ влѣдствіе быстрого роста сообщеній, и мы не можемъ предвидѣть конечныхъ послѣдствій этого переворота. Лишь два результата, отчасти являющіеся вознагражденіемъ за многія бѣдствія, сопровождавшія техническій прогрессъ, вполне очевидны. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ расширеніи экономическаго передвиженія вещественныхъ благъ, что способствуетъ болѣе легкому удовлетворенію недостатка, испытываемаго какою-либо мѣстностью, причемъ существованіе людей, живущихъ своимъ трудомъ и наиболѣе подчиненныхъ вліянію колебаній экономическихъ отношеній, обезпечивается отъ губельныхъ послѣдствій этихъ колебаній. Земля достаточно велика для уравновѣшенія всякой нужды, являющейся то тамъ, то здѣсь въ зависимости отъ природныхъ условій. Но средства сообщенія постепенно и осуществляютъ эту способность зем-

наго шара къ уравновѣшенію нужды. Второй результатъ, быть можетъ, еще важнѣйшій по его дальнѣйшимъ послѣдствіямъ, состоитъ въ громадномъ расширеніи примѣненія личныхъ способностей, открывающихся для отдѣльныхъ личностей. Рабочій рынокъ, нѣкогда имѣвшій мѣстный, или, въ лучшемъ случаѣ, провинціальный характеръ, становится постепенно національнымъ и даже международнымъ. Чѣмъ менѣе колебаній испытываютъ, благодаря этому возрастанію мирныхъ сношеній, интересы отдѣльныхъ народовъ, тѣмъ прочтѣе становится обезпеченіе противъ всякихъ военныхъ столкновеній. Идея международныхъ третейскихъ судищъ, въ прошломъ столѣтіи считавшаяся утопической мечтой, уже не разъ становилась дѣйствительностью подъ вліяніемъ могущественнаго давленія интересовъ, созданныхъ средствами сообщенія. Возрастаніе свободы личныхъ сношеній, вмѣстѣ съ увеличеніемъ производства и передвиженія матеріальныхъ благъ, привело, наконецъ, къ тому процвѣтанію и росту городовъ, которое, какъ бы ни были дурны тѣневые стороны жизни большихъ городовъ, все же оказали величайшія услуги въ дѣлѣ напряженія технической изобрѣтательности и въ дѣлѣ распространенія умственнаго развитія. Если въ старину искусство и наука могли процвѣтать лишь подъ покровительствомъ дворовъ, то въ настоящее время ихъ развитіе совершается почти всюду, гдѣ центры городской жизни могутъ дѣлать нѣкоторыя мелкія затраты на общественныя цѣли. Это расширеніе общихъ цѣлей даетъ отдѣльнымъ личностямъ болѣе удобныхъ случаевъ для общепользующей дѣятельности, а громадность общихъ интересовъ даетъ возможность справиться съ узкосердечнымъ эгоизмомъ отдѣльныхъ лицъ. Слова поэта: «Человѣкъ вырастаетъ вмѣстѣ съ ростомъ своихъ цѣлей» — осуществляются и здѣсь, какъ и во всѣхъ областяхъ нравственной жизни.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что именно средства сообщенія влекутъ за собою множество невыгодныхъ нравственныхъ послѣдствій, могущихъ бросить тѣнь на достигаемыя выгоды. Можетъ случиться, что на цѣлыя эпохи преимущества высшей культуры являются сомнительными именно въ силу этого обстоятельства. Помимо нравственныхъ опасностей, которыя приносятъ съ собою городская жизнь, благодаря слишкомъ легкой возможности удовлетворять личные желанія, благодаря искушенію, въ которое она вводитъ, судя наживу безъ серьезнаго труда, наконецъ, благодаря стеченію безнравственныхъ элементовъ, — помимо этого, громадная быстрота обращенія, какъ матеріальныхъ благъ, такъ и

мыслей сама по себѣ разсѣиваетъ всякаго человѣка, такъ что требуется гораздо большая, чѣмъ когда-либо прежде, моральная сила, необходимая для сосредоточенія себя въ преслѣдованіи опредѣленныхъ жизненныхъ цѣлей, а въ то же время частью общественный долгъ, частью собственное жизненное призваніе требуетъ особаго вниманія ко всѣмъ безчисленнымъ случайностямъ, касающимся общихъ интересовъ. Если въ этому добавить, что умственное производство возросло, по крайней мѣрѣ, въ объемѣ и что его вспомогательныя средства, распространяющія новое умственное приобрѣтеніе частью въ средѣ лицъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ, частью въ болѣе обширныхъ кругахъ, стали гораздо могущественнѣе прежняго, то нельзя не убѣдиться, что жизнь современнаго человѣка, болѣе легкая въ частностяхъ, вообще стала гораздо тяжелѣе. Ему представляются болѣе трудныя задачи, а въ ближайшихъ жизненныхъ цѣляхъ, ему представляются гораздо большія требованія. Размѣръ силы, котораго прежде было достаточно для удовлетворенія требованій, теперь подъ ихъ бременемъ можетъ надломиться. Но и эти тѣневныя стороны культуры не могутъ заставить насъ пожелать, чтобы задача культуры не была довершена. Какъ для отдѣльной личности невозможны крупныя предпріятія безъ большихъ опасностей, такъ же точно культура не есть рогъ изобилія, дающій каждому, кто затронетъ его, зрѣлые нравственные плоды. Она есть благо, которое даетъ лишь возможность достигнуть результатовъ, какъ благихъ, такъ и дурныхъ, — большихъ чѣмъ тѣ, которые возможны помимо нея.

d. Духовное развитіе.

На одномъ уровнѣ съ развитіемъ имущественныхъ отношеній, техническихъ вспомогательныхъ средствъ и средствъ сообщенія стоитъ въ этомъ смыслѣ и опредѣляемый ими послѣдній факторъ культуры, включающій въ себѣ результаты всѣхъ предъидущихъ — духовное развитіе. Чѣмъ болѣе распространяется образованіе въ массахъ, тѣмъ болѣе извѣстный уровень его становится требованіемъ, которое не только ставитъ себѣ отдѣльная личность, или семья своимъ членамъ, но и государство гражданамъ, и тѣмъ болѣе устраняется этимъ главнѣйшее препятствіе, стоящее благодаря фактическому неравенству людей на пути практической гуманности. Требованіе всеобщей любви къ людямъ все еще имѣетъ характеръ теоретическаго постулата до тѣхъ поръ, пока глубокая бездна интеллектуальнаго развитія отдѣляетъ одного человѣка отъ другаго. Одинъ много путешествовавшій естество-

вундтъ. этика.

испытатель высказалъ однажды, что онъ любилъ негра, пока тотъ находился отъ него въ возможно болѣе далекомъ разстояніи; но эта теоретическая любовь превращалась въ инстинктивное отвращеніе, какъ только чернокожій дикарь вступалъ въ близкое соприкосновеніе съ нимъ. Сближеніе затрудняется не столько физическими различіями, сколько полнѣйшимъ различіемъ мышленія и чувствованія. Какъ только общее развитіе возбуждаетъ согласныя представленія и интересы, мы постепенно оказываемся способными перешагнуть черезъ эти внѣшнія различія.

Но равенство образованія не включаетъ въ себя равенства знанія и способностей. Эти послѣднія ограничиваются не только фактическимъ неравенствомъ человѣческихъ качествъ, но они вообще не согласимы съ тою многосторонностью стремленій, которая, со своей стороны, является необходимымъ послѣдствіемъ развитія культуры и просвѣщенія. Требованіе равенства естественно ограничивается тѣми областями жизни, которыя дѣйствительно являются общими всѣмъ, т.-е. общечеловѣческими интересами, которые частью возникаютъ изъ принадлежности къ одному и тому же гражданскому обществу, частью же, выходя изъ этихъ предѣловъ, проистекаютъ изъ совпаденія нравственныхъ и эстетическихъ воззрѣній и чувствъ.

Наши новѣйшія просвѣтительныя стремленія нерѣдко идутъ по ложному пути, смѣшивая эту общность развитія, которая одна достойна достиженія и способна дать счастье, съ тѣмъ совпаденіемъ знаній и способностей, которое, будь оно даже достижимо, явилось бы для громаднаго большинства человѣчества скорѣе несчастіемъ или, по малой мѣрѣ, бременемъ. Рука объ руку съ этими ложными просвѣтительными стремленіями идетъ также ложное стремленіе къ равенству, которое стремится создать равенство не по отношенію къ нравственнымъ качествамъ, независимымъ отъ профессіи, общественнаго положенія и внѣшнихъ благъ, доставленныхъ удачей, но, наоборотъ, какъ разъ по отношенію къ этимъ внѣшнимъ предметамъ. Конечно, и въ этомъ стремленіи есть извѣстный нравственный мотивъ. Насколько онъ вытекаетъ изъ убѣжденія, что требуется извѣстная обезпеченіе жизненныхъ условій, чтобы могло быть достигнуто выше указанное равенство нравственнаго развитія, настолько, подобное стремленіе вполне законно. Изъ всѣхъ сомнительныхъ моральныхъ принциповъ такъ называемый принципъ самопомощи есть одинъ изъ самыхъ обоюдоострыхъ:

превосходный для того, кто имѣетъ силу и охоту помогать самому себѣ, благодѣтельный для того, которому не достаетъ лишь энергии, необходимой для дѣятельности, но лишенный значенія для каждаго, кто совсѣмъ слабъ для жизненной борьбы, а въ устахъ того, кто прилагаетъ это правило къ другимъ, которымъ ему не хочется помочь,—онъ преступленіе. Такъ какъ равенство образованія никогда не можетъ привести къ равенству познаний и способностей (*des Wissens und Könnens*), то и различія способностей къ исполненію работы, а также различія положенія и вліяній, которыя приобретаются благодаря способностямъ, устранить невозможно. Это значило бы создать насильственно фиктивную оцѣнку, которая сравнила бы всѣ способности и всѣ занятія. Но противъ равенства способностей природа заявляетъ свое *vet o* (запрещеніе), и равная оцѣнка всѣхъ занятій не въ состояніи удержаться вопреки нашимъ умственнымъ, эстетическимъ и этическимъ сужденіямъ. Такимъ образомъ, остается, помимо этого, возможною и дѣйствительною цѣлью лишь единственное равенство: оно состоитъ въ равномъ для всѣхъ правѣ добиваться духовныхъ сокровищъ, которыя произведены культурой. Но это право, если оно не должно оставаться пустою формою заключаетъ въ себѣ требованіе, чтобы никому въ теченіи его борьбы съ нуждами существованія не было возбранено участіе въ томъ богатствѣ, которое составляетъ общее достояніе человѣчества, — какъ бы ни было различно жизненное положеніе отдѣльныхъ единицъ. Это требованіе остается слѣдовательно, нравственнымъ постулатомъ (предварительнымъ условіемъ) которому сама культура будетъ и угрожать, и оказывать помощь, и который, въ силу этого, представляется не результатомъ ея, а ея необходимымъ нравственнымъ завершеніемъ.

е. Выгоды и невыгоды культуры въ нравственномъ отношеніи.

Изъ рассмотрѣнныхъ явленій нравственной жизни ясно вытекаетъ отвѣтъ на старый спорный вопросъ: благопріятствуетъ ли культура нравственности, или нѣтъ. Нравственное вліяніе культуры бываетъ всегда и вездѣ двойно. Съ одной стороны, она способствуетъ большей глубинѣ и обогороженію нравственныхъ понятій, съ другой—открываетъ разнообразныя пути къ уклоненію отъ добра. Культура создаетъ новыя преступленія, которыя, какъ, напримѣръ, различные виды обмана и подлога, были вызваны условіями культуры; древнимъ формамъ нарушенія права, воровству и

убійству, она даетъ новыя орудія и увеличиваетъ моральную тяжесть преступленія въ той мѣрѣ, въ какой здѣсь уже требуется особенная изобрѣтательность и предварительно обдуманнѣйшій планъ дѣйствій. Такъ какъ сложный механизмъ общественныхъ отношеній даетъ возможность рассчитывать, что виновникъ того или другаго поступка можетъ остаться въ неизвѣстности, то вмѣстѣ съ этимъ ослабѣваетъ и полезное дѣйствіе страха наказанія. Но самымъ тяжелымъ послѣдствіемъ является здѣсь потрясеніе религиозныхъ мотивовъ нравственнаго поступка. Для тѣхъ, чья нравственность имѣла своимъ источникомъ страхъ передъ будущимъ воздаяніемъ, исчезало и побужденіе къ воздержанію отъ проступка, когда пропадала въ нихъ и самая вѣра въ это воздаяніе. Впрочемъ духовная культура создаетъ и новыя неэгоистическіе мотивы, которые въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ вполне вознаградить упомянутыя невыгоды. Но не всегда бываетъ здѣсь равновѣсіе между выгодами и невыгодами. Весь древній міръ, какъ наглядно показываетъ нравственное паденіе римскаго государства, подвергался тяжелой участи: старыя мотивы нравственности здѣсь исчезли, новыя же выработаны не были.

Такимъ образомъ, на ряду съ высшимъ этическимъ усовершенствованіемъ, къ которому ведетъ культура, появляются и противоположныя не менѣе сильныя влеченія къ безнравственности и средства къ ихъ осуществленію, какія легко представляетъ та же культура. Отсюда слѣдуетъ, что на примитивной культурной ступени, нравственное состояніе болѣе однообразно. Но если первобытный человѣкъ даже въ своемъ естественномъ образѣ жизни представляетъ ничтожныя индивидуальныя различія, то тѣмъ незначительнѣе въ моральной области его отклоненія отъ средняго состоянія впередъ или назадъ. Поэтому, спрашивается: не можетъ-ли, на ряду съ увеличеніемъ добра, достигаемаго возвышеніемъ культуры, получить перевѣсъ постепенно усиливающееся зло, если мы примемъ во вниманіе общую сумму добра и зла? И не представляетъ-ли собой преимущества то примитивное состояніе, гдѣ человѣкъ, хотя и не зналъ добра въ его высшихъ формахъ, но зато не зналъ и зла въ его безобразнѣйшихъ проявленіяхъ? Въ вопросахъ практики, этотъ вопросъ обходитъ молчаніемъ. Да на него, несомнѣнно, и не можетъ быть никакого отвѣта, по крайней мѣрѣ, съ томъ смысломъ, въ которомъ такой отвѣтъ можетъ имѣть какое-либо значеніе съ этической стороны, а именнo если предположить, что человѣкъ сталъ бы дѣлать свободный выборъ между различными ступенями культуры, подобно тому, какъ

онъ выбираетъ изъ всевозможныхъ дѣйствій лучшее. Никто не можетъ выбрать себѣ такого періода древности, въ которомъ онъ желалъ бы жить. Мы можемъ удивляться героямъ гомеровскаго міра или рыцарству среднихъ вѣковъ; мало того, мы можемъ субъективно отдавать предпочтеніе нравственнымъ воззрѣніямъ одного времени передъ другимъ и даже передъ нашимъ. Но нѣтъ такого времени и такой культуры, которую мы могли бы поставить всеобщимъ образцемъ для всѣхъ временъ: это значило бы требовать, чтобы духовная жизнь пошла назадъ или остановилась въ своемъ развитіи. Таковы странныя и даже смѣшныя усилія романтиковъ, не только восхищающихся нравами среднихъ вѣковъ, но даже стремящихся возстановить ихъ въ современной искусствѣ и даже въ современной жизни; они желаютъ даже, напримѣръ, чтобы протестанты сдѣлались католиками, такъ какъ средневѣковой міръ былъ католическимъ. Каждый человѣкъ стоитъ въ предѣлахъ своего времени и его культуры, и о всякой другой для него не можетъ быть въ этомъ случаѣ и вопроса. Если же эта культура скрываетъ въ себѣ нравственныя опасности, которыя не были извѣстны другой культурѣ, то въ этомъ заключается лишь требованіе, чтобы отдѣльныя лица и общество противодействовали этимъ опасностямъ и содѣйствовали благоприятнымъ элементамъ культуры одерживать верхъ надъ неблагоприятными.

Даже съ точки зрѣнія той чисто-субъективной оцѣнки, которая, отдавая предпочтеніе извѣстной культурной ступени за ея нравственныя особенности, не желаетъ, однако, возвращаться вновь къ этой ступени,—нужно замѣтить слѣдующее: на нравственныя явленія мы не имѣемъ права смотрѣть какъ на что-то въ родѣ предметовъ природы, которые, со всѣми ихъ ствойствами, какъ они есть, можно или взять, или отбросить; напротивъ, такъ какъ нравственная жизнь отдѣльной личности имѣетъ свой первоначальный источникъ въ свободной волѣ, то и внѣшнія условія нравственной жизни въ свою очередь подлежатъ свободному выбору того, кто допускаетъ ихъ воздѣйствіе на себя. Если высшая культура представляетъ на ряду съ богатыми средствами къ усовершенствованію нравственной жизни и столь же значительныя опасности, то здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ силами природы, которыя во всякомъ случаѣ должны взаимно уничтожить другъ друга (компенсировать) вполне или частью, напротивъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ противоположными м о т и в а м и, между которыми возможенъ выборъ. Поэтому нельзя спрашивать, о томъ,

какія послѣдствія вообще влечетъ за собой культура, а о томъ, какія вспомогательныя средства даетъ она на помощь волю, стремящейся къ добру; только такой вопросъ и можетъ быть поставленъ правильно, ибо культура и нравственность суть двѣ области, которыя лишь перекрещиваются, а не вовсе обнимаютъ одна другую. Такимъ образомъ, не можетъ уже быть никакого сомнѣнія относительно того, на какой сторонѣ будетъ здѣсь преимущество.

3. Общія выводы.

а. Общіе элементы нравственности.

Понятія добраго и злаго, нравственнаго и безнравственнаго въ предъидущемъ изслѣдованіи употреблялись на первый разъ повсюду въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, какой придается имъ обычнымъ словоупотребленіемъ; при этомъ оставалось выяснить, представляются-ли въ общемъ сознаніи указанныя понятія съ достаточною ясностью и нуждаются-ли они въ точномъ опредѣленіи. Такъ какъ нравственныя представленія, какъ мы уже видѣли, измѣняются съ переменной условій окружающей природы и культурнаго вліянія, то дѣйствительно весьма легко возбуждается сомнѣніе: представляетъ-ли собой нравственная жизнь связанное цѣлое и не распадается-ли она скорѣе на различныя, отчасти даже расходящіяся явленія? Не измѣняется-ли доброе и злое, добродѣтель и порокъ настолько значительно въ понятіи чловѣка, что эти представленія имѣютъ приблизительно сходное содержаніе лишь въ извѣстный ограниченный періодъ времени и въ извѣстной ограниченной жизненной сферѣ? Не уклоняются-ли они совершенно другъ отъ друга внѣ этого періода и внѣ этой сферы; мало того, не становятся-ли они въ нѣкоторую противоположность по отношенію другъ къ другу? Возьмемъ Ахиллеса или Одиссея, въ которыхъ время, отразившееся въ стихахъ Гомера, видѣло несомнѣнный образецъ мужественной доблести. Насколько иначе смотритъ на нихъ стоическій философъ или браминскій мудрецъ и благочестивый христіанинъ, для которыхъ гнѣвъ и месть, хитрость и обманъ, даже если бы они, повидимому, служили высокимъ цѣлямъ, кажутся достойнымъ презрѣнія преступленіемъ? Въ противовѣсъ этой, колеблющейся природѣ нравственныхъ представленій, въ общемъ сознаніи напрашивается настоятельный вопросъ, существуютъ-ли вообще признаваемые всѣми элементы нравственнаго, или, можетъ быть, единственный:

общій его признакъ ограничивается лишь тѣмъ, что повсюду какіе-либо извѣстные поступки одобряются, а другіе не одобряются, причѣмъ, однако, содержаніе дѣйствій, подвергающихся различной оцѣнкѣ, можетъ быть крайне различно. Этотъ вопросъ особенно важенъ потому, что научно е изслѣдованіе нравственныхъ нормъ, конечно, должно исходить именно изъ всеобщихъ элементовъ нравственныхъ представленій, насколько они вообще существуютъ.

Здѣсь возможно замѣтить, что измѣненіе нравственныхъ представленій можетъ имѣть свою причину въ томъ, что всѣ душевныя явленія подлежатъ развитію, а что, поэтому, тѣ элементы нравственности могутъ считаться если не общепринятыми, то единственно дѣйствительными, которые продолжаютъ оставаться мѣриломъ нравственности на послѣдней и высшей ступени ея развитія. Но противъ этой точки зрѣнія можно поставить вопросъ: достигнута-ли гдѣ-нибудь эта послѣдняя и высшая ступень, и не бываютъ ли въ нравственной области, какъ и во всякомъ развитіи, зародыши развитія позднихъ ступеней заложены въ предъидущихъ ступеняхъ. Никакое развитіе не мыслимо безъ опредѣленнаго продолженія идеи. Какъ мысль взрослого, не смотря на все ея различіе съ мыслью ребенка, связана съ нею тысячами нитей, такъ точно и въ нравственной области не можетъ не существовать элементовъ, которые находятся въ подобной же связи, и которымъ въ этомъ смыслѣ должно приписываться всеобщее значеніе. Такими элементами, которые общи всѣмъ ступенямъ развитія, должны быть признаны, прежде всего, извѣстныя формальныя свойства нравственныхъ представленій. Но формальное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что нравственное выражается въ противоположностяхъ, которыя считаются похвальными или непохвальными. Сюда нужно присоединить, въ качествѣ втораго формальнаго свойства нравственныхъ представленій то обстоятельство, что нравственно-желательными считаются тѣ блага, наслажденіе которыми общааетъ продолжительное удовлетвореніе. Эта мысль о продолжительности отражается особенно въ религиозныхъ представленіяхъ, которыя, при содѣйствіи идей о воздаяніи и безсмертіи, стараются расширить нравственное удовлетвореніе до степени неограниченнаго по времени, слѣдовательно, абсолютно продолжительнаго.

Но этихъ формальныхъ опредѣленій недостаточно для того, чтобы разграничить нравственную сферу жизни отъ другихъ. Наше одобреніе или неодобреніе постоянно обуславливается и

опредѣленнымъ содержаніемъ одѣннимаго поступка. Свойство продолжительности, которое принадлежитъ нравственному удовлетворенію преимущественно передъ другими аффектами, во всякомъ случаѣ можетъ тоже вытекать изъ собственной природы нравственнаго. Общеобязательное содержаніе невозможно приписывать такимъ нравственнымъ условіямъ, которыя сами не общи всему человѣчеству, на примѣръ, которыя принадлежатъ опредѣленной, а притомъ еще и ранней культурной ступени. Семья, государство и внѣшній правовой строй образовались въ столь отдаленное доисторическое время, объ ихъ происхожденіи извѣстно такъ мало чего либо точно установленнаго, что мы едва ли можемъ поставить ихъ на одну доску съ возникновеніемъ нравственныхъ представленій, или выводить послѣднія изъ первыхъ. Даже болѣе: скорѣе мы должны допустить обратное, именно, что всѣ тѣ общественныя формы, въ которыхъ проявлялись нравственныя воззрѣнія, сами возникли изъ послѣднихъ, или, по меньшей мѣрѣ, при ихъ содѣйствіи. Но что же въ такомъ случаѣ останется у насъ въ качествѣ специфическаго содержанія нравственнаго, кромѣ извѣстныхъ психологическихъ элементовъ, которые не предполагаютъ никакихъ специальныхъ внѣшнихъ условій, а лишь вездѣ одинаковую природу самого человѣка? Дѣйствительно, такіе элементы заключаются въ извѣстныхъ нравственныхъ влеченіяхъ, которыя, правда, могутъ развиваться весьма различно и вслѣдствіе этого весьма разнообразно проявляться въ конкретномъ опытѣ, но, тѣмъ не менѣе, остаются всегда и вездѣ одними и тѣми же.

Они образуютъ тѣ двѣ огромныя области явленій, которыя мы обыкновенно считаемъ главными и постоянными формами проявленія нравственной жизни: это религіозныя представленія и общественную жизнь. Эти области въ свою очередь, конечно, дифференцируются самымъ различнымъ образомъ и вступаютъ между собой въ многостороннія и измѣнчивыя взаимодействія.

Эти двѣ большія группы общихъ явленій соответствуютъ двумъ основнымъ психологическимъ мотивамъ, всеобщая природа которыхъ подтверждается тѣмъ постоянствомъ, съ каковымъ они проявляются въ человѣческомъ сознаніи: это—чувствованія страха и расположенія. Оба первоначально относились къ весьма различнымъ объектамъ: чувство страха къ сверхъчеловѣческимъ существамъ и силамъ, чувство расположенія къ подобнымъ себѣ людямъ. На первомъ мотивѣ, прежде всего,

основывается религиозная, на последнемъ — социальная жизнь человека. Оба основныхъ стремленія вступаютъ въ многостороннюю связь и, такимъ образомъ, приобретаютъ взаимно подкрѣпляемое вліяніе на зависящія отъ нихъ жизненныя установленія; та широкая гуманность, которая образуетъ высшій цвѣтъ общественной жизни, выросла первоначально преимущественно на религиозной почвѣ. Все развитіе нравственности, какъ бы необыкновенно далеко не отстояли другъ отъ друга его ступени, вслѣдствіе упомянутого взаимодействія и вліянія приводящихъ интеллектуальныхъ моментовъ, покоится на дѣятельности указанныхъ двухъ основныхъ стремленій человеческой природы. Но развитіе послѣднихъ приводитъ не только къ согласнымъ между собою психологическимъ элементамъ, но и подчиняется опредѣленнымъ законамъ, которые, не смотря на все различіе отдѣльныхъ установленій жизни, имѣютъ также всеобщій характеръ.

в. Общія законы нравственнаго развитія.

Развитіе нравственныхъ представленій, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ оно представляется намъ въ достаточной полнотѣ, всегда распадается на три стадіи. Характеристическіе признаки этихъ стадій опредѣляются, главнымъ образомъ, различными отдѣльными развитіями, идущими на ряду съ ними. Начала нравственной жизни всюду отличаются совершенно почти одинаковымъ характеромъ: социальныя стремленія здѣсь ограничены, подавлены грубымъ эгоизмомъ, и вслѣдствіе этого добродѣтельно считаются здѣсь вѣщныя преимущества, полезныя самому обладателю ихъ и его близкимъ. Это состояніе почти полного сна нравственныхъ побужденій уступаетъ свое мѣсто большею частью вліянію религиозныхъ представленій, и тѣмъ взаимодействиямъ, въ которыхъ религиозное чувство вступаетъ съ социальными чувствованіями. Здѣсь начинается вторая стадія, въ которой, соответственно различію религиозныхъ и социальныхъ условій, наступаетъ различіе (дифференцировка) и возрѣвній на жизнь, возрастающая все больше и больше. Такимъ образомъ, этотъ періодъ времени можетъ быть охарактеризованъ, какъ выдѣленіе нравственныхъ понятій. Третья стадія сопровождается измѣненіемъ религиозныхъ представленій, въ связи съ которымъ стоитъ въ то же время постепенно возрастающее вліяніе философіи. Такъ какъ оба послѣднихъ обстоятельства сообщаютъ нравственной жизни ту гуманную тенденцію, которая всегда соответствуетъ зрѣлой ступени нравственнаго сознанія,

то подъ ихъ вліяніемъ сглаживается и различіе національныхъ воззрѣній. Этотъ законъ трехъ стадій или послѣдовательнаго выдѣленія (дифференцированія) и отъединенія нравственныхъ понятій подтверждается какъ переменною значенія словъ, употребляющихся въ языкъ, такъ и исторіей религіозной и соціальной культуры.

Въ этомъ, направляющемся по указанному закону, развитіи проявляетъ свое вліяніе и второй важный законъ. Игнорированіе его, можно прямо сказать, является главною причиною ошибочности нѣкоторыхъ этическихъ теорій. Это законъ гетерогоніи цѣлей. Этимъ названіемъ мы хотимъ обозначить то общее явленіе, замѣчаемое во всей произвольной человѣческой дѣятельности, по которому воля всегда проявляется такъ, что результаты поступковъ болѣе или менѣе далеко выходятъ за предѣлы первоначальныхъ мотивовъ воли; благодаря этому, возникаютъ для будущихъ поступковъ новыя мотивы, которые, въ свою очередь, производятъ неожиданные результаты съ подобными же послѣдствіями. Этотъ законъ гетерогоніи цѣлей, главнымъ образомъ, объясняетъ намъ то возрастающее богатство нравственныхъ воззрѣній на жизнь, въ народненіи которыхъ проявляется нравственное развитіе. Отсюда можно заключить, насколько ложно понимаютъ это развитіе, когда, какъ это часто бываетъ, допускаютъ, что цѣль и мотивъ всегда совпадаютъ (*congruent*) другъ съ другомъ или что побудительная причина, какого-либо воззрѣнія, выступившая на позднѣйшихъ ступеняхъ, уже съ самаго начала производила эти же самыя воззрѣнія. Этотъ законъ бросаетъ, однако, свой свѣтъ не только на лежащее позади насъ, но и на будущее развитіе нравственной жизни. Давая возможность смотрѣть на каждую ступень, какъ на необходимую подготовку къ слѣдующей, онъ въ то же время не позволяетъ полагать будущимъ событіямъ какой-бы то ни было границы на основаніи только нашихъ теперешнихъ понятій. Дѣйствительность всегда богаче теоріи. Здѣсь дозволительно развѣ только догадываться въ общихъ чертахъ о томъ пути, по которому пойдетъ будущее. Такъ какъ мы въ этомъ случаѣ сознаемъ себя самодѣтельными, то легко впадаемъ въ ошибку, не замѣчая, что всѣ конечныя цѣли, ради которыхъ мы работаемъ, остаются для насъ скрытыми. Такимъ образомъ, въ упомянутомъ законѣ заключается уже ясное указаніе на то, что мы не должны вообще заключать свои нравственныя цѣли въ узкія границы непосредственно стоящихъ передъ нами желаній и надеждъ. Каждый хочетъ, что

бы его считали «sub specie aeternitatis». Однако, несомненно, мы не должны вмѣстѣ съ философомъ, высказавшимъ это изрѣченіе, смотрѣть на безконечность, какъ на вѣчто данное и потому способное быть охваченнымъ нами въ непосредственномъ понятіи о ней. Наоборотъ, мы должны смотрѣть на нее, какъ на вѣчто будуще, какъ на безконечную задачу, разрѣшая которую, мы узнаемъ только ея части.

4. Нравственная жизнь и этическая наука.

Съ познаніемъ все общихъ элементовъ и законовъ нравственной жизни пріобрѣтаются предположенія, на основаніи которыхъ наука дѣлаетъ свои изслѣдованія нравственныхъ мотивовъ, цѣлей и нормъ. Это изслѣдованіе стремится узнать не только то, въ какомъ видѣ представляется фактически нравственная дѣятельность и ея нормы, но и то, какова она должна быть, чтобы исполнять требованія, предъявляемыя къ жизни нравственнымъ сознаніемъ, и насколько возможно дать отчетъ въ основаніяхъ такихъ требованій. Всѣ эти вопросы, хотя и затронуты уже въ изложенныхъ выше предварительныхъ антропологическихъ изслѣдованіяхъ, однако, отвѣта на нихъ еще не дано. Но выясненное на основаніи этихъ фактовъ наукою нравственное самочувствіе (selbstbesinnung) имѣетъ, въ свою очередь, исторію развитія, которая обладала не меньшимъ вліяніемъ на образованіе нравственныхъ представленій. Такъ какъ отчасти исторія самой этики представляетъ собою часть исторіи нравственной жизни, отчасти же самое изслѣдованіе нравственныхъ принциповъ требуетъ критическаго разсмотрѣнія различныхъ возможныхъ здѣсь точекъ зрѣнія, то вслѣдъ за предъидущимъ изслѣдованіемъ нравственныхъ явленій, мы поставимъ, прежде всего, обзоръ и критику философскихъ системъ морали.

Но такъ какъ этическія теоріи во многихъ случаяхъ соприкасаются съ нравственными воззрѣніями того времени, въ которое онѣ возникли, то всякое удовлетворяемое философіей стремленіе къ объединенному міросозерцанію влечетъ за собою то, что уже съ раннихъ поръ въ философіи отпечатлѣвались одинъ за другимъ противоположные взгляды, въ которыхъ, въ свою очередь, каждый разъ по своему снова отражалось фактическое состояніе нравственной жизни. Эти противоположности, хотя онѣ и возникли съ раннихъ поръ, постепенно принимали болѣе острое выраженіе, и часть этого процесса несомненно не закончена еще и теперь. Картина, которую представляетъ развитіе

этических теорій, обнаруживаетъ, такимъ образомъ, одновременно два источника: одинъ заключается въ нравственныхъ представленіяхъ времени, другой въ собственномъ направленіи философской системы (системы мысли), которой принадлежать данныя теоріи.

Если мы раздѣлимъ все развитіе этической системы на три большихъ періода — античной, христіанской и новѣйшей философской этики, то замѣтимъ, что между ними античная этика больше всего слагается изъ такихъ нравственныхъ представленій, которыя принадлежать сознанию массы. Въ началѣ она—религіозная этика и практическая мораль; только подъ конецъ она отдѣляется отъ національнаго сознания, изъ котораго вышла, частью для того, чтобы примкнуть къ общему гуманному, частью къ религіозному направленію. Вслѣдствіе этого она образуетъ подготовку къ христіанской этикѣ. Последняя, въ отличіе отъ античной, не выходитъ изъ народныхъ обычаевъ, а напротивъ, въ началѣ сама стремится стать закономъ для нихъ. Такимъ образомъ, она находится въ дѣятельномъ противорѣчьи съ несовершенствомъ дѣйствительной жизни, которой она противопоставляетъ образецъ идеальнаго, нравственнаго міра. Христіанская этика отсюда есть то, чѣмъ была лишь отчасти античная, т.-е. она—вполнѣ религіозная этика. Наконецъ, новѣйшая философская этика стремится снова стать въ связь съ фактически существующими основами нравственной жизни. Она связываетъ, такимъ образомъ, описательную точку зрѣнія античной этики съ нормативною точкою зрѣнія христіанской этики. Въ то же время во многихъ своихъ направленіяхъ она стремится къ тому, чтобы вновь отдѣлить нравственную область отъ религіозной. Впрочемъ, какъ новѣйшая философія вообще, такъ и новѣйшая этика въ частности раздѣляется на множество теченій; въ нихъ проявляютъ себя, главнымъ образомъ, отдѣльные реальные факторы, изъ которыхъ составляется сложная нравственная жизнь новѣйшаго времени.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Философскія системы морали.

Глава I-я.

Античная этика.

1. Начало этики.

а. Д о-сократовская этика.

Самое древнее умозрѣніе грековъ было преимущественно космологическимъ¹⁾. Поэтому, оно мало занималось этическими вопросами. Изрѣченія, положенныя въ уста мнѳическихъ или полумнѳическихъ мудрецовъ, представляютъ собой выраженіе народной морали, на которую нельзя смотрѣть, какъ на начало науки. Древнѣйшія философскія школы почти совершенно игнорировали этику, и прежде всего, іоническіе физики и элеаты. Но они все-таки, благодаря своей борьбѣ съ мнѳологическими заблужденіями народной религіи, борьбѣ, начатой Ксенофаномъ, по меньшей мѣрѣ, проложили, путь будущему этическому умозрѣнію. Точно такъ же и значеніе Пифагорейства заключается больше въ практическихъ нормахъ жизни, которымъ подчинялись его приверженцы, нежели въ обоснованіи собственно системы морали²⁾. Наконецъ, и у Гераклита, и у атомиста Демокрита находятся также лишь отдѣльныя этическія наставленія и замѣ-

¹⁾ Т.-е. имѣющимъ въ виду преимущественно мѣръ, природу (космосъ).

²⁾ Ziegler (Die Ethik der Griechen und Römer, I, S. 27 ff.) много мнѣніи объ этомъ. Но, мнѣ кажется, приведенные имъ аргументы доказываютъ только то, что этическіе мотивы оказывали вѣсть вліяніе и на космологическое умозрѣніе Пифагорейцевъ.

чанія³⁾). Пожалуй, можно допустить, что мнѣніе Гераклита объ источникѣ всякаго человѣческаго блага въ вѣрѣ въ божественный міропорядокъ, а Демокрита, напротивъ, въ ясности и спокойствіи души представляютъ первые проблески противоположныхъ направленій, которымъ позднѣе суждено было вступить въ борьбу.

Весьма замѣчательно въ развитіи научной этики то обстоятельство, что она не начинается, какъ другія области знанія, въ особенности, напр., философія природы, положительными научными соображеніями; напротивъ того, первые шаги ея заключаются въ отрицаніи, въ разрушеніи существующихъ нравственныхъ понятій. Если предшествовавшіе философы уже потрясли народную религію, то софисты стали уже возбуждать вопросы о связанныхъ съ нею нравственныхъ представленіяхъ. Софисты, какъ извѣстно, дали своему времени меньшей толчекъ тѣмъ, чему они учили, нежели тѣмъ, какъ они учили. То обстоятельство, что они первые стали предлагать знаніе за деньги, было нарушеніемъ народныхъ обычаевъ. Но что они начали это нарушеніе, которое въ наше время не кажется таковымъ, это доказывается и содержаніемъ ихъ ученія. Они не признаютъ никакой общей нормы человѣческихъ поступковъ, но утверждаютъ, что мотивы послѣднихъ лишь субъективны и потому не постоянны; то же самое мнѣніе выражаютъ они и о человѣческомъ познаніи, которое считаютъ субъективнымъ и измѣнчивымъ. Не смотря, однако, на такую отрицательную позицію, софисты даютъ этимъ возможность понять взаимную связь ихъ теоретическаго и практическаго ученія, чего древнѣйшіе философы почти не знали. Если нѣтъ одинаково постояннаго для всѣхъ знанія, то нѣтъ никакихъ всеобщихъ и необходимыхъ нравственныхъ основоположеній. Человѣкъ, и именно отдѣльный человѣкъ, со своими индивидуальными мнѣніями и желаніями, вездѣ является мѣрою вещей. На самомъ дѣлѣ, отсутствіе въ этой этикѣ моральнаго принципа только кажущееся. На мѣсто упраздненныхъ общепринятыхъ основоположеній здѣсь остается эгоизмъ, которымъ софисты пользовались, какъ руководствомъ въ собственной жизни, когда они употребляли съ пользой для себя свое знаніе и риторическое искусство, напр., когда они ловко обходили требованія, предъявляемыя обществомъ и государствомъ къ отдѣльнымъ лицамъ. Они учили субъектизму не только потому, что вѣрили

³⁾ См. объ этомъ М. Heinze Der Eudämonismus in der griechischen Philosophie, Abh. d. sächs. Ges. d. Wiss., phil. hist. Cl., VIII, S. 694 ff.

въ него, но и потому, что онъ былъ полезенъ для нихъ. И въ этомъ-то именно, а не въ ихъ противоположности старому космологическому умозрѣнію, лежала опасность ихъ ученія и вредъ его для общественной морали.

в. Сократъ и сократическія школы.

Человѣкъ, котораго уже Аристотель называлъ основателемъ научной этики, именно Сократъ, стоитъ въ своемъ отношеніи къ предшествующимъ философамъ на одной почвѣ съ софистами. И по его мнѣнію, человѣкъ, и именно отдѣльный человѣкъ, является единственнымъ предметомъ, достойнымъ наиболѣе серьезнаго вниманія. Однако, онъ совершенно выдѣляется изъ среды своихъ предшественниковъ и современниковъ въ отношеніи мотивовъ въ человѣческихъ поступкахъ: онъ считаетъ ничтожными или, по крайней мѣрѣ, второстепенными тѣ побужденія, которыя направлены на удовлетвореніе скоропреходящаго удовольствія или на достиженіе скоропреходящей пользы; истинно же достойными человека онъ считаетъ тѣ мотивы, которые могутъ вызвать продолжительное и притомъ все-таки достаточно интенсивное чувство удовольствія. Продолжительность и сила, хотя и формальные только критеріи, все-таки они даютъ легко узнаваемые признаки при опредѣленіи внутреннихъ свойствъ добра. Однако, Сократу, какъ мы должны заключать по изложенію его ученія у Ксенофонта и Платона, не удалось, однако, выработать своего содержанія, по своему болѣе точно опредѣленному понятію добродѣтели. И это весьма понятно не только потому, что сила и продолжительность всегда имѣютъ значеніе лишь относительныхъ признаковъ но и потому, что весь способъ сократовскаго изслѣдованія носитъ на себѣ индуктивный характеръ, причемъ дѣло направляется больше къ тому, чтобы представить добро въ отдѣльныхъ примѣрахъ, нежели обнять его въ опредѣленномъ общемъ понятіи.

Отсюда происходитъ не только то, что въ такомъ изложеніи доброе, полезное и пріятное мыслится, повидимому, какъ одинаковое, но и то, что признается этическое значеніе за сравнительно второстепенными видами полезнаго ¹⁾. Но было бы въ высшей степени ошибочно, строить все воззрѣніе Сократа на жизнь изъ

¹⁾ Замѣчательны въ этомъ отношеніи многочисленныя выраженія, приведенныя въ Мемог. Xenophon't'a. Особенно эту утилитаристическую черту въ Сократѣ выставилъ Heinze, а. а. О. стр. 731 ff.

такихъ отдѣльныхъ выраженій этого ученія. О немъ именно можно сказать больше, чѣмъ о комъ-либо, что человекъ больше своего ученія. Образъ человека становится намъ понятнѣе, когда мы схватимъ общую связь этихъ отдѣльныхъ выраженій. Здѣсь-то, въ требованіи продолжительности, вопреки софистическому скепсису, который всюду напираетъ на субъективную измѣнчивость,—и заключается прогрессъ. Когда при выборѣ мотивовъ преимущество отдается не тому, который на взглядъ кажется естественнымъ или пріятнымъ, а лишь тому, который даетъ продолжительное удовлетвореніе, то этимъ самымъ выборъ ставится вообще на степень предмета разумнаго обсуждения. Только послѣднее можетъ опредѣлить различіе между скоропреходящими благами и прочными. Такимъ образомъ, изъ этихъ требованій непосредственно вытекаетъ сократовское положеніе, что добродѣтель есть знаніе,—положеніе, которое заключаетъ въ себѣ въ то же время и увѣщаніе руководиться не скоропреходящими, но постоянными мотивами. Но та постоянная оцѣнка добродѣтели, которая твердо коренится въ отдѣльномъ сознаніи, не можетъ стать иной, непостоянной и переходя изъ одного субъекта къ другому, а имѣетъ общедѣйствительную цѣнность. Въ этомъ смыслѣ къ положенію, что добродѣтель есть знаніе, примыкаетъ и другое, что добродѣтели можно научиться. Только то знаніе, которое имѣетъ свою твердую основу въ общихъ законахъ человѣческой природы, можетъ быть раздѣлено съ кѣмъ-либо другимъ. Поэтому, съ своей субъективной точки зрѣнія на знаніе, софистъ Горгій былъ правъ, утверждая, что если бы кто-нибудь обладалъ знаніемъ, онъ не могъ бы его раздѣлить съ другимъ. Вышеуказанное положеніе Сократа объ изучаемости добродѣтели стоитъ въ полной противоположности съ этимъ утвержденіемъ.

Легко замѣтить и другое слѣдствіе мысли о всеобщности и необходимости понятія добродѣтели. Если то, что для одного составляетъ доброе и полезное, является тѣмъ же и для другого, то не можетъ и не должно быть, чтобы интересы отдѣльныхъ лицъ приходили въ неразрѣшимое столкновеніе; напротивъ, тамъ, гдѣ таковое должно угрожать, тамъ слѣдуетъ искать разрѣшенія путемъ разумнаго взвѣшиванія всѣхъ истинныхъ интересовъ. Несомнѣнно, что эти слѣдствія изъ ученія Сократа меньше всего получили выраженіе въ его ученіи. Его вниманіе слишкомъ много было сосредоточено на индивидуальномъ образѣ жизни, для того, чтобы выходящія отсюда требованія могли получить свое закон-

